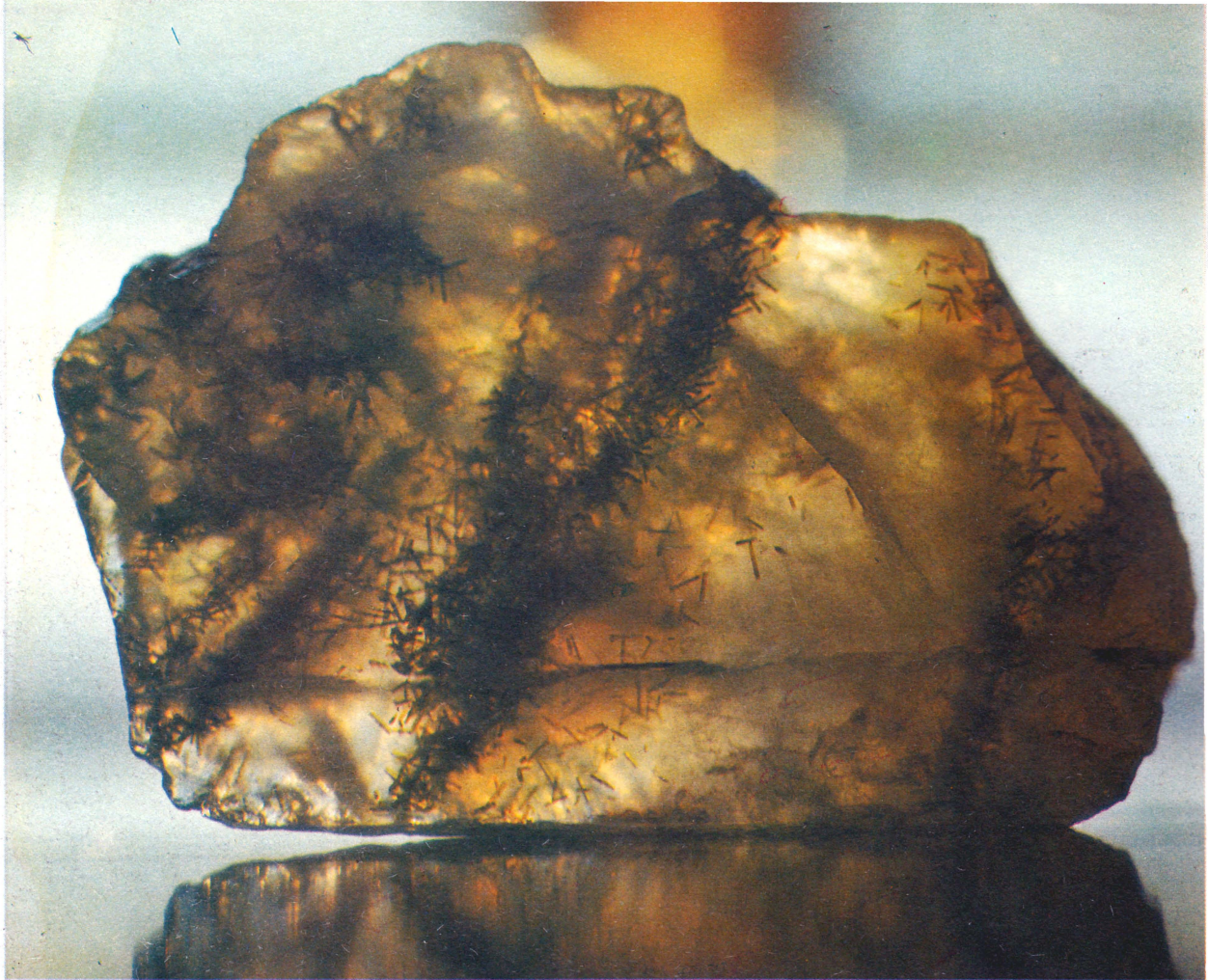

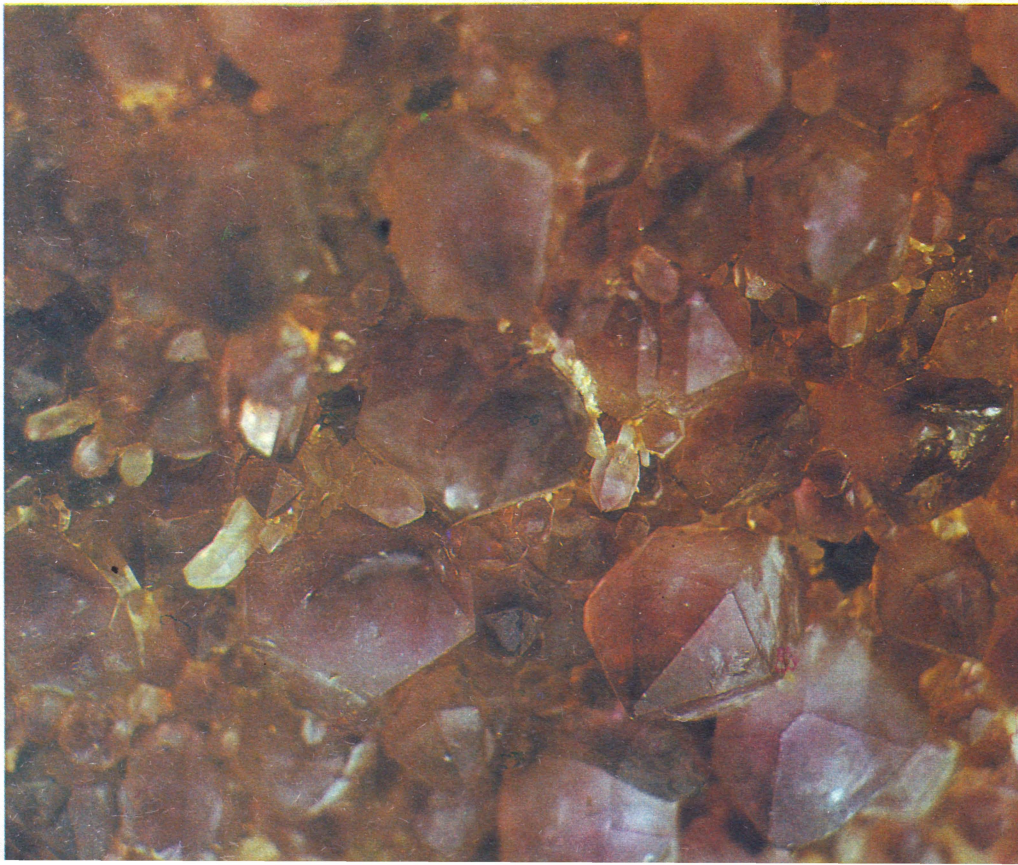
У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОНЬИМ
ИНДЕКС 73413, ISSN 0134-241X URAL STALKER 1'1994

КРИСТАЛЛЫ ЭПИДОТА В КВАРЦЕ

НА СЛАЙДАХ — ОБРАЗЦЫ МУРЗИНСКИХ КОПЕЙ

ДРУЗА АМЕТИСТОВ

УЧРЕДИТЕЛИ —

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Юрий КУРОЧКИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, Г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 10. 12. 1993.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага типографская №2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,96.
Уч.-изд. л. 13,2.
Усл. кр.-отт. 7,8.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2203.
С.-3

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате

142300, г. Чехов Московской обл.

На 1 и 2 стр. обложки слайды
В. Ветлугина

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1994 Г.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ: 1/1994

Горщик — слово уральское

Михаил СИДОРОВ 2

Сундучок Виталия Бианки

Елена БИАНИ, Владимир РУСАНОВ 4

На краешке тепла. Стихи

Юрий КАЗАРИН 8

Спас — Ярое Око. Приключенческая повесть

Юрий КОРОТКОВ 9

Заочный КПФ

25

Журнал в журнале "Аэлита"

Приговоренный. Фантастическая повесть

Геннадий ПРАШКЕВИЧ 27 (1)

Холодный синтез на "БИС"

Александр ГРАЧЕВ 55

"Пустозерские страдальцы"

67

Разговор в учительской

68

Страна сибиров

Вячеслав СОФРОНОВ 70

Во всем виноват Дюма-отец. Краеведческий детектив

Михаил ЛЕЗИНСКИЙ 73

Куклы в музеях мира

Регина ТЕРЕШКИНА 77

Мир на ладони

79

Лауреаты Демидовских премий

80

Михаил СИДОРОВ

ГОРЩИК – СЛОВО УРАЛЬСКОЕ

Говорят, каждый уралец обязательно должен увидеть каслинское литье и мурзинские самоцветы, поклониться мастерству великолепных литейщиков и легендарных горщиков.

И вот однажды весной после двухчасовой езды от Нижнего Тагила ступил я на землю знаменитой Мурзинки — там открывался минералогический музей им. Ферсмана — филиал Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела. Отсюда пошла по всему миру слава об уральских самоцветах.

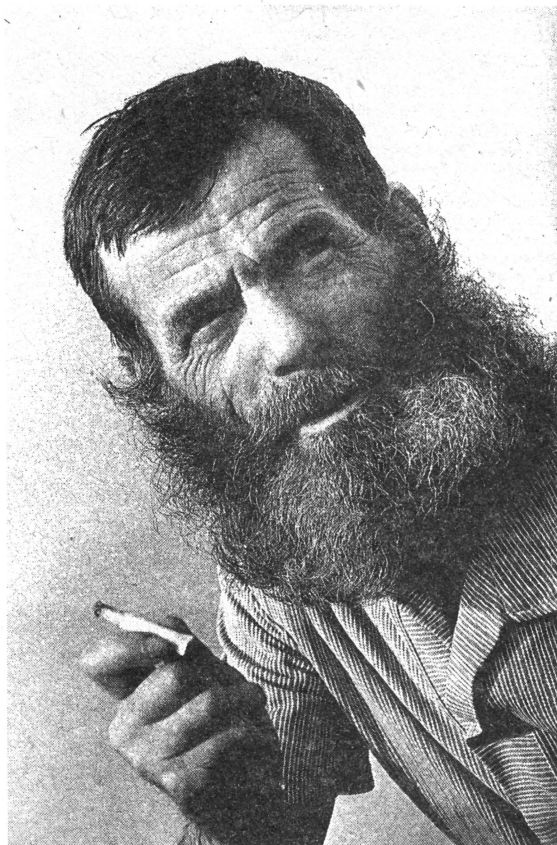
Вот она, будто перенявшая цвета голубого топаза, извилистая лента реки Нейвы, куда сползают последние беломраморные осколки весеннего снега. В тихие затоны смотрят старые, с резными наличниками, рубленные из кряжистого сосняка, избы древнего села. А на взгорке белокаменное здание с бирюзово-зеленой под малахит крышей — здешний музей самоцветов.

Шустрые мурзинские пацаны ногами уткнулись в стекло

витрины с кристаллами топазов. "Такой у меня есть", — говорит один. — "Да совсем и не такой, — отвечает другой, — твой поменьше да поплше". Здесь все от старого до малого знают толк в камне.

В двадцати двух витринах собраны самоцветные богатства: остроугольные кристаллы прозрачного и дымчатого кварца — мориона, аквамарины цвета морской волны, загадочные турмалины, фиолетовые аметисты, редкий гость здешних мест — изумруд. А вот перед нами в натуральную величину сруб — макет старательской шахты. Немудреный вороток со смоленой веревкой да штоф с веселым зельем...

Экспонируются документы первых искателей самоцветов: доверенность на получение билета, аттестат горщика, называемый "узаконенный билет на право разработки цветных камней на горе Ватиха по жиле "Каменный ров". Личная печатка горщика Ивана Пулкова, выточенная из горного хрусталя. В отделе этнографии — одежда, различные предметы, рассказывающие о старинном быте жителей самоцветного края.

Староверческая Мурзинка основалась здесь в 1640 году маленькой крепостцей для охраны Верхотурского тракта с юга. Еще в конце XVII века вездесущая молва доносила отсюда вести о том, что по берегам Нейвы старатели находят небывалой красоты обломки камней. Сюда из Верхотурья направились братья Тумашины, известные в те времена искатели руд и узорчатого камня. И вот в 1668 году Дмитрий Тумашов отыскал невдалеке от Мурзинского острога цветные камни и медную руду, о чем и объявил в Сибирском приказе. Получил он за это 164 рубля с полтиной. А из столицы вышел указ, по которому было велено "по всей Сибири дать позволение всякого звания людям искать как цветные камни, так и всякие руды без утеснения обывателей".

Нынешняя хозяйка музея Нина Дмитриевна Чудинова среди крутой праздничной занятости выбирает несколько минут для разговора со мной.

— Как родился музей?

— Где-то в 50-е годы директор здешней школы Василий Иванович Корепанов подзадорил ребятшек собрать в классе коллекцию камней. Собрали и не плохую. Она потом в народный музей переросла. Люди видят, дело хорошее делается, многие стали помогать. Учительница Галина Дмитриевна Лаптева, ныне хранитель музея, стала водить ребят в походы за камнем. Потом, в 1964 году, местные власти выделили вот это старое кирпичное здание в два этажа.

— А местные горщики?

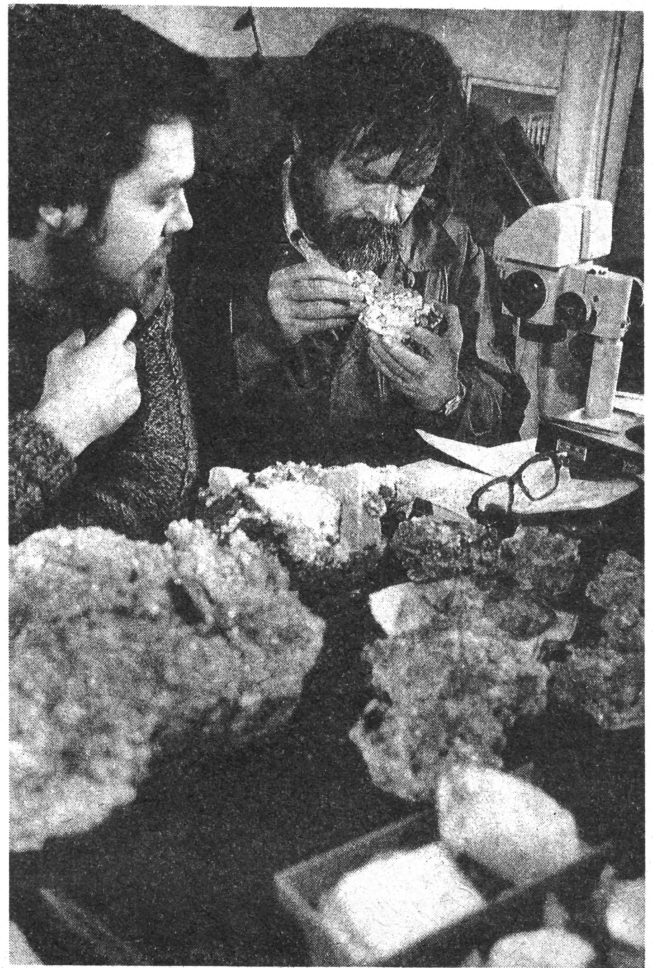
— По существу систематизированной основой стала богатейшая коллекция мурзинского жителя Ивана Ивановича Зверева. Общаясь с широким кругом геологов, он имел не только местные минералы, но и драгоценные камни с Кольского полуострова, с Сахалина, из Прибалтики. Все они здесь, в его персональной именной витрине.

В здешних местах говорят, что человек без устали глаза может смотреть на пламя костра, воду родниковую, да еще на переливы драгоценного камня. В бабушкиных сундуках хранятся у кого аквамарин родниковой воды, у кого аметист "тальяшка" — с Тальянинских копей. Они, эти копии, — рукой подать, прямо за рекой. И открыли их в давние времена два брата Тартори, уроженцы Италии. Значит, не без основания одна из аметистовых ям получила название "Тальяна".

Да, в названиях сотен здешних копей кажется запечатлелась вся история самоцветного промысла. Случалось, выпадал "фарт", шла в руки большая добыча — копии называли "Тысячница", "Семидесятная", "Сторублевка". А бывали годы, когда камень не шел. Отсюда названия: "Сиротка", "Голодный Лог" и просто "Свистунья".

Местные жители Александр Николаевич Иванцов и Николай Викторович Конев продолжают старые традиции. Сами находят да гранят камушки. Обычно окраска в кристалле распространена неравномерно. Кончик кристалла — темный и прозрачный, а основание — белесое и мутное. Эта окраска нередко подсказывает мастеру, какую огранку дать камню: круглую, овальную, шестиугольную или кабашон. Опытный огранщик наиболее густую часть окраски старается расположить в центре камня. Таких секретов, было немало.

Недолгое между тем солнце сваливалось в полдень к западным отрогам Каменного пояса, высвечивая берестяные корки дров на деревенских поленницах. А люди все шли и шли к музею на свой мурзинский праздник. Слушали, как увлеченно с указкой в руках толкует о камушках Нина Дмитриевна Чудинова, "совсем почти нашенская". Ее стараниями появились здесь эти строгие и изящные экспозиции минералов. Пройдет немного времени и о здешних самоцветных кладах под стеклом наверняка узнают далеко за пределами Урала да и самой России. У многих, кто сюда приедет, засветятся в глазах огоньки удивления, восхищения и радости. Так будет обязательно. А в тот солнечный день мурзинцы чувствовали себя именинниками. Потомки старых горщиков, старателей и рудознатцев, понимая силу драгоценного камня, испытывали гор-

дость за свой самоцветный край. Ведь здешние мастера-умельцы и старое здание отреставрировали с большой любовью. А местные власти во всем оказывали помощь рождению музея.

...В сторонке смотрит на торжество старушка с палочкой.

— Старые времена вспоминаете? — спрашиваю. — "Как же, милоч, — отвечает, — вот на этом крыльце подавание просила в гражданскую... А здесь, у забора, отца расстреляли. Кто? А бог его знает, то ли белые, то ли красные. Тяжелые были годочки. Да и сейчас не легко живем.

— А камушки есть дома?

— Есть аметистик. Прежним цветом цветет, не потускнел. Времена меняются, да его не меняют. Вот и смекай.

Вечерело. Автобус ждал у калитки. Заканчивался мой день в краю самоцветов. Потом, дома уже, мне захотелось узнать, как словари толкуют это слово — "горщик"? Но не нашел ответа ни в одном из существующих словарей. Ответил, как мог, А. К. Матвеев, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета: "Когда в XVI веке русские с северных земель от Архангельска до Вологды пришли на Урал, здесь они, жители равнин, впервые увидели горы. И тех, кто потом был связан с камнем, так и называли — "горщики". Наше это слово, уральское".

А если наше, так нам о нем и помнить. И о людях этих, которых пока обошли словари.

Фото Владислава Ветлугина

Елена БИАНКИ

Владимир РУСАНОВ

Сундучок Виталия Бианки

Была у меня мечта написать о пребывании отца, Виталия Валентиновича Бианки, в Пермской (тогда Молотовской) области в эвакуации в годы войны. Но написать не удалось. А сейчас передо мной рукопись В. Н. Русанова, педагога, краеведа. Владимир Николаевич сделал то, что не удалось мне. Мы давно переписываемся. Несколько лет назад получила я через него приглашение навестить места, где жила наша семья с мая 1942 года по август 1944-го. Очень я благодарна пригласившим меня и сделавшим поездку не только полезной, но и приятной.

Я прочла рукопись и подумала: а что, если текст Владимира Николаевича перемежать моими комментариями, уточнениями, может быть, даже исправлениями, если понадобится? Получится что-то вроде диалога, который можно дополнить строками из дневника В. В. Бианки, его переписки. Так мы и поступили.

Так что перед вами рассказ о днях Виталия Бианки в Прикамье, написанный сразу тремя авторами.*

Е. В. Бианки

Виталий Валентинович Бианки — русский советский писатель. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Петроградского университета.

Уточняю. Учился в университете считанные месяцы, в 1916 году был призван на военную службу. После революции уехал на Алтай. Вернулся в Петроград осенью 1922 года.

Литературную работу начал в 1923 году. Писал для детей. Он сам говорил, что "...писал для детей и взрослых, сохранивших в душе ребѣнка", то есть лучшие качества человека: широко раскрытые на мир глаза, непосредственность, чистоту помыслов. Определение "детский писатель" все же не может

вместить всего творчества Виталия Бианки — оно шире и глубже.

Увлекательные книги Бианки учат проникать в мир природы. Его "Лесная газета на каждый год" (1-е издание вышло в 1928 году) — своеобразная энциклопедия жизни леса и его обитателей. Сказки, рассказы, повести переведены на многие языки нашей страны, всего мира.

Есть у писателя удивительно поэтический рассказ — "Чайки на взморье". Он — о мальчике, мечтавшем найти клад. Однажды море подарило ему матрос-

ский сундучок. К сожалению, он оказался пустым. Однако, эта находка стала спутником всей жизни героя-писателя: он складывал в него созданные им книги. И вот заветный сундучок почти полон. Открывая крышку, герой рассказа видит в зеркальце себя, постаревшего. "Но еще он видит и другое: множество человеческих лиц, которые смотрят на него с любовью, с благодарностью, с дружкой. Это те, с кем делил он горе и радости на долгим пути своей жизни. О ком рассказывал в своих книгах и к кому обращал свои слова, самые заветные, самые дорогие сердцу слова".

По-видимому, рассказ носит автобиографический характер. В таком случае в сундучке нашлось место и для Прикамья.

Да, "Чайки на взморье" — рассказ в значительной степени автобиографический. Действительно, волны финского залива прибили когда-то к берегу матросский сундучок, мальчик — Виталий Бианки — с волнением: что, что в нем? — его вытащил. Это факт ("желудь" — по выражению Марка Твена), которым и воспользовался В. Бианки для "выращивания" художественного рассказа.

В годы Великой Отечественной войны Прикамье стало вторым домом для многих людей, чьи родные места были захвачены или разрушены врагом. Среди них известные деятели литературы и искусства. Из Ленинграда на Урал переехал весь Литфонд.

В июне 1942 года в Пермь прибыл В. В. Бианки с семьей. Он писал в Пермский областной отдел народного образования: "Оторванный от своего родного города — Ленинграда — и не имея возможности по состоянию здоровья принять непосредственное участие в войне с оккупантами, я хотел бы в это трудное для всей нашей страны время наилучшим образом приложить свои силы и способности на пользу Родине...

* Печатается с сокращениями. — Ред.

Готов немедленно переехать туда, где могу быть использован шире и лучше".

Но в Перми "крыши нет". По совету знакомого профессора В. А. Кондакова, уроженца Осы, писатель вместе с женой Верой Николаевной, дочерью Еленой, сыновьями Виталием и Валентином плывет на пароходе в Осу, что в двухстах километрах от областного центра. Живут в здании, где ныне располагается диорама "Музей природы Осинского Прикамья".

Тут, мне кажется, надо уточнить. В Перми не остались многие ленинградские писатели — не потому, что "крыши нет". Это само собой. Отец не хотел, не считал для себя возможным оказаться в числе тех, кто целиком зависит от литфондовых пайков. Оса — это отсутствие суеты, возможность спокойно работать и, главное, близость к земле: можно прокормиться охотой и огородом. Так думалось...

Виталий Валентинович записывает в дневнике первые впечатления: "Весна 1942 года. Город Оса. Здесь тихо, красиво, отрешенно. Вид из наших окон широкий, дальний: на улочки под горой, на Каму с ее гористым здесь правым берегом, на обширный заливной луг с пасущимися здесь стадами коров, коз, гусей, стаями грачей и воронов (которых здесь удивительно много). Когда утром поднимается с заливного луга густой туман и между белыми стволами берез сливается с небом, — а небо белесое, одного цвета с туманом, — кажется: за оградой монастыря (мы живем в доме бывшего архимандрита) — конец света. И отрешенность от мира еще больше. И думаешь: да есть ли на свете война? Красного камня громоздкий собор за зеленой площадью... На голом камне у крыши растет зеленая березка. Какую она там нашла себе почву? Пыль, занесенную ветром с базара?"

Теперь окрестности Осы неизвестны: обширные луга оказались под водами Воткинского водохранилища, которые подступают под самые окна музея.

После тяжелой зимы 1941-1942 годов, нелегкой дороги писатель всей душой стремился к природе. По совету директора Осинского лесхоза Н. П. Катаева, принявшего участие в устройстве семьи Бианки, Виталий Валентинович поселился в деревне Первое мая. Местность была исключительно красива, лес подходил к самой деревне. Неподдалеку — два живописных Чумкасных озера. Именно эти места имел в виду писатель, когда рассказывал: "Жили мы в прошлом ходу в деревне на Урале. Домик наш стоял на берегу Камы..." (Рассказ "Главунчик" — 1943 г.). Здесь В. В. Бианки прожил до поздней осени.

Уже в это лето к нам приезжал в гости из Перми В. А. Кондаков, приятель отца еще по Бийску 20-го года. Такая уж была потребность и привычка у отца: чуть устроился на житье где-либо, если место нравится, зовет к себе. Вадим Александрович по профессии геолог. Он любил рисовать, делал небольшие акварели, а осенью 1957 года

прислал их в подарок Виталию Валентиновичу. Отец отозвался: "Я хорошо помню, как вы писали у нас в Маю эти акварельки, — и всею нам очень памятно и приятно эти "картинки из прошлого" — того пусть трудного, но все же дорогого времени, прожитого в такой красоте!"

По возвращении в Осу семья Бианки поселилась в доме на ул. Интернациональной, 36 (ныне 42), на втором этаже. Сейчас об этом напоминает мемориальная доска.

Мы занимали половину второго этажа этого частного дома. С лестницы — вход на кухню, ее быстро проходишь: холодная. За дверью коридорчик. Слева отцовский "кабинет" (т. е. стояли две кровати, у окна сто., перед ним стул — все). Вторая комната побольше, угловая, четыре окна. Посредине стоял стол, над ним слабая лампочка. Как мы вчетвером размещались на ночь — не помню. Наша семья состояла из шести человек, а не из пяти, так как с нами всегда была наша няня Саша (А. Е. Кольцова), помощница и друг семьи, жившая у Бианки с 1906 года. Центром всей нашей квартиры в прямом и переносном смысле была круглая железная печка — наше счастье, т. к. она не только обогревала, но варила, пекла в чугунке картошку, удивительно вкусную!

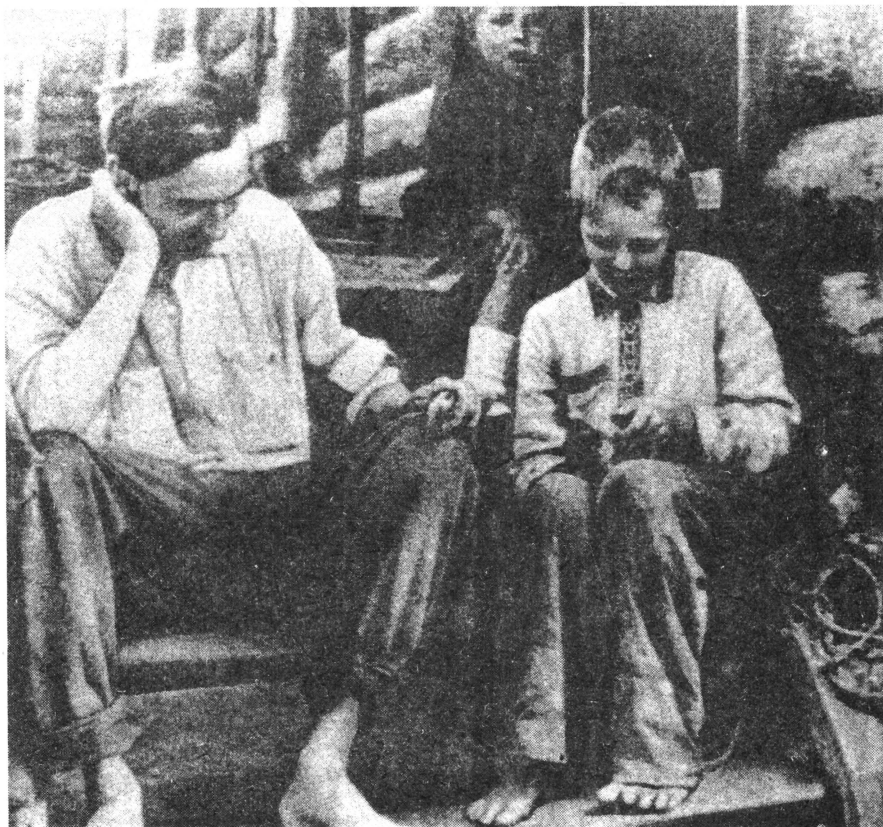
Виталия Валентиновича глубоко волнует краеведческое дело. Благодаря его усилиям, 17 ноября 1942 года состоялось

общее собрание местных любителей краеведения. Осинская типография отпечатала тиражом 60 экземпляров повестку собрания, где говорилось, что с докладом на тему "Проект постановки краеведческого и музейного дела в г. Осе и Осинском районе" выступит член Географического общества Всесоюзной Академии наук писатель В. В. Бианки.

Веско звучали слова доклада: "Чтобы наша затея не показалась пустым докучотством, вспомним товарищи: человек не может жить одними мыслями о войне и удовлетворении своих потребностей — одним суровым настоящим. Человек жив мыслями о будущем... Значит, нам необходимо такое дело, которое даже сейчас — в самое трудное для нас время — подготовило бы это счастливое будущее!"

Тут хочется добавить, что Виталий Валентинович в 20-х годах был организатором краеведческого музея на Алтае, в городе Бийске. Теперь этот музей носит его имя. В Боровичах Новгородской области он прочел "Слово о краеведении" на районной конференции учителей, говорил, что краеведение в широком смысле есть, в сущности, "жизневедение в неограниченном масштабе, начиная с местного быта".

В Осинском краеведческом музее хранится экземпляр книги "Иллюстрированный путеводитель по Каме и Колве..." (Пермь, 1911 г.). На сс. 68-72 приводится список 270 птиц Прикамья. Этот список составил В. Л. Бианки —

отец писателя! Валентин Львович был известным ученым-биологом. В книге есть карандашные пометки сына. Оказывается, Виталий Валентинович отметил в ней 140 видов птиц, встреченных им в Осинском районе. Так, спустя много лет, в далеком Прикамье нечаянно "встретились" ученый и писатель, отец и сын.

И тогда же сын Виталия Валентиновича, тоже Виталий (1926 г. рождения, в будущем ученый-орнитолог) переписал эти длинные списки, составленные дедом, а также "Список рыб бассейна реки Камы" (1911 г.) Л. С. Берга, друга и сослуживца деда, известного академика. Сейчас эти большие аккуратные листы передо мной, красным карандашом подчеркнуты виды животных, которые удалось им самим наблюдать. Не зря отец в те дни писал: "Старший сын теперь с головой ушел в орнитологические наблюдения... он уже готовый орнитолог — и со страстью".

Осенью 1942 года Виталий Валентинович становится общественным охотинспектором. Он описал Осинское лесничество в охотхозяйственном отношении, составил проект организации заказника. В архиве писателя сохранились записи по научному отстрелу животных Осинского района.

В это время в Прикамье появилось много волков. Они преследовали собак даже в черте города, большой урон наносили скоту.

Коренным осинцам до сих пор памятна одна история. Журнал "Дружные ребята" объявил конкурс на звание "Юный охотник". Под влиянием Виталия Валентиновича ученики средней школы создали кружок юных охотников, устраивали засады на волков. Однажды двум семиклассникам — Толе Юсупову и Коле Катаеву удалось "взять" волка. Однако права на него тут же предъявили подоспевшие взрослые охотники, которые, оказывается, подранили его. По совету писателя ребята обратились в суд. В день заседания вся школа пришла "болеть" за своих друзей. Пришел на заседание и Бианки. Его выступление решило дело в пользу юных охотников.

В Осе, в детских домах, жили эвакуированные дети, в том числе и из Ленинграда. В. В. Бианки часто встречался с ними, записывал истории их жизни. Он мечтал "написать что-нибудь дельное о детях, вырванных из городских теплиц и пересаженных в суровую почву Урала". У него есть неоконченный рассказ об эвакуированных детях. Но он, видимо, им не был доволен — так к нему и не вернулся.

Это приключенческая повесть о двух ребятах, убежавших из детдома. Называлась она "Тит и Пуд". Может быть, некоторая искусственность в ее построении не удовлетворила автора.

Вот как вспоминает Н.П. Устинов, ныне пенсионер, о встрече писателя с детьми. "Виталий Валентинович пришел к нам в школу в один из зимних вече-

ров 1942—43 годов. Затаив дыхание, мы слушали рассказ "Птичьи разговоры" в мастерском исполнении автора. К нашему восторгу, он превосходно подражал птичьим голосам. Прочел по рукописи рассказ "Приказ на снегу", написанный в Осе и еще не опубликованный..."

Пожалуй, будет уместно привести рассказ самого писателя о подобной встрече с детьми, взятый из его письма 1943 года: "...Удивительная штука произошла со мною на этих днях. Помнишь: в последнем письме я говорил тебе, что не могу писать, надо кончать с этим делом, — книга, над которой я работаю, захрясла у меня. И действительно: от муки писать в эдешних условиях я дошел до такого состояния, что перестал совсем ощущать материал и себя, не мог уже понять, что хорошо и что плохо в моей работе. И решил написать в редакцию, что отказываюсь, прекращаю работу, не могу. Но перед уничтожением рукописи прочел ее дома и в одном московском интернете — ребятам. Эффект получился совершенно для меня неожиданный: не только хорошо, — с увлечением слушали два часа, не дали даже перерыва сделать. Высшая награда: мальчик, который накануне получил весть о гибели отца и был до того мрачен, что за него боялись, — на чтении хохотал от души и получил разрядку своего горя. Воспитатели приняли это, как чудо. (Но ведь искусство, если оно настоящее, есть чудо!).

В чтении проверяешь себя; проверив на слух, я убедился, что вещь моя совсем не безнаджна. Вот и спешу похвастаться тебе. Готова только половина вещи, но сейчас я, кажется, был бы в состоянии работать день и ночь и в неделю кончить: так подействовал успех..."

Летом 1943 года Бианки живут за Камой, в деревне Заводчик. В письме от 14-го июня Виталий Валентинович сообщает: "Наша изба крайняя... у самых ворот околлицы". Когда в Осу приезжала Елена Витальевна, мы с ней совершили пешее путешествие в Заводчик. Сохранился дом с "кабинетом" писателя. В память о Заводчике Елена Витальевна увезла в Ленинград несколько саженцев.

Это были маленькие пихточки — "ласковые ели". Из Ленинграда весной я их отвезла в Новгородскую область, там у нас с мужем стоит деревенский дом на берегу красивого озера. Посадила их на среднем участке, где когда-то отец мечтал построить себе дом. У нас ведь в лесах нет пихты. Эти будут всегда напоминать о Прикамье.

На земле Прикамья В. В. Бианки встретил немало друзей. Один из них — писатель И. С. Соколов-Микитов. Они сблизились и подружилось еще перед войной, вместе ехали на Урал. Позднее И. С. Соколов-Микитов нередко приезжал в Осу, встречался с Бианки. Встречи были желанными и тогда, когда Иван Сергеевич некоторое время жил в Субботино, в 13 километрах от Осы.

Дружеские отношения сложились у Виталия Валентиновича с Н. П. Катаевым. Писатель был частым гостем в доме Катаевых на берегу Осинки. Нередко к ним присоединялся Соколов-Микитов. Длинными вечерами они беседовали о военных событиях, о жизненных невзгодах и судьбах близких и далеких людей, делились творческими замыслами, дружески спорили. В семье Катаевых хранят экземпляр книги В. Бианки "Нечаянные встречи" (1947). На форзаце читаем дарственную надпись автора: "Дорогому Николаю Панфиловичу на добрую память о нечаянной встрече в трудные годы войны. Вит. Бианки. 1.10.47 г., Ленинград".

— Я был счастлива в друзьях, — сказал как-то отец. Верно, друзья у него были замечательные, интереснейшие. И. С. Соколов-Микитов один из них. И я тоже счастлива, что с детских лет была с ним и знакома, слушала разговоры старших не только за столом, но и в лесу у костра, в театральной ложе и на нарах в вагоне-теплушке.

В феврале 1944 года Виталий Валентинович по вызову Наркомпроса выезжает в Москву, а летом того же года уезжает из Осы окончательно. В столице, а затем и в Ленинграде писателя ждала литературная работа.

Виталий Валентинович и его близкие тепло вспоминали годы, проведенные в Осинском районе. Вера Николаевна писала в 1969 году краеведу В. П. Шилкову: "Вспоминаешь хороших, добрых, отзывчивых людей, среди которых прошли те годы. Вспоминаешь быструю Каму, чудесные лесистые горные ее берега, Заводчик, где проводили лето..."

Да, не состоялась детская мечта, не нашел Бианки пиратского клада. Но в "заветном сундучке" писателя оказались несоизмеримо более дорогие сокровища. Как и герой рассказа "Чайки на взморье", В. В. Бианки сумел "опыт свой, свои открытия — большие и маленькие — передать людям-братьям". И люди помнят этого необыкновенного человека, любят его книги. Об этом свидетельствует название одной из прибрежных улиц в Осе и детской библиотеки в Перми — они носят имя писателя.

Если бы нужно было определить одним словом эти два заметных в жизни отца года, я бы сказала — "преодоление". Преодоление своего физического состояния и упадка духа; преодоление мешающих творчеству серьезных помех и мелочей быта; преодоление горечи безразличия и непонимания со стороны людей, к которым шел с тем, что казалось ему дорогим и нужным.

Но... "Человек должен жить страстью, направляющей его душу. И во мне живет некая жизнерадостная сила", — так сказал он о себе сам.

9 июля 1942 года — буквально на следующий день по приезде в Осу — Виталий Валентинович должен был вернуться в Молоток, чтобы принять участие в конференции работников эвакуированных детских учреждений. Было решено сделать книгу об эвакуантах

(термин железнодорожников). Виталий Валентинович начинает собирать материал. Его блокнот наполняется конспективными записями. Вот рассказ заведующего РайОНО П. Н. Братилова: "Поездка осенью — уже все замерзло — подготовиться в районе помещения и питание для шестисот московских детей. Дорога — грязь, склон, телега едет не столько вперед, сколько вбок. Накануне — в октябрьские праздники — ребят переносили по обледенелому бревну через быструю речку, сажали на другой стороне "как грибки". Поражало спокойствие детей. Когда кормили, дети поднимали руку, прося хлеба.

Переправа ребят — ленинградских — через Каму — в Верх-Давыдовку, Монастырку. На плоту! Без загородок. Ребята в середине, закутаны, прикрыты, а воспитатели сделали живую изгородь по краям плота..."

Кто-то рассказывал ужасную историю. В Бианки записал: "Идет эшелон с эвакуированными — долгая цепь "холодных теплушек", температура — 36°С. Машинист останавливает состав на выезде. Почему никто не выходит? Слезает, стучит в "теплушку". Никто не отвечает. С усилием открывает примерзшую дверь... Замерзли".

Задуманный сборник не состоялся. По поводу своей работы в нем в письме 1945 года В. Бианки говорит: "Писал, но не довел до конца, — перебила другая работа. Сырого материала (записок) много. Он тоже у меня на очереди; примусь за него, когда будет, наконец, у меня спокойная "келья под елью". Материал этот совсем не злободневный и мог бы иметь значение через много лет после войны. Основная тема: городские ("уличные" и "комнатные") ребята, внезапным катаклизмом вырванные из привычной городской жизни, брошенные на "мать-сыру землю"; во время мировых катаклизмов человек всегда оказывается вновь лицом к лицу с природой ("голый человек на голой земле") — и узнает в ней забытую мать; детям это чувство родства с природой доступно больше — скорее и ярче, чем взрослым".

Выбираю некоторые письма и дневниковые записи из осинских тетрадей отца. Они очень разные по темам и настроениям, короткие и длинные, деловые и сделанные мимоходом наблюдения вроде строк: "По старинке ночью в Осе бьют сторожа колотушку".

В. В. Бианки Из осинской тетради

12.10.1942 г., дер. 1-е Мая.

"Знаю: я преступно мало пишу тебе. Это из-за крайнего нашего неустойчивости. Уже давно, имея в мармане ордер на квартиру, мы перекинули почти все свои вещи в Осу, а квартиры не получили, — живем теперь как цыгане, приютившиеся на зимовку в чужой избе.

Кроме углышка стола, капли чернил, да двух-трех листов мягкой бумаги у меня здесь ничего нет. Целыми днями пропадаю в лесу".

(Из письма на фронт
Г. П. Гродненскому).

"Не первый день уже рвали рабочие на вырубке пни аммоналом. Еще раз заложили мину и отбежали. Глядят, стоит матерый волк недалеко от них. (Было лето, надо думать, рядом тут были его волчата).

Грохнул взрыв, куски пней дождем посыпались с неба. Несколько упало около самого волка. Волк даже головы не повернул к ним: он привык, он знал, что не в него нацелены снаряды, — не первый день рвали аммоналом пни на его вырубке".

Январь 1943 г.

"Салотопка. В одном км. от г. Осы к Каме у зимника на Богомяжково.

Вроде блокауза: избушка и самое деревянное строение салотопки обнесены сплошным забором.

Внутри у ворот — цепной пес на блоке. Еще две собаки (беспородные). Они невероятно (сейчас!) жирные: жрут конину до отвала.

Большое помещение занимает лошадиный морг. Все падшие от истощения лошади (а таких сейчас без конца) свозятся сюда. Свины тоже.

В избушке живет одна молодая женщина ("красноармейка") с тремя детскими. И вот жизнь: целыми ночами воют от страха, зачужав волков, собаки. Робкая женщина не спит ночей: без оружия, ждет, что вот-вот ворвутся волки в ограду и в саму избу (!).

Здесь мы с сыном, Николаем Панфиловичем и с С. П. Лукьянчиковым дежурили ночь (на чердаке) у привады. Волки не пришли".

27.01.1943 г. г. Оса

«...Беда глухого нашего здешнего житьишка в том, что ни на что больше не хватает времени и сил. Большая часть их уходит на ту же, все ту же "жизни мышью беготню", раздражающие мелочные заботы о поддержании (о большем и мечтать не приходится!) своего и семьи физического существования. Из-за этого я не успеваю работать столько, сколько надо (а надо писать мне сейчас очень много). Из-за этого я не могу любоваться днем солнцем в снегу, ночью — звездами в постоянно чистом здесь небе. Из-за этого не могу отправиться на недельку в лес — добыть лося, или хоть покараулить у самого города волков (которые вчера ночью зарезали козу на площади в центре Осы).

.....

О здешнем моем ученичке — Н. Т. Шелонине (директор Леспромторга — Ел. Б.) — тоже ничего прелестного сообщить не могу. Жалуются на него все. И мне он не по душе. Какого-то американского барина из себя разыгрывает. Сам приглашал заходить к нему, предложил помогать чем может, но во

второй раз милостиво отпустил на нас шестерых — 0,5 кг. крупы и 50(!) гр. масла... Что ж он думает, ежели у меня брюхо пустое, то я на этом брюхе и поползу к нему? Ох, уж эти мне ничтожества, на безлюдьи попавшие на директорские стулья и воображающие, что они превыше всех!..

Жил и проживу, не кланяясь таким. Жуть есть у меня тут настоящие друзья, нелицемерные, — и становится легче жить тут не только желудочно, но и душевно".

(Из письма на фронт
Г. П. Гродненскому).

25.11.1943 г. г. Оса

"...Бросить все и отдаться одной охоте? Этим можно жить, потому что человек должен жить страстью, напрягающей его душу. Но — сил нет, простых физических сил. Ну, к черту об этом!

Для того и стремлюсь в Москву сейчас, чтобы как-то наладить себе заработок: дальше так не просуществовать. Но вызова из Москвы все нет и нет, — хоть и обещают. А вернуться необходимо к апрелю: иначе распутица — и застрял..."

(Из письма на фронт
Г. П. Гродненскому).

18.03.1943 г.

"Утром в Осе на площади за нами сгорел домишко. Через день раскопали погреб. Он набит был картошкой. Верхние ряды ее испеклись — готовый обед. (Нижние сохранились в неприкосновенности). Работавших ждал роскошный обед, каких они не видят в столовых. На базаре тут сейчас цена картошки — 500—600 руб.пуд".

16.06.1943 г.

"Состояние отчаянное: только одно с великим трудом наладишь, укрепишь, расположишься работать — крах! — другое треснуло и опять день разваливается. А худшее: что нет сил уже бороться: душа омертвевает."

Мучился этим, сидя в лесу. Кругом молодые пихты протянули свои ласковые руки, растопырили нежные светло-зеленые пальчики (молодые побеги).

Смотрю, — одна пихточка (как сестры — в темно-зеленом платье) в красивых рыжих митенках: на концах веток перед светло-зелеными кончиками-пальцами — широкий (как завернутый рукав) ободок: сожженная (побитая морозом?) мертвая хвоя.

Значит: кончики отмерли. Смерть? Нет, опять еще не смерть: смочил теплый дождичек, осветило солнышко — и пошли новые побеги. Опять живет дерево и радуется жизни.

Мне стало стыдно за себя, — стыдно своего похоронного настроения.

И верно: опять легче стало, почувствовал, что еще жить буду, жить — радоваться солнцу".

Фоторепродукции
Станислава СТАНКЕВИЧА

Юрий КАЗАРИН

На краешке тепла

* * *

Л. Ч.

Вдоль сугробов каравайных,
сумрак вкось окоротив,
стекло стелется — трамвайных —
первобытный негатив.

Где железо — недотрога,
и в дыханье — цокот слез,
проступают лики Бога,
как заплаты без берез.

Для кого ты греешь руку,
замерзаешь для кого?
Едешь, бедная, по кругу,
объезжая Рождество.

Нас чужой звезды сиянье
поминает не скорбя.
Высоко — и расстоянье,
как от смерти до тебя.

* * *

Страна толпы, страна пастушья,
где снег сгоняют с большака.
Земля вжимается в удушье
ноздрею из-под каблука.

Не продохнешь страну родную,
где путь железный как порез
полей, раздвинувших впустую
семерку кровельных небес.

Когда ведет тебя по кругу
сезонных ангелов конвой,
куда вернее сносит муку
душа за жилой становой.

И тянешь вечную волынку
в сугробах тропку прополоть,
где — с неба — белую овчинку
раскинул затемно Господь.

* * *

С утра моросит из витрин,
горит в животах комариных.
Нас много, когда я один
С дождем отражаюсь в витринах.

В такой переходной игре
последние очи спекутся.
И можно опять в декабре
в Рождественской смерти очнуться.

Где разный шатается снег
один, как живой человек.
Зачем в убывающем мире
так много Сибири...

* * *

Ночью ночь светлее в феврале,
потому что ужин на столе.
Потому что темень из окна
головокружительней вина.

Мама, обжигаясь, понемножку
раздевает ротную картошку.
Ходит нож, ища у хлеба кровь,
обоюдоострый, как любовь.

* * *

Где постройки вольным глинам
спины русские намнут,
опушится тополиным
издыханьем голый пруд.

8

И пойдешь к большому лету,
тень в штакетниках кроша.
Ангел плавает по свету —
тополиная душа.

Чем отплатишь за привычку
жить на краешке тепла...
Прямо в пух бросаешь спичку,
чтобы выгореть дотла.

* * *

Люблю, когда первые капли
пройдутся, как редкие грабли,
по голой траве, по лицу,
добавив асфальту свинцу.

Легчает сезонная птица,
и, как отражение с моста,
за ливнем на землю ложится
прекрасных небес чернота.

* * *

М. Н.

Зима не больше смерти.
Такие холода,
что стала тверже тверди
прохожая вода.

Здесь небо голубое —
с Сибирью до него.
Но теплится тобою
роднее Рождество.

И слышно из трамвая —
Из Храма на бегу,
как жилка голубая
работает в снегу.

Юрий КОРОТКОВ

СПАС — ЯРОЕ ОКО

Оформление С. ГРИГОРЬКИНА

Запрокинув большелобый детский лик, Иисус пристально смотрел в глаза склонившегося к нему человека. Человек не смотрел в глаза Спасителю, он так же пристально разглядывал золотистый фон над его плечом, трогал грубыми пальцами пурпурную ризу, поднятую для благословения тонкую руку.

За окнами гудел, не умолкая, Новый Арбат.

— Чистая семнашка, а, Бегун? — хозяин Спаса — Лева-Рубль — суетился вокруг, разливал джин по стаканам. — Может, рубеж восемнадцатого. Но я думаю — семнашка.

— Да... семнадцатый... — эхом откликнулся Бегун, не отрываясь от иконы. Отодвинул стакан: — Я за рублем... Чего стоит?

— Да, ладно, по двадцать грамм, символически. Ни один мент не унюхает. Обмоем Спасителя! Ты когда последний раз семнашку в руках держал, а? Нет, ты посмотри, письмо какое! Северная школа!

— Да... Северок... — согласился Бегун. — Почему ставишь?

— Пять деревень прошел — пусто! Все вымели. Я уже поворачивать хотел. А в шестой вдруг бабуля из чулана его вытаскивает! Сто штук заломила. Все умные стали. Целый день бабульку поил, до полтинника опустил. Тебе за восемьдесят отдам. Представь, она из чулана задом пятится, я только изнанку вижу — думаю, начало двадцатого, и на том спасибо. А она как повернулась... веришь — чуть не заплакал...

— Шутись, Лева, восемьдесят, — удивился Бегун. — Она все двести тянет... — он понюхал икону, перевернул, осмотрел древнюю рассохшуюся доску и клинья.

— Двести — не двести, а за полтора уйдет, — сказал довольный Рубль. — Тебе по старой дружбе. Ну, коньячку выставишь еще. Я же знаю, у тебя с деньгами напряг. Наваришь немножко... Что, с обновкой тебя? — он занес пятерню, чтобы ударить по рукам.

— Значит, семнадцатый... — задумчиво сказал Бегун.

— Чистая семнашка! — подхватил Лева.

— Северная школа... — покачал головой Бегун.

— А сохранилась как!

— И сохранилась... на удивление... — Бегун вдруг с силой рванул ногтями по иконе, прямо через Христов детский лик, сдирая краску, и с размаху сунул руку в аквариум. Меченосцы и гуппи прыснули в стороны.

— Ты за кого меня держишь?! — заорал он. — Я лох тебе? Ты не обознался, милый? Меня Бегун зовут! Я за досками ходил, когда ты сиську сосал! Вот твой семнадцатый! — он сунул Левке под нос окрашенные акварелью пальцы и брезгливо вытер их о белые обои. — Тут родного письма не осталось! На Арбате неграм свою мазню толкай!

Рубль сразу скис.

— Ты что, шуток не понимаешь?..

— Шутник, твою мать! Шолом Алейхем! Я из Кожухово перся твой новдед смотреть! — Бегун пошел к дверям.

— Ну, извини... — Лева плелся следом. — Пустой вернулся. Сам знаешь, сказки это — про бабулек с семнашками. Голые деревни. Все прочесали по сто раз. Нет

больше досок в деревнях. А если что осталось — ни за какие тыщи не отдадут...

Бегун открыл старый амбарный засов на двери.

— А если и появится приличная доска — что толку? У тебя таких денег нет не будет... — негромко добавил Лева.

Бегун остановился за порогом. Глянул на Левкину простоватую физиономию, невинно моргающие глазки за расплющенной переносицей: что-то не похожи были эти темные речи на Леву, прозванного Рублем за то, что ради копеечного навару тащил в Москву даже самые дешевые иконы, которые порядочные досочники по древнему обычаю бросали в реку...

Бегун вернулся, задвинув засов обратно.

— Показывай.

Рубль плотно закрыл дверь комнаты, выдернул из розетки телефонный шнур. Достал из-за шкафа ободранную хозяйственную сумку и начал выставлять на диван иконы:

— Николаша... Мамка с льялкой... Жорик... Благовест...

Бегуну показалось, что по комнате заиграли цветные блики: темные доски будто светились изнутри, сияли ризы, лучились золотые нимбы, а застывшие лики хранили тепло человеческого лица.

— Шестнадцатый, московское письмо...

— Вижу, не слепой... — досадливо отозвался Бегун. Он склонился над досками, любовно поглаживая посеченные кракелюрами краски.

— Слушай, Рубль, ты хоть понимаешь, что это — красиво!

— Я понимаю, почему это пойдет там на любом аукционе, — усмехнулся Лева, кивнув головой в пространство. — Тебе отдал бы за пятнадцать штук зеленых.

— Чего так дешево? — теперь уже искренне удивился Бегун.

— По старой дружбе. Пусть товарищ наварит, а я порадуюсь.

Бегун разогнулся, внимательно посмотрел на Рубля.

— Добрый ты что-то сегодня... Откуда это? Церковные?

— А тебе не все равно? Где было, там уже нет.

Бегун с сожалением последний раз обвел взглядом иконы.

— Воровать, Лева, — грех. А из храма — тем более, — сказал он. — Я никогда краденного в руки не брал и тебе не советую. Будешь ты, Рубль, гореть в геене огненной.

— Ага. С тобой в одном котле, — сказал Левка ему вслед. — Прости, Господи! — торопливо перекрестился он на разложенные доски и принялся запихивать их обратно в драную сумку.

Бегун подъехал к школе, втиснулся на своей заслуженной "единичке" в длинный ряд иномарок, между двух "мерседесов", сияющих полированными до зеркального блеска боками. Дюжий охранник, стоящий у ворот с рацией в руке, покосился на его искрашенный, в рыжей грунтовке капот и отвернулся, с приторной улыбкой прощаясь с разбегающейся после уроков ма-

лышной. За фигурной кованой оградой стучали мячи, старшеклассники играли в теннис в фирменных белоснежных шортах и юбочках. Тренер, полуобняв толстоногую девицу, водил ее рукой в воздухе, показывая, как встречать мяч слева, будто вальс с ней танцевал.

Бегун ждал, поглядывая на ворота. Внезапно запахнулась дверца, Лариса решительно села рядом, достала сигареты из сумочки, нервно закурила.

— Я была у директора, — не здороваясь, сказала она. Бегун нахально, откровенно разглядывал бывшую жену — пестрые кальсоны — как их там... а, леггинсы, длинный свитер, модная короткая стрижка вкривь и вкось — неровные черные пряди будто зализаны на лбу. Шикарная женщина. Хотя, пожалуй, чересчур смело для сорока лет.

— Хорошо выглядите, миссис Дэвидсон. Калифорнийский загар? — он провел пальцем по загорелой щеке.

Лариса досадливо дернула головой.

— Я была у директора, Беглов, — повторила она. — У тебя долг за первое полугодие. Ты до сих пор не заплатил за второе! Ты дождешься — они выгонят Павлика посреди года, он пойдет учиться в районную школу с бандитами и малолетними проститутками!

— Это не твои проблемы.

— Это мои проблемы! Это мой сын! Я хочу, чтобы он учился в нормальной школе и жил в человеческих условиях! Ты не можешь даже заплатить за школу! А после школы он сидит один в этой вонючей коммуналке, потому что тебя никогда нет дома, и боится выйти во двор!

— Сначала ты отняла у меня квартиру, — заводясь, повысил голос Бегун, — потом забрала все, что у меня было, а теперь я же виноват!

— Я ничего не украдала! Это плата мне за десять лет скотской жизни! — закричала Лариса. — За десять лет страха! Я ничего не помню из десяти лет, только страх! Страх! что сейчас опять позвонят в дверь, — она заплакала. — А эти допросы на Лубянке по восемь часов, с грудным Павликом на руках, пока ты бегал от них по стране!

— А когда были деньги — все казалось нормально, правда? Все хорошо было... Слушай, что ты от нас хочешь? Роди себе другого и успокойся. Или твой старый козел уже не может ничего? У мистера Дэвидсона стрелка уже на полшестого? Мистер Дэвидсон очень важный, он такой важный, он — "импотент"¹, — с удовольствием сказал Бегун.

Лариса, зло сжав губы, ударила его по щеке.

— А хочешь, я помогу? — веселился Бегун. — Пусть он меня наймет! Я недорого возьму, по старой дружбе!

Лариса вlepила ему еще пощечину. Охранник у школьных ворот давно с интересом наблюдал за немой сценой в машине.

— У Джеймса кончается контракт, — Лариса бросила намокшую от слез сигарету и закурила новую. — Мы уедем до Нового года. Учти, я без Павлика не уеду!.. Если ты ему добра хочешь — пусть он вырастет

в цивилизованной стране, в здоровой стране, среди нормальных людей!

— Он живой человек. "Отдай — не отдам"! Пусть сам решает.

— Что он может решить! Он не видел той жизни! А ты его настраиваешь против Джеймса! И против меня!

— Ну что ты, я рассказываю ему про тебя добрые сказки, — сказал Бегун. — Ему не нужно знать, что его мама — проститутка.

Лариса снова размахнулась, но Бегун перехватил ее руку и сильно сжал:

— Хватит!.. Ведь не обязательно каждый день продаваться за сто грин — лучше один раз, но дорого...

Лариса торопливо освободила руку, вытерла слезы и выскочила из машины навстречу сыну. Павлик появился из ворот в компании одноклассников — на полголовы ниже ровесников, щуплый, ушастый.

— Привет, мам... — он поцеловал мать в щеку.

— Я за тобой, — весело сказала Лариса. — Джеймс сегодня дома, он будет рад тебя видеть. Пообедаем. Джеймс для тебя новые игры купил, целую дискету, ты таких еще не видел... — Лариса открыла дверцу "мерседеса". — Садись.

Павлик нерешительно глянул на сверкающий вишневой краской "мерседес", потом через плечо на одноклассников, на отца — и опустил глаза.

— Папа обещал, мы сегодня рисовать будем... Я в субботу приеду, мам, как всегда... — он сел к отцу.

"Жигули" и "мерседес" одновременно сдали задом в разные стороны и на мгновение встали лоб в лоб. Лариса выкрутила руль, объехала Бегуна и, с места набрав скорость, помчалась по узкой улице.

Бегун выехал на Садовое. Павлик молча сидел рядом. Потом, не глядя на отца, сказал:

— Ты только не обижайся, пап, ладно?.. Ты не подьезжай к школе, я лучше пешком буду ходить... Ребята смеются...

По Кожухову, забытому Богом и мэром, Бегун рулил, как на фигурном вождении, — змейкой, объезжая глубокие выбоины с непросыхающей грязью. По одну сторону улицы до горизонта тянулись задворки автозавода — горы железного хлама, козловые краны, катушки с кабелем, по другую — шлакоблочные клоповники, такие же прокопченные, как заводские корпуса. За дощатым столом мужики пили пиво и забивали козла, пацаны гоняли ободранный мяч.

Посреди двора стоял "лендровер" с зеркальными окнами. Когда Бегун остановился у подъезда, из "лендровера" вышли двое, одинаковые, как оловянные солдатики, в спортивных костюмах, черных штиблетах и белых носках.

— Ты — Беглов? — выплюнув жвачку, спросил один.

— Ну? — нехотя отозвался он.

— Дмитрий Алексеевич велел заехать.

По их тупым ромам видно было, что если Дмитрий Алексеевич велел, то они доставят Бегуна коли не сво-

¹ Important (англ.) — важный.

им ходом, то волоком. Бегун посмотрел на сына. Тот уныло опустил стриженую голову.

— Ты же обещал, пап...

— Я скоро. Ты краски пока раскладывай, — Бегун сел в "лендровер".

В просторной квартире Дмитрия Алексеевича от прихожей до дальней комнаты, куда сопроводили Бегуна оловянные солдатики, висели по стенам доски, деревянные церковные распятия со Спасителем в человеческий рост, коллекция металлопластики за стеклом — эмалевые кресты и складни размером от ногтя до полуметра. Светильники, мебель до последнего пуфика, ручки и петли на дверях — сплошь антиквар, даже спичечный коробок на столе — и тот в серебряной оправе. В углу сложена была изразцовая печь.

Дмитрий Алексеевич, раздобревший, с изрядным уже брюшком, не вставая, протянул руку.

— Здорово, Царевич! — нарочито громко поздоровался Бегун и уселся в кресло напротив. — Чего звал?

Царевич кивнул, и оловянные солдатики исчезли за дверью.

— А ты не знаешь? — спросил он. — Когда с долгами разбираться будем? — он выложил на столик пачку торопливых расписок. — Я жду, даже проценты не накручиваю по старой дружбе. Но надо же совесть иметь, Бегун!

— Нет денег, Дима. Появятся — отдам, сколько смогу... Я Владимирскую обошел — двенадцать деревень, Тверскую, Архангельскую, Тулу, Вятку. Никогда столько за год не нахаживал. Рубль Новгородскую по новой прочесал — нет досок, новоделы одни. Все разграбили...

— А кто грабил? Ты же все и вычесал! А я, значит, виноват, я должен с этими бумажками вместо денег сидеть! — взмахнул Царевич расписками. — Подтереться мне ими, что ли?!

— Ты лучше посчитай, сколько ты на мне нажил! — Бегун вскочил, указал на доски по стенам. — Это — мое! И это мое! Никола — мой! Праздники — мои! Эту мамку я три года выпасал — сколько ты за нее заплатил, помнишь? Я по уши в грязи лазил, а ты жопу от стула не оторвал. Я в сарае на дровах спал, а ты водку с фирмачами жрал, всех трудов — доски им в чемодан положить и до машины поднести!

— У каждого свое дело, и каждый за свое дело получает...

— На Лубянке мы с тобой по одному делу шли. И получили бы поровну!

— Ты вспомни еще, что при батюшке-царе было! Времена давно другие... Все как люди живут, — развел руками Дима. — У Пузыря три магазина в Германии, Миша-Муромец — банкиром стал, Леня-Самовар — советник министра культуры, советует чего-то за культурные бабки. Я ведь предлагал тебе в дело со мной идти, только работать надо было, реальные бабки крутить. Так нет, ты у нас вольный художник...

— Был художником, — буркнул Бегун.

Запищал телефон на столе, тотчас включился автоответчик и елеиным голосом Димы попросил оставить

информацию или номер, по которому хозяин непременно перезвонит сразу по прибытию.

— Опять я виноват... Сидел бы ты в своей Репинке, рисовал доярок и сосал лапу, — сказал Царевич, прислушиваясь к взволнованному далекому голосу, который беседовал с автоответчиком о таможене и контейнерах. — Нажил я на нем!.. Ты на меня молиться должен. Ты вспомни, что ты имел! А что бабе все оставил — дураком был, дураком и помрешь.

— Иначе бы она сына не отдала.

— Это твои проблемы, — отмахнулся Дима, схватил трубку и заорал: — Мне насрать на твою таможену, понял, насрать!! Если завтра контейнеров не будет — я тебя раком поставлю! Я тебе хрен на пятаки порублю, ты меня понял?! Там двести миллионов моих денег!

Он швырнул трубку.

— Коз-зел! Одни козлы кругом, человеческих слов не понимают... Значит так, Бегун: месяц тебе сроку, делай что хочешь. Продавай комнату — штуки три грин она потянет, продай машину...

— А где я жить буду?! Я же не один...

— Это твоя головная боль. Иначе я с тобой по-другому разговаривать буду.

— Даже так? — удивленно сказал Бегун.

— А как ты хочешь? — Дима, показывая, что разговор окончен, толкнул дверь. Сидящие в холле оловянные солдатики вскочили.

Бегун стоял, глядя под ноги. Поднял голову:

— Слушай, Царевич... дай пятнадцать штук.

— Правда, обнищал, — Дима усмехнулся и вытащил бумажник.

— Пятнадцать тысяч долларов, — сказал Бегун.

Глаза Димы вспыхнули хищным блеском.

— Доски? Сильвер?

— Отдам все сразу. С процентами.

Некоторое время Дима пристально смотрел на Бегуна. Потом открыл вмонтированный в стену сейф и бросил на стол одну за другой три плотные зеленые пачки в банковской обертке.

— Смотри, Бегун... — сказал он. — Это больше, чем ты сам стоишь, вместе с твоей халупой и драндулетом. Пацаном отвечать будешь.

Бегун сунул деньги в карман и молча вышел.

— ...Святой Георгий Победоносец со змием. Третья четверть шестнадцатого века... Святой Николай Угодник. Первая четверть семнадцатого века. Школа Оружейной палаты... Богоматерь с младенцем. Конец шестнадцатого-начало семнадцатого. Тоже Москва... — закончил Бегун. — Ну, дай Бог! — он перекрестился вслед исчезнувшим в кейсе иконам. Вопросительно глянул на Мартина.

— Я не верующий, — усмехнулся немец, альбинос с рыжими ресницами и красноватым лицом. — Я был секретарь Союза немецкой молодежи в Берлине, — он закрыл портфель на цифровой замок. Дело было закончено, он нетерпеливо оглянулся в тесной комнате Бегуна с обшарпанной мебелью, собранной по знакомым.

— Теперь слушай, Мартин, — начал Бегун, — если не дай Бог, что-то случится...

— Я купил иконы на Арбате. Продавца не знаю. Про тебя не назову, потому что преступный сговор карается больше. Статья семьдесят восемь — до десяти лет с конфискация, — закончил Мартин. — Я слышу это каждый раз. Сначала молитву, а потом это... Аукцион двадцать восьмое март, другой день я получил деньги, второе апреля я с деньгами в Москве. Все.

"Единичка" Бегуна мчалась по Минской бетонке мимо голых весенних полей, черных безлистных лесов и увязших в грязи деревень с обветшалыми церквями. Бегун курил одну сигарету за другой, газовал, стараясь не упустить из виду синий фургон немецкой диппочты.

Фургон поднялся на холм и исчез за гребнем. Перевалив через гребень, Бегун ударил по тормозам: на спуске была авария, тяжелая "вольво" влетела капотом под тележку выворачивающего с проселка трактора, а следующая машина вбила ее еще глубже, так что тележка села верхом на крышу. Все были живы, слава Богу, но машины перегородили трассу. Как ни притормаживал Бегун, он подкатился к самому фургону. Мартин быстро глянул на него в боковое зеркало и отвернулся к напарнику.

ГАИшник разбирался с пьяным трактористом — тот едва стоял на ногах и мелко пританцовывал, чтобы не упасть, но упрямо рвался оказать первую помощь пострадавшим. Второй инспектор пропускал встречные машины. Потом махнул жезлом в другую сторону.

Фургон набрал скорость и помчался, обгоняя по нескольку машин сразу. Бегун шел следом, выжимая последние силы из старенького мотора, пытаясь не отставать слишком далеко. Вскоре фургон свернул на заправку. Бегун проехал мимо, за поворотом сбросил скорость, поглядывая назад в зеркало. Курьеров не было. Бегун забеспокоился, поплелся совсем уже шагом и, наконец, встал на окраине Вязьмы у табачного киоска, вышел и принялся деловито изучать небогатый ассортимент. В стекле киоска он увидел синий фургон, тот остановился у него за спиной. Мартин, вытаскивая на ходу деньги, подбежал, купил пачку "Мальборо", тут же прикурил. Склонившись на мгновение над зажигалкой, прикрыв огонь и лицо ладонями, он в бешенстве прошипел:

— Какой черт ты тащишь за мной, как идиот! Иди назад! — и побежал обратно.

Бегун покурил в машине — и двинулся следом. Теперь он отпустил фургон так далеко, что только изредка с верхушки холма видел впереди курьеров. Когда фургон выходил из своего ряда на обгон, Бегун жался вправо, воровато прячась за попутками.

В сумерках они подъехали к таможене на белорусской границе. Фургон подкатил прямо к полосатому шлагбауму, Бегун встал в очередь машин, ожидающих досмотра. Пограничники быстро, впологлаза, проверяли документы, таможня шмонала багажники, на крыльце новенького кирпичного КПП курили ОМОНовцы, в броне, с автоматами. Водитель "Волги", выставив из багажника на обочину десяток канистр, покорно сливал бензин в огромную железную бочку, другой, понурившись, пер на КПП охажу колбасных палок, третий собачился

с таможеней из-за ящика водки, но большинство проезжали без проблем.

К фургону подошел пограничник, взял у Мартина документы, глянул на дипломатические красные номера. Мартин протянул уже было руку за документами, но пограничник отступил на шаг и крикнул что-то в сторону КПП. ОМОНовцы бросили сигареты и, поправив под мышкой автоматы, быстро двинулись к фургону. Из КПП появились два офицера и штатский.

Бегун наблюдал из машины, вцепившись в руль, не замечая, что ногти впиваются в потные ладони. Он не слышал слов, но по активным жестам понимал, что пограничники требуют открыть фургон для проверки, а Мартин возмущается и грозит международным скандалом.

Пограничники вскрыли опломбированную дверь. Внезапно рядом возникли телевизионщики со светом и камерой. Штатский, стоящий чуть сбоку, чтобы не попасть в объектив, уверенно указал на один из ящиков в кузове. Его открыли и начали выставлять перед камерой у колес фургона доски: Победоносца, Богоматерь, Николая-Угодника...

Оцепеневший, Бегун сидел в машине, все ниже склоняясь вперед, будто прячась за рулем. Сзади раздался резкий сигнал, Бегун дернулся всем телом, как от выстрела над головой, и огляделся — очередь продвинулась далеко вперед, он сдерживал колонну.

Он выкрутил руль, развернулся и медленно поехал обратно, каждую секунду ожидая окрика в спину.

Звонкий голос Павлика заученно рапортовал в коридоре:

— Папы нет дома. Когда вернется — не сказал. Если вы хотите что-нибудь ему передать, я запишу...

Бегун лежал на диване, курил, просто глядя в потолок с желтыми потеками.

Вернулся Павлик.

— Пап, хватит курить. У меня глаза щиплет.

— Кто звонил? — не двигаясь спросил Бегун.

— Дядька какой-то. Просил тебя завтра без пяти три приехать в Министерство безопасности. Восьмой подъезд. Встречать будет Пинчук Иван Афанасьевич, — протянул он листок со своими каракулями.

— Пинчер, кто же еще, — усмехнулся Бегун. — С вещами?

— С какими вещами?

Бегун сел, загасил сигарету.

— Могли бы и машину прислать, — сказал он. Протянул к себе сына, уткнулся ему носом в стриженную макушку.

— Ты что, пап? — Павел осторожно освободился.

— Ничего. Все нормально... Ты собирайся, поедем к бабушке. Поживешь у нее несколько дней, хорошо?

Бегун в старом пиджаке, стоптанных ботинках, с обшарпанным портфелем в руке открыл тяжелые двери Лубянки. В холодном мраморном холле стоял рядом со стеклянной будкой дежурного Пинчер — седой, коротко остриженный, с брюзгливым, в глубоких складках ли-

цом. Внешне Пинчер больше походил на бульдога-медалиста.

Бегун остановился на ступеньку ниже.

— Здравствуйте, гражданин следователь.

— А, Беглов? — откликнулся Пинчер. — Явка с повинной?

— Я вообще не понимаю, в чем дело? Опять недо-
разумение какое-то... — начал было Бегун.

— Да? — равнодушно сказал Пинчер. — А чего пришел?

— Как?.. — растерялся Бегун. — Сами же вызвали...

Пинчер развернул список.

— А, да-да... Это не я, это твой приятель тебя хочет видеть, из Переславского музея, — кивнул он на дверь. В холл вбежал, запыхавшись, старый приятель Бегуна Гриша-Переславский, худой сорокалетний мальчик с неровной разночинской бородкой.

— Здрасьте, Иван Афанасьевич, — подкатился он к Пинчеру с протянутой рукой. — Здорово, Беглов! — он кинулся обнимать, тормошить Бегуна. — Пропал, скотина, без чекистов не найдешь! Переехал, что ли? Слушай, тут такое дело: мы через Министерство культуры у ГБ иконы выпросили, конфискованные, для музея. Надо выбрать, что поинтереснее. Я подумал: может, ты чего присоветуешь. Заодно поведемся. Сколько — лет восемь не виделась? И тебе интересно: представляешь, в ЧК — туристом! — захохотал он.

Бегун вдруг расслабленно обмяк, не зная — то ли смеяться, то ли материть Гришку. Он обернулся к Пинчеру — тот с усмешкой наблюдал за ним.

— Так вы теперь... — начал Бегун.

— Я теперь начальник хранилища, — ответил Пинчер. — Имею я право на спокойную старость? Не до пенсии же за вами бегать... — он деловито глянул на часы. — Все собрались? Епархия здесь?

— Здесь, — откликнулись трое священников, длинноволосые, в цивильных старомодных костюмах. Бегун их не заметил поначалу.

— Третьяковка?

— Это мы, — подтянулись ближе две тетki в очках на пол-лица, сильно крашенные и чопорные — типичные кандидатки-искусствоведки, музейные злобные крысы.

— Прошу, — Пинчер первым двинулся вглубь здания.

Они спустились в подвал, — Бегун потерял счет подземным этажам, перекрытым стальными дверями, как отсеки подводной лодки, — миновали несколько внутренних постов и после очередной проверки документов дежурный лейтенант открыл, наконец, перед ними бронированную дверь в хранилище вещественных доказательств.

В первом зале стояли на стеллажах сотни магнитофонов всех существующих на свете фирм, от карманных плеерков до многоэтажных музыкальных центров, видеки и видеокамеры, фотоаппараты и микроволновые печи — все, что создала цивилизация для облегчения бременного человеческого бытия — с наклейными вкривь и вкось инвентарными номерами, сотни телевизоров отражали в погасших экранах неяркие лампы и фигуры

редких здесь гостей; в другом были собраны достижения человеческого разума в деле уничтожения себе подобных — лежали снопами сабли, шпаги и палаши — грубоватые боевые и затейливые наградные с Георгием на рукояти, с золотой и серебряной насечкой, стояли в козлах инкрустированные перламутром фузеи и новенькие "калашниковы", мушкеты и гранатометы, булавы и базуки; в третьем сияли золотом на ультрамарине китайские вазы, матово светился кузнецовский фарфор, посверкивал гранями немецкий хрусталь; в следующем громоздились друг на друге сейфы с драгоценностями, а ювелирка попроще внавал лежала в ящиках с номером дела, как в пиратских сундуках.

Наконец, процессия остановилась в зале, где от пола до потолка, как дрова в поленице, сложены были иконы...

Бегун с горящими глазами, забыв обо всем на свете, копался в залежах досок, рассматривал то в упор, то на вытянутых руках, отставлял лучшие. Рядом толклись святые отцы и третьяковки-крысы, молчаливо тесня друг друга плечами, стараясь первыми схватить хорошую икону.

— Ты посмотри, а? — Бегун в восторге показал Грише доску. — "Сшествие во ад"! Палех, Гриша, чистый Палех! Я за двадцать лет такого не видел. Ведь каждый лик прописан...

— А это? — Гриша показал в ответ Вознесение.

— Ординар! — отмахнулся Бегун. — Я десять таких тебе достану... Гриша! Ты глянь! — тут же повернулся он с новой доской. — "Спас Мокрые Власы"! Нет, ты глянь — светится! Ей-Богу, светится!

— Да куда еще? Уже пять, — указал Переславский на отставленные иконы.

— А шестая не проскочит!

— По разрядке пять: три восемнадцатого, две семнашки.

— Эх-х... — Бегун с сожалением оглядел отобранные доски, помедлил и, как от сердца отрывая, убрал "грешников" обратно на стеллаж.

Между тем епархия сцепилась с Третьяковкой. Они одновременно схватили новгородскую Богоматерь и теперь ожесточенно рвали ее друг у друга из рук.

— Я первая увидела!

— Нет, мы первые взяли!

— Я хотела взять, вы меня оттолкнули! Другим проповеди читаете, а тут толкаетесь! Я женщина, в конце концов, могли бы уступить!

— Возьмите другую!

— Сами возьмите!

— Место иконы в храме! Все растащили по запасникам, семьдесят лет таскали, и здесь лучшее хватаете!

— У нас ее люди увидят!

— Это намоленная икона, на ней благодать Божья!

— Вы ее продадите вместе с благодатью, чтоб зарплату себе платить!

— Даже если продадим — это угодней Богу, чем у вас будет висеть!

И те и другие зывали к Пинчеру о справедливости. Тот не вмешивался ни в отбор доски, ни в конфликты, молча стоял в стороне, с иронической усмешкой наблюдая за сварой.

Бегун под шумок повернулся к другому стеллажу, вытащил верхнюю доску — и чуть слышно присвистнул. Даже если ошибиться лет на сто — никак не позже шестнадцатого века подписная Троица, вещь не просто редкая — уникальная. Бегун быстро оглянулся — остальные были заняты скандалом, грозящим перейти в рукопашную. Троица была примерно одного размера с уже отобранным Спасом. Бегун незаметно отдрал от обеих досок клейкие ленты с номерами и поменял местами. И тут же на его пальцы легла жесткая рука. Еще мгновение назад скупавший поодаль Пинчер ласково улыбался ему, глядя в упор ледяными глазами.

— А теперь сделай как было, — негромко приказал он. — И запомни: коза щиплет травку там, где ее привяжут. Французская поговорка...

Когда были заполнены необходимые документы, он проводил нагруженных досками посетителей до дверей хранилища — святые отцы и третьяковки доругивались на ходу — и вызвал сопровождающего.

— А вашего консультанта я задержу на пять минут, — неожиданно сказал он Грише. — Мне тут тоже совет нужен.

Они вернулись с Бегуном под гулкие своды хранилища.

— Извините, Иван Афанасьевич, — виновато развел руками Бегун. — Сам не знаю, как это я... Бес попутал...

— Тут многих бес путает, — отмахнулся Пинчер. — У меня новые поступления — помоги атрибутировать.

— О чем разговор, Иван Афанасьевич! Для вас лично и для родного ЧК — в любое время дня и ночи... — Бегун осекся, потому что Пинчер начал выставлять со стеллажа иконы из дипкурьерского фургона.

— Ну? — Пинчер, улыбаясь, внимательно смотрел ему в глаза.

— Святой Георгий Победоносец со змием... Третья четверть шестнадцатого века. Москва... — медленно начал Бегун. — Богоматерь с младенцем. Конец шестнадцатого — начало семнадцатого...

— Удивил ты меня, Беглов, — со вздохом перебил его Пинчер. — Я ведь тебя уважал... По долгу службы гонял, и посадил бы тогда, если б смог — но уважал. Ты один с фарцовой шушерой не вязался, доски на китайские презервативы вразвес не менял. Ходил себе по деревням, не украл ни разу, бабок не обманывал. В каждом деле есть художники... И вдруг — контрабанда...

— Я же сказал — тут недоразумение... — промямлил Бегун.

— Да ты не волнуйся. Я ведь уже не следователь... И Шмидт тебя не назвал как соучастника... пока...

— Я не знаю никакого Шмидта...

— Ну разумеется, — понимающе кивнул Пинчер. — Но я не о том. Просто удивил ты меня... — он отправил доски на место и кивнул: — Пойдем.

Бегун поплелся за ним. Он не понимал, к чему Пинчер устроил этот вернисаж и, главное — удастся ли выйти на свет Божий или, не поднимая на поверхность, его подземным лабиринтом отправят в камеру.

Пинчер остановился в хранилище драгоценностей, выбрал из громадной связки ключ и открыл сейф. До-

стал из серебряного кубка початую бутылку коньяка. Огляделся, выбирая достойную посуду, и протянул Бегуну высокий золотой бокал, оплетенный по кругу вишнеградской лозой из рубинов и изумрудов, второй такой же взял себе.

— Фаберже, — сказал он. — Подарок Николая императрице к последнему Рождеству. Бесценные вещицы.

— У кого конфисковали?

— Меньше знаешь — дольше живешь, — ответил Пинчер. — Ну, со свиданьем.

Они выпили под глухими каменными сводами.

— Удивил... — опять покачал головой Пинчер. — Разбогатеть решил? Или с деньгами приперло?.. Ходить перестал?

— Всю осень ходил, — сказал Бегун. — Нет ничего. Вычистили всю Россию...

— Это ты зря, Беглов. Россия неисчерпаема... Просто все почему-то думают, что Россия — вот посуда, — рядом стояла чужеродная в этой сокровищнице, аляповатая, но довольно точная карта Союза из полудрагоценного камня с золотой надписью "Дорогому Леониду Ильичу от имярек", — и Пинчер провел рукой по яшмовому Уральскому хребту. — А Россия — вот она, — он двинул руку дальше, по малахитовым лесным просторам. — Сибирь! Дремучая. Нечесанная...

Бегун молчал, он не понимал, куда клонит Пинчер. А тот снова разлил коньяк по императорским бокалам.

— В гражданскую здесь ходил отряд ЧК, по Указу от 22 февраля восемнадцатого года. Знаешь такой Указ?

— О конфискации церковных ценностей?

— Вот именно... Письмом тогда никто не интересовался, брали только серебряные оклады, золото. Ну а в революционном порыве иногда перегибали палку: кресты сшибали, иконына печь топили... Командовал отрядом мой дед — Пинчук Иван Лукич. Меня в его честь Иваном называли... Летом восемнадцатого он пришел в село Белозеро. Вот сюда, — Пинчер указал точку за голубым амазонитовым Байкалом, в верховьях топазно-го Витима. — Говорят, богатый там храм был, хоть и в глуши. С чудотворной иконой. Местный Иерусалим. На праздники богомольцы за двести верст туда шли... А потом отряд исчез. Бесследно. Со всем конфискованным грузом. И село исчезло. То есть, избы остались — люди исчезли... Скорее всего, белозерцы отбили свои святыни обратно и ушли в тайгу. Народ там крутой, белке за сто шагов пулю в глаз кладут...

— Послали бы экспедицию.

— Были экспедиции. Пустое дело... Там не экспедиция нужна, а хороший ходок. Который и разговорит, и выпьет, и за вечер лучшим другом станет... Не могут же они восемьдесят лет в тайге сидеть. Должны у них быть какие-то контакты с большим миром... Вот ты и пойдешь.

Бегун отпил еще глоток, затягивая время, недоверчиво поглядывая на Пинчера.

— А вам это зачем? — наконец спросил он.

— А я, Беглов, за сорок лет собачьей службы — вы ведь меня Пинчером звали, а? — заработал только кипу грамот, которыми даже в сортире не подотрешься: бумага жесткая, и пенсию: с голода не сохнешь, но и до сыта не наешься. А кого я гонял, те на "мерседесах"

катаются. Обидно, Беглов!.. Привезешь доски — поделишься со стариком. Я много не возьму — всего-то процентов девяносто, — Пинчер невинно развел руками: такая, право, малость. — Заодно и про деда узнаешь. Хоть могила где?.. Да и тебе лучше будет исчезнуть на какое-то время. И Рубля возьми. Он ходок еще тот, но пусть глаза не мозолит в Москве...

Бегун задумчиво смотрел на бескрайнюю малахитовую тайгу...

...плывущую под крылом "кукурузника". Ярко зеленели верхушки сосен, на северном берегу реки, на припеке уже протаяла прошлогодняя трава, но сама река была покрыта прочным льдом, а в сумрачной глубине леса лежали нетронутые солнцем сугробы.

Тесный салон "кукурузника" был забит ящиками и почтовыми мешками, для Бегуна с Рублем остался только краешек скамьи у самой кабины. Левка, по уши заросший черной щетиной, мятый, с погасшими глазами, безвольно покачиваясь, бормотал в пространство:

— Букачача... Думал ли ты, Лева, что тебя занесет в Букачачу? Разве можно жить в городе, который называется Букачача? Если бы я родился в Букачаче, я удавился бы, не выходя из роддома... Интересно, как у них бабы называются — букачашки? Бегун, ты хотел бы трахнуть букачашку?

— Заткнись. Достал уже, — сказал Бегун, не отрываясь от иллюминатора.

— Я понимаю: ты влетел на пятнадцать штук, а за что я страдаю? Я мог бы пересидеть этот месяц на даче в Опалихе у девушки Тамары и не знать ничего про город Букачачу... Я не хочу больше болтаться по букачачам, я хочу лечь в свою ванну и спокойно умереть...

Первый пилот, пузатый, как языческий бог плодородия, Петрович, поманил Бегуна в кабину.

— Гляди! — указал он, снижаясь к самым верхушкам. — Белозеро! Вон само озеро, а там село...

Изогнутое серпом озерцо было замечено снегом, у кромки леса торчали коньки крыш и полусгнившая маковка деревянной церкви. Потрявоженный треском мотора выскочил из избы тощий медведь и ломанулся в лес.

— Так восемьдесят лет пустое и стоит... Говорят, под Рождество кто-то в церкви свечи зажигает. Брешут, наверное...

— А ты тут людей не видал? — крикнул Бегун.

— Мы тут не летаем. Из-за сопки вон, — указал Петрович на невысокий горный кряж, — восходящие потоки бьют. Меня раз, как мяч, зафутболило — кувыркался, едва откренил. Тут знаешь, какие ветры бывают? Сел как-то, роженицу взял. А взлететь не могу — ветер жмет. И время не терпит: орет уже. Так на лыжах и пилил сто пятьдесят верст по реке... На черта они тебе сдались, белозерцы?

— Материал для кандидатской собираю. Песни, частушки...

— Так что ж ты сразу не сказал? — оживился Петрович. — Я тебе на докторскую спую! — и заорал, поводя штурвалом, выписывая коленца над тайгой:

— Укоряю тещу я —
Больно дочка тощая!
Начинаю ее мять —
Только косточки гремать!

— он заложил лихой вираж. Рубль в салоне слетел со скамьи на пол.

— Слушай, давай я тебя в Рысий Глаз заброшу! Все равно по пути. Там сейчас займщики пушнину сдают, — у них спросишь, они тайгу лучше, чем ты свою бабу, знают, до последнего пупырышка. Если чего и в самом деле есть — расскажем...

— Куда летим? — уныло спросил Рубль, когда Бегун вернулся и сел рядом.

— В Рысий Глаз.

— Думал ли ты, Лева, что тебя занесет в Рысий Глаз?.. Бегун, ты хотел бы трахнуть рысеглазку?..

Рысьим Глазом назывался десяток крепких рубленых изб, затерянных в глухой тайге. Со двора избы занесло вровень с крышей, а улица между ними, выходящая к реке, была продавлена в глубоком снегу траками вездеходов.

"Кукурузник" сел на лед реки и выкатился на берег, прямо к крайним домам. Петрович остался у самолета распорядиться выгрузкой. Бегун направился к заготовконтуре, у дверей которой выстроились разноцветные "Бураны" с санями-прицепами и лежали в ожидании хозяев лайки. Рубль плелся рядом.

В накуренной до синих сумерек избе было тесно, у дверей толпились охотники в распахнутых волчьих шубах, медвежьих кухлянках, высоких унтах, в необъятных лисьих малахаях, все как один бородатые, дубленые морозным солнцем и ветром, так что и крутоскулые буряты, и эвенки, и русские — все были на одно лицо.

За столом перед ними восседал плутомордый приемщик, он мельком, зажав папиросу в зубах, щура глаз от дыма, оглядывал шкурки: ость, пух, мездру, прострелы, — называл цену и кидал назад, где на дощатом затоптанном полу громоздились меховые горы: соболя, колонок, горели красным закатным светом лисы-огневки, тускло серебрилась белка, белоснежным сугробом лежал горноста́й, отливали заиндевелой сталью волки, рядом черные медведи и янтарные рыси.

За вторым столом сидел кассир с ведомостями, брезентовым денежным мешком и автоматом на спинке стула, и метал на замызанную столешницу стотысячные кирпичи.

На гостей никто не обратил внимания. Шкурки сдавал русоволосый малый, стриженный по кругу, под горшок, вынимал из мешков, растряхивал. Приемщик едва глянул на соболя и небрежно бросил в кучу.

— Двадцать тысяч, — он показал малому два раза по десять пальцев. — Двадцать, понял?..

Тот кивнул. Приемщик взял следующую и почти без остановки кинул за спину.

— Тоже двадцать...

Охотники недовольно загудели.

— Эй, погоди, начальник! — протолкался вперед здоровенный таежник с рваной от виска ко рту щекой. — Откуда двадцать? Ты чо, ослеп? Глаза разуй — чистый баргузин!..

— Ты бабки получил, Потехин? — ответил приемщик. — Претензий нет? Ну и иди, гуляй!

— А ты не командуй! Я таких командиров на болту вертел и подкидывал! Ты объясни, почему двадцать всего?

— Не выкунел соболь-то! По осени, должно бил...

Тут охотники загалдели все разом, придвигаясь к столу:

— Где не выкунел? Бабе своей в койке мозги промойвай! Зимний соболь!

— Гляди, — Потехин схватил соболя, показал мягкую белую мездру. — Если не выкунел — в синеву должно отдавать! Каждый год одно и то же! Тут дохнешь в тайге, яйца от мороза звенят, а он приезжает — не выкунел ему! И белка ему не перещела, и заяц бусый!.. Шуряк мой в Германию ездил — наши соболя висят, так, говорят, нули сосчитать не мог — утомился считать! А тут, значит, двадцать штук деревянных? Нам, значит, и так хватит, хмырям таежным, мы, значит, и за двадцать штук тебя в твою канцелярскую жопу целовать должны? А ты чего стоишь, Еремей, как болт на морозе? — толкнул он хозяина соболей. — Сказать не можешь — вот так покажи! — он сунул под нос приемщику громадный кукиш.

— Что ты на меня-то орешь? — оправдывался приемщик. — Езжай в Букачачу, там права качай! Государственные расценки!

— Здесь государства нет, здесь тайга — закон, медведь — хозяин! Если считать не умеешь — сами посчитаем! — Потехин потянулся к мешку с деньгами.

— Назад! — кассир схватился за автомат.

— Ты свою пукалку-то брось, я тебя вместе с ней переломаяю!

— Атас! — испуганно шепнул Рубль. — Сейчас разборка начнется!

— Погоди... — Бегун с интересом наблюдал за сварой. В разгоряченной толпе спокоен был только сам Еремей, глухонемой охотник. Он безучастно ждал, когда прекратится суэта вокруг и можно будет сдать остальные шкурки.

— Здорово, мужики! — вошел в контору Петрович. — Чего за шум — за дверью слышно?

— Да снова мудрит, мудрило! — кивнул Потехин на приемщика. — Не выкунел ему соболь!

— Один был невыкуневший, — примирительно сказал тот. — Другие чистые. По сорок беру, — сказал он Еремею. — Вот черт глухой! Сорок, понял?! — он четыре раза раскрыл пальцы.

Тот спокойно, с достоинством кивнул и принялся складывать деньги в освободившийся от шкурок мешок.

— Все, закончили на сегодня, — скомандовал приемщик. — Грузи товар, Петрович...

— А нам чо, до другого самолета здесь жить, чо ли? — возмутились охотники, не успевшие сдать добычу.

— Меньше орать надо было, — злорадно ответил приемщик.

— Не грустите, мужики! — сказал Петрович. — Я

вам тут гостей привез, — указал он на Бегуна с Рублем. — Белозерцев ищут.

Все обернулись к ним — видно было, что новые люди тут в диковинку. Даже Еремей оглянулся от стола.

— Белозерцев? — удивился Потехин. — Беяки есть, русаки есть... Лицензию, чо ли, взял? Почем за шкурку дают?

Изба вздрогнула от дружного хохота, так что синие волны табачного дыма заштормили вокруг голой лампы под потолком.

В соседней избе была гостиница, магазин и столовая сразу: в одной комнате стояли впритык кровати, на которые свалены были шубы, ружья, мешки с пушниной и деньгами, в другой — деревянные столы с батареями водочных бутылок, пустых и полных, шматами сала и золотистого копченого мяса. На прилавке в углу лежали консервы и патроны, хлеб и капсюля россыпью, пачки соли и коробки с порохом, водка и ружейное масло, тут же валялся ворох денег — любой мог подойти и взять, что надо, расплатиться и отсчитать себе сдачу. По стенам висели оленье рога и брызгливые кабаньи рыла с клыками в палец длиной и толщиной.

Пили тут давно, без меры и отдыха, кто-то пел, натужно, будто лямку тянул, глядя перед собой оловянными глазами, двое ссорились через стол и, кажется, сошлись бы врукопашную, если бы могли только встать, кто-то, утомившись, спал, упав лицом в засаленную столешницу.

Приглядывала за порядком хозяйка, крутобедрая Елизавета в грубом свитере с закатанными по локоть рукавами. Она без труда взвалила на плечо уставшего охотника и, как сестричка с поля боя, вынесла его в другую комнату и сбросила на кровать. Она с открытым интересом поглядывала на Бегуна, подходила к его столу кстати и некстати, а потянувшись через него убрать лишние стаканы, как бы невзначай прижалась могучей грудью. Сидящий рядом Потехин тут же уцепил ее за обтянутый джинсами зад. Елизавета огрела его кулаком промеж лопаток и отошла.

— Ух-х, ведьма! — проводил он ее жадными глазами.

— Вот тебе и рысеглазка, — сказал с другой стороны уже надравшийся на халюву Рубль. — Кажется, у тебя тут будет мягкая посадка, Бегун?

— Так чо я говорю, — продолжал Потехин. — Какие, к лешему, белозерцы? Это вы, москали, в муравейнике своем вонючем друг у друга на голове сидите и на карту глядите: вон она, Сибирь — фью-у-у! — нехожена, немерена! Не то белозерцы — может, мамонты еще есть... А вот спроси у них, — указал он на охотников, — каждый свой угол до травинки знает, до камушка — никто твоих белозерцев не видал! Когда БАМ тянули — геологи все прочесали от Олекмы до Шилки. А ты говоришь — село целое! — махнул он рукой. — Может, севернее чего есть, по Лене, по Енисею... Давай лучше еще по одной в бак зальем, чтоб мотор та-рахтел, — он разлил водку по стаканам.

За столом говорили все сразу.

— Неписанной красоты соболога! — рассказывал

охотник напротив. Он уже едва двигал языком и потому больше изображал сцену в лицах. — Я скрадываю помаленечку, — потоптал он цыпочками под столом. — И — на тебе! — веточка под снегом хрусть! Он собрался — и полетел. Ах, гад, думаю, уйдет — и следом ему, в лет!.. Подхожу, думаю: попортил шкуру-то. Подымаю, смотрю... — он замер, победоносно оглядывая слушателей.

— Ну? — крикнул Потехин.

— Ну!

— Что?

— В глаз вошло, в другой вышло!

— Брешешь! — радостно засмеялся Потехин. — Брешешь, как Троцкий! Ты в кирпич влет не попадешь!

— Я?! — тот с трудом сфокусировал взгляд на смеющемся Потехине. — Да я... На что спорим?

— А вот! — Потехин грохнул об стол пачкой денег, так что прыгнули бутылки. — Попадай!

Охотник вскочил и, заплетаясь ногой об ногу, яростно бормоча что-то под нос, бросился в другую комнату за винтовкой.

— Кидай! — заорал он, дергая затвор непослушными руками.

Потехин подкинул пачку, тот поднял винтовку и выстрелил. Обертка лопнула, деньги, кружась, посыпались на пол.

— Кто стрелял? — Елизавета возникла в дверях подсобки, уперла руки в пояс. — Я предупреждала: один выстрел — и всех разгоню к едрене матери! Все стены попортили!.. А ну, убирай! — кивнула она на засыпанный деньгами пол.

— Все твое! — царственно махнул охотник.

— Убирай, я сказала! — Елизавета швырнула в него веник, и тот под общий радостный гогот покорно принялся сметать пробитые пулей деньги в кучу.

В избу тихо вошел глухонемой охотник.

— Еремей! — заорал Потехин, хватая его за руку. — Садись, братан, выпьем-закусим! Хоть раз уважь! Ну, посиди хоть с хорошими людьми, помолчи за компанию! — указал он на стол.

Тот, пряча глаза, покачал головой и пошел к прилавку.

— Отличный мужик, — кивнул ему вслед Потехин. — Одна беда — не пьет, не курит.

— А как он охотится, глухой-то? — спросил Бегун.

— Кто в тайге родился, тот кожей слышит. А что немой, так оно и лучше: все одно говорить не с кем.

Бегун пристально наблюдал, как Еремей жестами объясняется с Елизаветой, складывает в заплетенную торбу пачки с солью, сахар, патроны, свечи, иглы, несколько ножевых полотен...

— Где он живет? — толкнул он Потехина.

— Кто? — обернулся тот. — Еремей-то? К Витиму где-то, далеко.

— Один?

— Кто ж его знает. Один, наверное.

— А берет, как на роту... Часто здесь бывает?

— Осенью да вот весной...

Бегун все внимательнее приглядывался к Еремею, к его покупкам. Тот заметил, что за ним следят, стрельнул глазами через плечо, заторопился.

— На что он тебе сдался? — спросил сзади Рубль.

— Ты знаешь... а ведь он не немой, — задумчиво сказал Бегун. — Я много убогих видел по деревням... А он просто говорить не хочет. И слышать ничего не хочет, и видеть...

— Да брось, — отмахнулся Рубль и горячо зашептал на ухо. — Слушай, здесь такие бабки можно на соболе сделать! Я уже договорился...

Еремей поднял тяжелую торбу за спину и, держа в руках несколько пачек соли, двинулся к выходу. Бегун, не дослушав Леву, встал, издали улыбаясь Елизавете, доставая из кармана деньги, шагнул к прилавку и, будто качнувшись спяну, ударил Еремея плечом. Окаменевшие кирпичи соли повалились на пол.

— Извини, друг, — он наклонился одновременно с охотником и заметил мелькнувший у того за пазухой тяжелый бронзовый крест на сыромятной тесьме. Еремей торопливо заправил крест глубже и в упор тяжело глянул ему в глаза.

— Давай помогу, — Бегун как ни в чем не бывало поднял соль и первым пошел к двери. Дыша горячим паром в синих морозных сумерках, они уложили поклажу в легкие салазки, стоящие у крыльца рядом с широкими камусными² лыжами, и молча вернулись в избу: Еремей лег в комнате, отвернувшись к стене, Бегун опять сел за стол...

Потехин оглушительно храпел, раскинувшись во сне, так что откликались звоном оконные стекла. Охотники спали вповалку, не раздеваясь, на полу между кроватью валялись просыпанные из мешка деньги, пустые бутылки и долевшие самокрутки. Еремей бесшумно поднялся и тенью выскользнул из избы. Бегун следил за ним, не поднимая головы. Переждав время, вышел на крыльцо.

В предрассветной серой мгле охотник быстро, размашисто шагал к лесу с громадной торбой за плечам и салазками на постромках. Впереди бежала рыжая лайка, нетерпеливо оглядываясь на хозяина. Еремей увидел Бегуна на крыльце — и предостерегающе покачал головой.

Когда он скрылся из виду, Бегун закурил, зябко ежась на морозце, глядя то в медленно светящее небо, то на уходящий в тайгу лыжный след. Вернулся в душную избу, растолкал Потехина:

— Слышь, "Буран" возьму?

— Да бери чо хочешь, отвяжись только, — буркнул тот и захрапел пуще прежнего.

Лева успел надрасть в дым. Бегун таскал его за уши, лил в лицо воду, пытался поставить на ноги, но колени у того подламывались, а голова безвольно падала на грудь. Бегун выволок его на крыльцо и погрузил в прицеп, накрыв лежащей там медвежьей шкурой. В прицепе уложены были охотничьи припасы, закупленные Потехиным в обратную дорогу, вдоль бортов стояли

2 Лыжи, подшитые камусом — жесткой щетиной, снятой с ног оленя или лося. При ходьбе они не проскальзывают назад.

канистры. Бегун взвесил на руке одну, другую — полны под горло.

Он завел мотор, проехал по улице между спящих домов, провожаемый только ленивым собачьим лаем, и свернул в тайгу по Еремееву следу.

Он не смог бы внятно объяснить, почему кинулся в погоню за немым охотником. Им овладело томительное беспокойство, какое испытывает, наверное, охотничий пес, еще не взявший верный след, но уже почуявший рядом запах зверя. Такое случалось с ним, когда, пройдя деревню до околицы, он вдруг поворачивал назад, к ничем не примечательной избе, чувствуя, что здесь ждет удача.

Однажды это беспокойство заставило его остановиться у заброшенного храма в вологодской глуши и отпустить попутку. До вечера он обшаривал церковь, перерывал горы прелой картошки, сваленной перед слепым иконостасом. А когда, вконец обессилив, вышел и сел перекурить у ворот — вдруг увидел отразившуюся в мелком ручье изнанку перекинутого через канаву мостка: это была Троица сказочного мастерского письма...

Еремей срезал по тайге широкую речную излучину. Выехав через час пути на высокий берег, Бегун увидел его вдаль — черной точкой на снежной целине. Бегун отыскал в прицепе топор, сделал на береговой сосне глубокую зарубку. Подождал, пока охотник скроется в чаще на другом берегу — и двинулся следом.

Громадные сосны высились кругом. В чаще они тоннули в снегу по нижние лапы, многоярусные снежные дворцы поднимались с одной ветви на другую, а там, где деревья чуть расступались, сугробы просели под весенним солнцем и обнажали припорошенный инеем подлесок. За треском мотора Бегун не слышал ни одного живого звука, и тайга казалась глухой и неподвижной, как дно холодного океана, просвеченное с поверхности зыбкой солнечной рябью. Он был чужим здесь, и снежный пейзаж, наполненный, должно быть, множеством точных примет для опытного таежника, был для него неотличим от виденного час и три часа назад. Чтобы не выдать себя звуком мотора, Бегун отстал от Еремеева километров на пять, ехал не торопясь, притормаживая, чтобы оставить зарубки. След тяжело грузенных салазков был отчетливо виден даже на льдистом насте, поэтому Бегун не боялся потерять охотника в тайге.

Солнце уже начало скатываться к горизонту, когда медвежья шкура на прицепе зашевелилась, из-под нее вынырнула включенная Левкина голова. Он повел вокруг совиными глазами, мучительно пытаясь вспомнить, что было вчера и как он очутился в глухом лесу в обнимку с вонючей бензиновой канистрой.

— Эй!.. Где это мы?

— В Сибири! — крикнул Бегун.

Вскоре стало темнеть. Солнце еще подсвечивало верхушки сосен, а внизу, под покровом широких ветвей, сгущались сумерки, снег стремительно, с каждой минутой менял оттенки: от небесно-лазурного — в пронзительную синеву и, наконец, до чернильно-фиолетового.

Бегун включил фару. Короткий луч света плыл в

кромешной тьме перед снегоходом, скользя по черным стволам, зависая в пустоте над оврагом, и снова упрямо нащупывая лыжный след.

Наконец, Бегун остановился. Он предпочел бы ехать ночь напролет, не слезая с седла, одолевая сон, чем ночевать в тайге, но боялся догнать Еремеева. Рано или поздно охотник тоже станет на ночлег, не железный же он, в конце концов, — за весь дневной переход, судя по следам, Еремей ненадолго остановился всего два раза.

— Костер умеешь разжигать? — спросил Бегун.

— В пионерском лагере учили когда-то, — сказал Рубль. — Можно "шалашом", можно "колодцем".

Они утоптали круг снега, нарубили сосновых ветвей, и Лева соорудил из них сложную конструкцию. Потом прилег рядом, пытаясь раздуть огонек, давясь дымом и кашляя.

— Уйди, следопыт хренов, — Бегун облил ветки бензином и бросил спичку. Опалив ресницы, пыжнуло бесцветное пламя, сырые дрова кое-как разгорелись. Он достал из прицепа тушенку и хлеб, натопил в котелке снега, заварил чаю.

— Далеко еще ехать? — спросил Лева.

— Догони — спроси, — предложил Бегун.

Теперь, когда умолк мотор, слышны были таинственные звуки в ночной тайге: надсадный скрип ветвей, уставших под тяжестью снеговых шапок, внезапный вскрик какой-то птицы. Оба невольно жались ближе к огню, опасливо поглядывая через плечо в темноту, где чудилось движение и пристальный взгляд в спину.

— Ружья даже нет, — сказал Рубль. — А если медведь?

— Медведь не пойдет на запах бензина.

— Откуда ты знаешь?

— Книжки читать надо.

— А если шибко голодный?

— Не волнуйся. Тебя жрать — лучше с голоду сдохнуть... — Бегун расстелил в прицепе медвежью шкуру. — Раздевайся, — велел он Рублю.

— Что-то не замечал я у тебя этих наклонностей, — подозрительно сказал тот.

— Спать надо голыми, кретин, а то замерзнем поодиночке.

Они прижались друг к другу, накрывшись одеждой.

— Разит же от тебя, — поморщился Лева.

— Можно подумать, от тебя лучше.

— О господи... — вздохнул Рубль. — Об этом ли ты мечтал, Лева?..

Они затихли, настороженно прислушиваясь к голосам тайги...

Бегун с трудом разомкнул воспаленные, слезящиеся глаза. Солнце уже стояло в верхушках сосен. Он растолкал Левку, оделся, едва двигая ватными руками, потер снегом лицо, заросшее густой щетиной, покрытое гарью ночных костров. В груди kloкотало на каждом вздохе, он надолго мучительно закашлялся. Глянул на уходящий в глубину леса бесконечный лыжный след, качнул одну канистру, другую, нашел полную.

— Куда? — Лева с безумными глазами вцепился в канистру. — Не дам! Нам же не хватит назад!

— Последняя! Остальные на обратную дорогу.

— Ты вчера говорил — последняя! Мы сдохнем здесь! Понимаешь — сдохнем ни за что! Никто не узнает даже, костей не найдут! — чуть не плакал Рубль.

Бегун молча вырвал у него из рук канистру и слил в бак.

— Я не поеду дальше, — Рубль вылез из саней. — Ты идиот! Упертый идиот! По тебе психушка плачет! С чего ты взял, что он из Белозера?

— Чувствую, — упрямо ответил Бегун. — Садись, поехали!

— Не поеду! Мне не нужно ничего! Я не хочу подыхать здесь!..

Бегун молча завел мотор и тронулся.

— Эй... Подожди! — Лева, проваливаясь в снег по пояс, кинулся за санями, уцепился за борт и перевалился внутрь, продолжая кричать что-то и бессильно грозить кулаком.

И снова они ехали по безмолвной снежной, равнодушной тайге, по охотничьей лыжне, как по рельсам — ни на шаг ни влево, ни вправо. Бегун шурил слезящиеся глаза, сжав зубы, давил в груди кашель. Изредка поглядывал назад — Лева тоже было худо, он сидел в санях, завернувшись в шкуру, безвольно покачиваясь, время от времени прикладываясь к водке из потехинских запасов.

Лыжня ушла в низину — и уперлась в бурелом. Стволы сосен, полузасыпанные снегом, лежали, как противотанковые ежи, растопырив громадные сучья. И в одну сторону, и в другую, на сколько хватало глаз, путь для снегохода был закрыт. Лыжня быстро запетляла — вот здесь Еремей перетащил салазки через ствол, там прополз под другим.

Бегун соскочил с седла, лихорадочно оглядываясь, не веря, не желая верить, что это конец пути. Можно было насыпать горку и перетащить "Буран" через один ствол и прорубить проход в частокле сучьев под другим, но пересечь на снегоходе весь завал было не реально.

— Вылезай! — заорал Бегун. Он вытащил из прицепа две пары охотничьих лыж — камусные и гольцы, с просторной петлей для валенок посередине.

— Я не пойду, — вяло сказал Рубль.

— Пойдешь! — Бегун встряхнул его за шиворот. — Да пойми — нам ближе туда, чем назад! Для чего былодохнуть пять дней — чтобы обратно повернуть? Вернуться мы всегда успеем, а сюда больше никогда не попадем! Рублик, милый! Червончик, вставай... Вставай, говорю, сука! Мы рядом уже, я чувствую! Он ведь не двуличный, — махнул Бегун вслед Еремею. — Мы на "Буране", а он на своих двоих всю дорогу, он больше нас устал, он скоро придет, и мы за ним...

Он вставил Левкины ноги в петли и, не оглядываясь, двинулся вперед. Лева поплелся следом — у него не было уже сил спорить и сопротивляться, проще было бездумно и бесцельно переступать ногами.

Они преодолели бурелом и пошли дальше по лыжне, неловко с непривычки шагая на широких тупоносых снегоступах, теряя их из петель, падая и поднимаясь. Пейзаж за буреломом изменился — редкие чахлые де-

ревца, кое-где из-под снега торчала болотная осока. Горячий пот заливал лицо, в глазах рябили белые пятна, все гуще, все плотнее, пока белая пелена не повисла кругом... Бегун вдруг встал и глянул вверх: снег валил с неба, тяжелый, в пол-ладони, падал, не кружась, налипая на ветви, выравнивая следы.

— Снег! — в ужасе крикнул он. — Лыжня заметет! Скорее!

Они как могли прибавили шагу, задыхаясь, волоча на лыжах комья липкого снега.

— Смотри, еще лыжня! — указал Бегун. — Значит, жилье близко!

Они подошли к развилке следов.

— Это наша лыжня, — сказал Рубль. Бегун огляделся вокруг. Они, действительно, проходили здесь часа три назад.

— По кругу водит, — ахнул он. Теперь понятно было, что охотник заметил погоню и нарочно повел их через бурелом, чтобы спешить, а теперь путает след.

Лева бессильно сел в снег.

— Вставай! — Бегун подхватил его под мышки, пытаясь поднять. — Пойдем назад!

— Куда — назад? Налево? Направо? — заплетающимся языком спросил Лева. Он засыпал, свесив голову на грудь.

— Куда угодно, только не спи! — Бегун сам едва держался на ногах, тяжелые веки закрывались, и будто горячая рука давила в затылок, пригибая голову. Он отчетливо понимал, что нельзя спать — это смерть, из последних сил заставлял себя двигаться. Он наломал веток, вытряхнул из карманов какие-то бумажки с бессмысленными теперь телефонами, паспорт, деньги, билеты, скомкал и поджег. Мерзлая кора шипела и не разгоралась.

— Нельзя сидеть... — сказал Бегун и сел. — Только не спать... — он закрыл глаза. — Надо идти... Нельзя умирать так глупо... — сладостное тепло разливалось по усталому телу, он тонул в горячем багровом тумане

— ...Возмутилась вода под небесем, изыдоша из моря двенадесят жен простовласых и окоянных видением их диавольским... И вопрошает их святыи Силинии и Сихайло и Апостоли, четыре Евангелисты: что имена ваши? Едина рече: мне имя Огния — коего поймаю, тот разгорится, аки пламень в печи. Вторая рече: мне имя Ледиха — коего поймаю, тот не может в печи согреться. Третья рече: мне имя Желтая — аки цвет дубравный. Четвертая рече: мне имя Глохня, котораго поймаю, тот может глух быти...

Багровый вязкий туман клокотал в груди, не давая насытиться воздухом, Бегун часто и с силой вдыхал, пытался разодрать легкие, как заскорузлые слежавшиеся меха дедовской гармонии. Он то плавился от нестерпимого жара, извивался, будто пытаясь выползти из раскаленной кожи, — сердце не справлялось, стучало реже, пропускавая каждый следующий такт, то замерзал и скручивался в клубок, стараясь уменьшиться размером, не чуя окованных пальцев.

— ...Шестая рече: мне имя Юдея — коего поймаю, тот не может насытиться многим брашном. Седьмая ре-

че: мне имя Корчя, коего поймаю, тот корчится вместе руками и ногами, не пьет, не ест. Восьмая рече: мне имя Грудя — котораго поймаю, лежу на грудях и выхожу храпом внутрь. Девятая рече: мне имя Проклятая, коего поймаю, лежу у сердца, аки лютая змея, и тот человек лежит трудно. Десятая рече: мне имя Ломя — аки сильная буря древо ломит, тако же и аз ломаю кости и спину. Одиннадцатая рече: мне имя Глядея — коего поймаю, тому сна нет, и приступит к нему и мутится. Двенадцатая рече: мне имя Огнястра — коего поймаю, тот не может жив быти...

Иногда Бегун на мгновение поднимал голову над поверхностью багрового тумана и тогда видел то склонившуюся к нему страшную крюконосую старуху в повязанном ниже бровей платке, то суровые бородатые лики, но не успевал он глотнуть свежего воздуха, как та же большая горячая рука упиралась ему в затылок и пригибала. Он яростно сопротивлялся, барахтался и звал на помощь — и снова захлебывался и тонул, шел на дно багрового тумана, где плясали двенадцать безобразных голых девок с распущенными до пят слипшимися волосами. И сквозь все видения неотрывно, пристально смотрели на него детские глаза Христа Спасителя.

— ...Крест хранитель вся вселенная. Крест — красота церковная, крест — царев скипетр, крест — князем держава, крест — верным утверждение, крест — бесам язва, крест — трясовицам прогнание; прогонитесь от рабов Божиих сих всегда, и ныне, и присно и во веки веков. Аминь!..

Когда Бегун окончательно пришел в себя, первое, что он увидел, был лик Христа-младенца на бревенчатой стене над тлеющей лампадкой. Сам Бегун лежал на матрасе, набитом соломой, открытый засаленной шкуркой. Рядом лежал истончавший вдвое Рубль с провалившимися, как у покойника, глазами и бородой. Он тоже смотрел на икону.

— Спас Эммануил, — отрапортовал он. — Три тыщи грин. С прибытием, Бегун...

Бегун с трудом приподнялся на локтях и сел, оглядываясь по сторонам. Изба была поделена холщовым застенком. В той половине, где лежали на сдвинутых скамьях они севой, была глинобитная беленая печь с горшками и чугунными котлами, с деревянным ухватом, от нее тянулись поверху дощатые палаты; на поставцах — подобии этажерки — стояла посуда, резная деревянная и медная: рассольники и енды, ковши и еще что-то, чему Бегун не знал названия; высокий светильник: три тонких железных прута для зажимания лучины, и сама лучина тут же на особой полке, настроганная впрок; стол и лавки покрыты полотном с яркой старинной вышивкой, на полу узорные рогожки — похоже было, что дом празднично прибран. В окно, затянутое промасленным холстом, вместо стекла, сочились синие сумерки. На второй половине, за отдернутым застенком, видны были еще две скамьи с приголовниками, подвешенная к низкой прокопченной матице резная люлька, самопрялка и простенький ткацкий станок с брошенной на середине работой. Во всем доме не было ни души; с

улицы, издалека, глухо доносился протяжный крик — затихал и снова звучал через минуту, будто звали кого-то и ждали ответа.

Бегун встал и обнаружил, что одет в исподнюю холщовую сорочку до колен, с одним только крестом под ней. Тело казалось невесомым, будто полым изнутри, будто осталось от него одна оболочка. Он вдруг увидел, что стол празднично накрыт, и стал жадно есть, не разбирая вкуса, загребая еду руками, обливаясь соком и чавкая. Насытившись и отяжелев, вышел в сени, ступил босыми ногами в меховые сапоги, накиннул тяжелый медвежий тулуп и открыл дверь.

Он задохнулся свежим морозным воздухом и встал на пороге, зажмурившись, пережидая, пока пройдет головокружение.

— Ни хрена себе, думаю... — Левка выполз следом, зябко обняв себя за плечи, изумленно оглядываясь. — Это мы в каком веке?

Под сплошным навесом сосновых лап стояли вросшие в землю избы, — Бегун насчитал с десятков, — крытые, как шифером, кусками бересты, низкие, но ладные, с резными наличниками и коньками, крылечками наоборот — со двора вниз в избу. Посредине была бревенчатая церковь с надвратной иконой под стрехой, тоже маленькая — до маковки допрыгнуть можно. Тут и там висели на ветвях прутьянные венки, переплетенные красной лентой. Избы были пусты; вдали, за деревьями горел костер, на фоне огня мелькали, кружились маленькие человеческие фигурки.

— Что празднуют-то? — спросил Рубль. — Может, костер для нас? Ленточками обвяжут и зажарят с песнями.

— Бог с тобой, Лева. Православные же...

Часы болтались у Бегуна на высохшей руке — долго быть, когда раздевали, не справились с застежкой. Он повернул циферблат к себе и глянул на календарь, соображая.

— Пасха прошла... Две недели провалялись. Христос воскрес, Лева!

— И тебя так же.

— Вроде, Красная Горка сегодня...

В лесу, ближе, чем костер, снова раздался зовущий женский голос.

— Ну да, весну кличут! — догадался Бегун. Пошатываясь от слабости, он пошел на голос.

Сосны уже освободились от снега, последний, кружевной, пробитый капелью снег лежал только под самыми стволами и в низинах, но и сквозь него уже видна была прошлогодняя трава. Голос далеко разносился в сыром чутком лесу. Потом он затих, — Бегун прошел еще с полсотни шагов наугад, — и вдруг зазвучал прямо над ним. Бегун вскинул глаза — и замер.

На высоком, сухом уже пригорке спиной к вечерней заре стояла недвижно, как изваяние, девка, подняв вверх открытые ладони, закинув голову и вся вытянувшись к небу. Тяжелые белые волосы, распущенные ниже колен, перехвачены на темени берестяным кокошником, расшитым цветной нитью и бисером; высокие рукава холщовой рубахи затянуты на запястье красным шнуром, под заячьей телогреей виден передник с красным весенним узором по краю, юбка открывала

только носы сапожек, Девка была необыкновенно красива, но непривычной, неровной красотой, ее лицо будто повторяло рисунок окрестной природы: ясный детский лоб и огромные синие глаза, опущенные густыми черными ресницами, — от неба, резкие вразлет скулы и крупные сильные губы — от таежного зверя.

Устремленная ввысь, она не заметила человека у самых ног и снова закричала, сразу во всю грудь с первого звука, враспев растягивая слова и срываясь голосом на середине строки. Последний звук она тянула докуда хватало дыхания, а когда умолкала, медленно, широко набирая в грудь воздух, слышно было отдающееся все дальше и глуше эхо и других девок, кличущих в стороне.

— Ты пчелынька-а-а...
Пчелка яркая!..
Ты вылети за море...
Ты вынеси ключик...
Ключики золотые...
Ты замкни зимыньку...
Зимыньку студеную...
Отомкни летечко...
Летечко теплое...
Лето хлебородное!..

Бегун не знал, сколько времени он, замороженный, смотрел на нее, когда девка вдруг глянула вниз и с ужасом увидала его — иссохшего, черного, в медвежьей шерсти с головы до пят. Она взвизгнула и кинулась с пригорка.

— Шишига! Шишига! Чур меня, чур! — она отбежала, крестясь. Заметив, что шишига не гонится следом, остановилась, подхватила снегу и запустила в него.

Тяжелый мокрый снег залепил ему лицо. Пока он прочищал глаза, на крик прибежали от костра мужики и бабы, парни, девки и ребятня, перепоясанные яркими праздничными кушаками, бабы в корунах, девки в кокошниках с лентами, — и с хохотом, обступив, принялись закидывать его снегом. Ему опять досталось и в лицо, и в голову, и за пазуху, он вслепую махал руками, пытаясь заслониться, пока не сел бессильно в сугроб. Подбежал Еремей и встал, загородив его спиной, раскинув руки, потом поднял на плечо и понес обратно в избу.

Еще несколько дней Бегун и Рубль отлеживались в своем запечном углу, прислушиваясь к голосам в переполненной избе. Еремей носил им еду: разваренное мясо с картошкой, репой и чесноком или уху из соленой рыбы с кореньями — в одном горшке на двоих. Потом принес их одежду и приволок лохань горячей воды с размоченным мыльным корнем — они кое-как помылись, поливая друг друга из ковша, оделись, привели в порядок волосы и отросшие бороды, и уже не походили на дремучих "шишиг". В кармане Лева обнаружил баллончик с паралитическим газом и обрадовался ему как родному:

— Гляди, — показал он Бегуну. — Сувенир из двадцатого века!

— Незаменимая вещь, — усмехнулся Бегун. — На медведя пойдем...

Нашелся у Рубля и маленький приемник. Но едва успел он настроить его на "Маяк", как вошел Еремей и жестом велел следовать за собой.

Выйдя на крыльцо, они зажмурились от яркого весеннего солнца. Земля уже приняла талую воду и высохла, сквозь прошлогоднюю жухлую траву пробивалась новая. У крыльца толпились ребятишки. Парни и девки стояли поодаль, мужики и бабы и вовсе у своих изб — как бы занимаясь делом, но искоса с любопытством разглядывая их странный наряд: пестрые пуховики, джинсы, высокие ботинки с металлическими пряжками.

Рубль не торопясь нацепил темные очки, вытащил сигареты и щелкнул зажигалкой. Ребятня, разинув рот, следила за каждым его движением.

— Картинка из учебника истории, — сказал он, оглядываясь. — "Миклухо-Маклай среди папуасов".

— Еще не известно, кто тут папуасы... — ответил Бегун.

Вслед за Еремеем они прошли через все село к избе, соседней с церковью. В сених Еремей пропустил их вперед.

В красном углу, под образами, у накрытого стола сидел древний старик в черной рясе, перепоясанный узким кожаным ремешком. Возраст его уже трудно было понять, темное, как сосновая кора, лицо сплошь собрано в морщины, водянистые глаза глубоко запали под безбровый лоб, сквозь жидкие бесцветные волосы просвечивали старческие пятна на темени. Однако он высоко и легко держал голову, внимательно наблюдая за гостями.

Бегун перекрестился на образа и поклонился. Толкнул локтем Леву. Тот повторил.

— Мир дому сему, — сказал Бегун.

— Мир входящему, — неожиданно сильным низким голосом ответил старик. — Гость в дом — Бог в дом. Проходите, садитесь. Вот, на столец.

Левка неуверенно глянул на стол.

— Может, на табуретку лучше? — спросил он.

— Я и говорю: на столец, — указал старик на табурет. Бегун и Рубль сели, Еремей тоже присел на лавку.

— Неждана! — окликнул старик. — За смертью тебя посылать! Братину неси!

С другой половины избы вышла девка, та, что весну кликала, только белые волосы собраны теперь были в тугую толстую косу. Увидав ее, Еремей вдруг робко заулыбался.

Неждана, потупив глаза, поставила на стол братину под крышкой, не выдержала, глянула искоса на чудных гостей и прыснула, прикрывая рот ладонью.

— Поди, — досадливо махнул старик. — Петр!

Из-за застенка вышел здоровый малый, на одно лицо с Нежданой, но поглубже, скуластей. Он исподлобья, недобро покосился на гостей и ушел за сестрой.

— Откушайте, что Бог послал, — предложил старик и первым поднялся, опираясь на стол. Повернулся к обрядам, перекрестился и помедлил, прислушиваясь.

Бегун зашептал молитву, достаточно громко, чтобы слышно было священнику. Лева не знал слов и только шевелил губами.

Старик снял крышку с братины.

— Берите корчки.

Бегун неуверенно пошарил глазами по столу.

— Кресты носите, а русских слов не знаете, — сказал старик. Он взял один из маленьких ковшиков, вищащих по краю братины, зачерпнул и аккуратно выпил, утерев затем рот ладонью.

Бегун зачерпнул следом. У него перехватило дыхание, на глазах против воли выступили слезы. Рубль, выпучив безумные глаза, раздувал щеки, и наконец закашлялся, выпрыснув водку на скатерть, не успев даже прикрыться ладонью.

— Крепка-а... — осипшим голосом сказал он, отдышавшись. — Градусов шестьдесят? На можевельнике?

Старик и Еремей, будто не заметив конфуза, принялись за еду. Стол был скромный: крапивные щи с копченой свиной, свиная голова с хреном, заяц под сладким взваром, рыжики, вареные в рассоле, медовый сбитень на зверобое. Хлеба было мало, и тот тухлявый, как сухой торф, — с отрубями и ботвой. Должно быть, рожь не вызревала здесь, и хлеб был сладковатый, как солод. Вилки не дали, мясо ели руками, отрывая куски с блюда, смачно обсасывая кости, щи и взвар хлебали ложками из общего чугуна.

Лева достал швейцарский складной нож с десяткомлезвий и орудовал маленькой вилочкой.

Выпили еще по корчаку. Старик по-прежнему прислушивал их внимательными глазами.

— Ну, гости незванные, откуда будете? — спросил наконец он.

— Из Москвы будем, — ответил Рубль.

— А ж вот как?.. Стоит еще первопрестольная? — с непонятным выражением спросил старик и перекрестился.

— Стоит, куда она денется. А вот куда это нас занесло?

— Куда шли, туда и попали... Про Белозеро пытались? — старик глянул на Еремея. Тот утвердительно кивнул. — Вот вам Белозеро, — указал он кругом. — Еремей-то на третий день учуял, что вы его по следу скрадываете, и пошел круги писать. А уж когда погибать стали — кресты на груди нашел, засомневался, не стал грех на душу брать и приволок обоих. Так что кланяйтесь в ножи спасителю своему.

— Давай, спаситель, твое здоровье... Чуть не сдохли по твоей милости, — Лева махнул еще корчик. Он уже изрядно окосел, не давал Бегуну вставить ни слова, можевеловое зелье было ему явно не по силам после жарких объятий Ломей, Грудей и прочих трясовиц.

Бегун держался, понимая, что от этого разговора может быть, зависит их судьба.

— Неужто в самой Москве про Белозеро слышали? — продолжал допрос старик.

Лева собрался было ответить, но Бегун наступил ему на ногу под столом.

Оформление Анны АНДРОСОВОЙ

АЭЛИТА-94

- Январь, 1. 115 лет со дня рождения английского писателя Эдуарда Моргана Форстера (1879—1970), автора антиутопии "Машина останавливается" (1911).
- Январь, 7. 100 лет со дня рождения сибирского писателя Вивиана Азарьевича Итина (1894—1945), автора повести "Страна Гонгури" (1922).
- Январь, 19. 185 лет со дня рождения американского писателя Эдгара Аллана По (1809—1849), одного из предтеч НФ.
- Январь, 20. 110 лет со дня рождения американского писателя Абрахама Меррита (1884—1943); большинство его романов ("Лик в бездне", "Живой металл" и др.) в последние годы издано и на русском языке.
- Февраль, 1. 110 лет со дня рождения Евгения Ивановича Замятина (1884—1937), автора знаменитой антиутопии "Мы" (1920).
- Февраль, 11. 85 лет со дня рождения Ильи Иосифовича Варшавского (1909—1974), 30 лет его первой книге ("Молекулярное кафе", 1964).
- Март, 6. 375 лет со дня рождения французского писателя Савиньена Сирано де Бержерака (1619—1655), автора философско-утопического романа "Иной Свет, или Государства и империи луны" (изд. 1657).
- Март, 7. 70 лет со дня рождения японского писателя Абэ Кобо (1924—1993), чьи книги широко известны и в нашей стране.
- Март, 16. 110 лет со дня рождения Александра Романовича Белева (1884—1942), одного из основоположников нашей НФ.
- Апрель, 1. 185 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя (1809—1852), охотно вводившего фантастическое в свои произведения ("Нос", "Вий" и др.).
- Апрель, 7. 80 лет со дня рождения американского писателя Генри Каттнера (1914—1958), ставшего популярным у нас после выхода в русском переводе сборника "Робот-зазнайка" (1968).
- Апрель, 10. 50 лет со дня рождения (1944) Сергея Александровича Абрамова, автора книг "Опознай живого", "Выше Радуги" и др., в том числе — написанной вместе с отцом, А. И. Абрамовым, известной трилогии "Всадники ниоткуда".
- Апрель, 16. 150 лет со дня рождения французского писателя Анатоля Франса (1844—1924), 90 лет его утопии "На белом камне" (1904).
- Апрель, 24. 65 лет со дня рождения (1929) Владимира Дмитриевича Михайлова, автора дилогии "Капитан Ульдемир" и др. книг, лауреата премии "Азлита"—91.
- Май, 5. 95 лет со дня рождения русско-американского писателя Владимира Владимировича Набокова (1899—1977), в своем творчестве нередко прибегавшего к фантастике (роман "Приглашение на казнь" и др.).
- Май, 22. 135 лет со дня рождения английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930), 65 лет его "Маракотовой бездне" (1929).
- Май, 27. 60 лет со дня рождения (1934) американского писателя-фантаста Харлана

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1994-Й

- Эллисона, многократного лауреата премий "Хьюго" и "Небьюла".
- Май, 31. 95 лет со дня рождения (1899) Леонида Максимовича Леонова, отдавшего дань и фантастике ("Дорога на Океан", "Бегство мистера Мак-Кинли" и др.).
- Июнь, 28. 105 лет со дня рождения Владимира Евгеньевича Орловского (Грушвицкого, 1899—?), одного из первых серьезных авторов нашей НФ (романы "Машина ужаса", "Бунт атомов").
- Июнь, 29. 110 лет со дня рождения известного в прошлом сибирского писателя Антона Семеновича Сорокина (1884—1928), 80 лет его повести "Хохот желтого дьявола" (1914).
- Июль, 14. 120 лет со дня рождения польского писателя Ежи Жулавского (1874—1915), автора "лунной" трилогии ("На серебряной планете", "Победитель", "Возвращение на Старую Землю").
- Июль, 21. 60 лет со дня рождения Евгения Серафимовича Велтистова (1934—1989), 30 лет его повести "Электроник — мальчик из чемодана" (1964).
- Июль, 26. 100 лет со дня рождения английского писателя Олдоса Леонарда Хаксли (1894—1963), автора антиутопии "Прекрасный новый мир" (1932).
- Август, 16. 110 лет со дня рождения "отца американской фантастики" Хьюго Гернсбека (1884—1967).
- Август, 20. 60 лет со дня рождения (1934) Евгения Яковлевича Гуляковского, автора романа "Сезон туманов" (1979) и др. НФ книг.
- Август, 24. 95 лет со дня рождения аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса (1899—1986), автора многих фантастических рассказов.
- Август, 29. 70 лет со дня рождения (1924) Семена Васильевича Слепынина, автора книг "Фарсаны", "Звездные берега" и др.
- Сентябрь, 1. 95 лет со дня рождения Андрея Платоновича Платонова (1899—1951), автора многих социально-фантастических произведений ("Чевенгур", "Котлован" и др.).
- Сентябрь, 13. 100 лет со дня рождения английского писателя Джона Бойнтона Пристли (1894—1984), автора повести "31 июня" и многих др. НФ книг.
- Сентябрь, 17. 70 лет со дня выхода (1924) первого нашей кинофантастики — фильма "Аэлиты", поставленного Я. А. Протазановым по мотивам романа А. Н. Толстого.
- Октябрь, 18. 60 лет со дня рождения (1934) Кира Бульчева (Игоря Всеволодовича Можейко), 20 лет первой книге о приключениях Алисы Селезневой ("Девочка с Земли", 1974).
- Октябрь, 21. 90 лет со дня рождения американского писателя Эдмунда Гамильтона (1904—1977), одного из создателей "космической оперы" ("Звездные короли" и др.).
- Октябрь, 21. 65 лет со дня рождения (1929) американской писательницы Урсулы Ле Гуин,

- чьи книги (прежде всего "Хейнский цикл") хорошо известны и нашим читателям.
- Ноябрь, 18. 75 лет со дня рождения Анатолия Петровича Днепровца (Мицкевича, 1919—1975), автора книг "Уравнения Максвелла", "Формула бессмертия" и др.
- Ноябрь, 21. 300 лет со дня рождения французского писателя и философа Вольтера (Мари Франсуа Аруз, 1694—1778), автора повестей "Микромегас", "Кандид" и др.
- Ноябрь, 25. 75 лет со дня рождения (1919) американского писателя Фредерика Пола, автора романа "Врата" и др. НФ книг.
- Ноябрь, 26. 100 лет со дня рождения Норберта Винера (1894—1964), основоположника кибернетики, автора двух НФ рассказов.
- Декабрь, 3. 175 лет со дня рождения Николая Дмитриевича Ахшарумова (1819—1893), автора романов "Граждане леса", "Игрок" и др.
- Декабрь, 3. 100 лет со дня смерти английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894), автора повести "Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда" (1886).
- Декабрь, 3. 90 лет со дня рождения американского писателя Клиффорда Дональда Саймака (1904—1988), хорошо известного нашим читателям.

Кроме того, в наступившем году исполняется:

500 лет со дня рождения французского писателя Франсуа Рабле (1494—1553), автора романа "Гаргантюа и Пантагрюэль";

195 лет со дня рождения французского писателя Оноре де Бальзака (1799—1850), автора романа "Шагреневая кожа";

160 лет со дня рождения английско-американского писателя и общественного деятеля Уильяма Морриса (1834—1896), автора социально-утопического романа "Вести ниоткуда";

115 лет со дня рождения немецкого писателя Бернхарда Келлермана (1879—1951), автора романа "Туннель";

80 лет со дня рождения аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914—1984), автора многих фантастических рассказов; болгарского писателя Павла Вежинова (1914—1984), автора повести "Барьер" и др. фантастических произведений;

75 лет со дня рождения Даниила Александровича Гранина, автора повести "Место для памятника"; французского писателя Франсиса Карсака (1919—1977), автора романов "Пришельцы ниоткуда", "Львы Эльдорадо" и др.;

70 лет со дня рождения (1924) Владлена Ефимовича Бахнова, автора книг "Внимание: ахи!" и "Тайна, покрытая мраком"; Владимира Владимировича Корчагина, автора книг "Астийский эдельвейс", "Конец легенды" и др.; Лидии Алексеевны Обуховой, автора книг "Лилит" и "Диалог с лунным человеком";

65 лет со дня рождения (1929) Фазила Абдуловича Искандера, автора повести "Кролики и удавы"; Игоря Марковича Росохватского, автора книг "Гость", "Ураган" и др.;

60 лет со дня рождения (1934) Бориса Федоровича Лапина, автора книг "Кратер Ольга", "Ничьи дети" и др.; английского писателя Джона Браннера, автора романа "Плечо к плечу

на Занзибаре"; американского ученого Карла Сагана, автора НФ романа "Контакт";

50 лет со дня рождения (1944) Павла Рафаэловича Аминюла, автора повестей "Крутизна", "Взрыв" и др.; Михаила Георгиевича Пухова, автора книг "Картинная галерея", "Звездные дожди" и др.; английского писателя Кристофера Приста, автора романов "Опрокинутый мир", "Машина пространства" и др.

Исполняется также: 225 лет аллегории Ф. И. Дмитриева-Мамонова "Дворянин-философ" (1769); 210 лет утопии М. М. Щербатова "Путешествие в землю Офирскую" (1784); 180 лет повести А. Шамиссо "Необычайная история Петера Шлемиля" (1814); 130 лет "Путешествию к центру Земли" (1864) Ж. Верна и 100 лет его роману "Удивительные приключения дядюшки Антифера" (1894); 95 лет роману Г. Уэллса "Когда спящий проснется" (1899); 70 лет повести М. Булгакова "Дьяволиада" (1924); 50 лет первым НФ книгам И. А. Эфремова "Встреча над Тускаророй" и "Пять румбов" (1944).

Кроме того, 70 лет назад начали выходить журналы "Всемирный следопыт" (1924–1931), "Пионер" и "Смена", опубликовавшие на своих страницах немало НФ произведений; 30 лет исполняется "Альманаху НФ" издательства "Знание".

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Раздраконирует Вас.Кириллов

Не позавидуешь новичку из глубинки, вдруг оказавшемуся сегодня перед книжным прилавком где-нибудь — не обязательно даже в Москве или Питере, а хотя бы и у нас — в Екатеринбург!

Начиная с этого номера, известный переводчик и литературный критик Василий Кириллов будет делиться своими впечатлениями от прочитанного. Именно своими — не заезженными, но зато и субъективными, так что — воля ваша — можете не соглашаться с его оценками, можете соглашаться во всегда, а можете, напротив, и следовать этим оценкам — при посещении книжных магазинов и киосков.

Рубрика, повторимся, авторская — отсюда и вольный выбор книг, тем более, что и время нынче такое: наборов — обязательных и даже подарочных — почти не встретишь даже в торговле. Ну, а захочется какому издателю, чтобы целенаправленно — именно его книги! — покрывали либо похвалили в очередном обзоре наш Василий Кириллов, что ж, — пусть заплатит за рекламу журналу, а журнал приплатит критику — чтобы был еще субъективнее и нелюбезнее. Умному издателю такой критик необходим, потому что полезен, да и, опять же, антиреклама — это ведь тоже реклама, всякий не раз убеждался в этом.

Особо подчеркнем: отечественной фантастики Василий Кириллов из разнообразных соображений не читает — уж не взыщите. Да ведь, впрочем, на книжных прилавках наших ее сейчас — вовсе не навалом: любой в силах сам разобраться с нею.

И, наконец, о шкале оценок. Она у нашей критика такова.

Один дракон — книга, не лишенная привлекательности, но только для слабых, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда читается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и заводить своим детям.

Жаба — отвратительная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Уолтер М. Миллер-младший. Гимн Лейбовичу.

Тула: "Пересвет"; Н.Новгород: НПП "Параллель", "Флокс-2", 1993. 539 с. (Серия "Мир фантастики").

"Гимн Лейбовичу" Уолтера Миллера-младшего — отнюдь не роман приключений, хотя в увлекательности не уступает лучшим образцам НФ.

Совершая вместе с автором невообразимые скачки во времени, с удивлением отмечаешь, что благодаря его искусству удается не только их вообразить, но и принять картины грядущего как нечто совершенно правдоподобное, более того — как нечто не допускающее малейших отклонений от реальности, как саму правду.

Вероятно, такова отличительная черта любого творения, воплощающего большую идею, в смысле — большую проблему, конечно (спаси нас Бог от "идейной" литературы). "Гимн Лейбовичу" — это, как минимум, три воплощенные проблемы. Во-первых, проблема противоречия между всеблагодатью и всемогуществом Бога. Во-вторых, проблема взаимоотношений церкви и науки в границах цивилизации, базирующейся на технологическом прогрессе. И наконец, проблема возможности или невозможности иного, не ведущего к Апокалипсису, поворота в развитии такой цивилизации.

Замечательно, что в 1960 году Уолтер Миллер-младший повествует не о кошмаре ядерной катастрофы, а о кошмаре ее фатального повторения.

Сборник, о котором идет речь, помимо знаменитого романа, включает повесть и два рассказа. Повесть "Дарстеллер", хотя и получила "Хьюго" наравне с "Гимном Лейбовичу", производит такое впечатление, будто и рядом с ним не лежала. Зато рассказы — "Банк крови" и "Большой Джо" — способны вызвать крик восторга даже у искушенного читателя, хотя он и не найдет в них ничего принципиально нового.

В целом книга, к чести издателей, безусловно удалась и заслуживает пяти драконов.

Ларри Нивен, Джерри Пурнель. Мошка в зените Господней. Санкт-Петербург: "Оверлайт-Сан", 1993. 541 с.

Роман из серии "Совладение", вероятно, самый крутой из написанных в жанре "космической оперы". В нем есть все, что нужно, почти все, чего ждешь от подобных историй. Увлечательный сюжет, головокружительные перелеты на гигантских космических кораблях в начале четвертого тысячелетия, замысловатые проблемы, которые приходится решать в самой отчаянной ситуации, ставящей на грань гибели человеческую цивилизацию, наконец, блестящий отличный юмор. Взять, к примеру, адмирала Лаврентия Кутузова, который командует имперским линкором "Ленин", где у него заведено пить чай из самовара и развлекаться казачьими плясками в исполнении морских пехотинцев.

Примечательно, что при этом в романе нет ни одного подлинного негодяя. И это говорит о подлинном мастерстве сочинивших его парней. Ведь образы негодяев писать гораздо легче, и удаются, как правило, в особенности они.

Короче говоря, хотя "космическая опера" давным-давно является жанром, беспощадно обстреливаемым пародистами, "Мошка" заслуживает признания и любви миллионов любителей научной фантастики... и если не шести драконов, то только по одной причине — на сей раз при неплохом переплете и ярком супере она напечатана на газетной бумаге.

Джон Майерс. Серебряный вихор. Санкт-Петербург: "Северо-Запад", 1993. 416 с. (Серия "Fantasy").

А существует ли на самом деле такой писатель?

На сей раз у издательства, радующего нас потоком новых книг, вышел явный прокол.

Несмотря на уверение, которым завершается рифмованный (и кстати, откровенно рифмованный) словарь на обороте шмуцтитула — "Издательство "Северо-Запад" поручится: "Попавший в Романию не соскучится!" — очень трудно представить себе человека, который не соскучился бы, вляпавшись в этот бездарный компот из персонажей мировой литературы. Разве что пятилетний ребенок, которому не доводилось читать ни "Беовульфа", ни "Дон Кихота", ни баллады о Робине Гуде и т. д. Но даже пятилетний ребенок вряд ли станет слушать историю, не имеющую сюжета, не претендующую хотя бы на малую степень правдоподобия и развлекательности на куски, соединенные лишь чисто геометрическим передвижением главного героя. К тому же это безобразие, перенасыщенное мифологическими персонажами и образами из классических произведений от Орфея до Родиона Раскольникова, завершается на редкость хухлятой концовкой, чем-то вроде "А поутру они проснулись".

Прости, "Северо-Запад", но за этот продукт больше двух драконов не даст никто, хотя на самом деле и одного-то много будет!

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Приговоренный Шпион против алхимиков – III

Повесть

Иллюстрации Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

В февральском номере 1974 года (почти что ровно 20 лет назад!.. любопытно бы узнать: сохранился ли среди наших читателей кто-нибудь из подписчиков той давней поры?) "Уральский следопыт" представил любителям фантастики нового для них автора — Геннадия Прашкевича. Представил — повестью "Мир, в котором я дома". И в том же 1974-м (редкий случай для прозаика в нашем журнале, а уж для писателя-фантаста — и вовсе редчайший!), в сентябрьской книжке, была напечатана еще одна его повесть — "Шпион в юрском периоде". С многообещающим подзаголовком: "Записки агента"...

Впрочем, мне, редактировавшему тогда эту повесть, неведомо было, разумеется, что ею начнется весьма обширный цикл. Это через полтора-два года, напечатав новую повесть и лишней раз убедившись, что вовсе не только западный читатель обожает цикличность, серийность в литературе, начали мы — вслед за тогдашними нашими подписчиками — нет-нет да и вопрошать у автора: будет ли (и, главное, когда?) продолжение у воскрешенных им шпионов?

Но ему — автору — интересно было писать иные вещи...

Должен заметить: мы с удовольствием печатали и эти иные его вещи. Самому мне, к примеру, и сегодня безоглядно нравится его "Разговоранное чудо", и сегодня совершенно по душе его космический цикл ("Костры миров", "Анграв—VI")... Однако же, печатая эти его повести (а многие другие, в силу неизбежной собственной вкусовщины, не печатая!), я терпеливо поджидал: не окажется ли в очередной

Зовите меня Израил.

Г. М.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

"Господи, господи, господи, господи..."

Голос Джека Берримена, великого профессионала, голос человека, сломленного судьбой, голос, полный ужаса, боли, отчаяния, взывал из бездны; взывал ко мне, не к Господу.

Он и мог взывать только ко мне.

Ведь это я, не кто-то другой, был там — в юрском периоде, видел цикадоидеи и беннетиты, деревья гинкго и летающих ящеров! Правда, я сумел всплыть, а Джек Берримен утонул, как утонули Лесли и его напарник.

Не в омуте.

В океане времен...

Вскрыв банку пива, я вытянул ноги в проходе между рядами кресел.

Я мог лететь сейчас над океаном, но раздумал, сменил рейс. Я не хотел в Европу, меня туда не манило. Затеряться можно и здесь — в Питтсильвании, или в краю нижнего Пидмонта, или в горной стране, или в Калифор-

бандероли из Новосибирска продолжение "шпионского" сериала?

В "Ловле ветра" писатель вернулся к этой теме. Вернулся — с неожиданной стороны, по-новому высветив весь цикл. В итоге повесть, когда-то открывшая его, стала предпоследней, а нынешняя — покамест последней...

Поскольку постоянным читателям "Уральского следопыта" может показаться интересной нынешняя расстановка "Записок промышленного шпиона", приведу ее — с подачи автора: "Фальшивый подвиг", "Итака — закрытый город", "Ловля ветра", "Счастье по Колонду", "Человек из морга", "Спор с Дьяволом", "Шпион в юрском периоде", "Приговоренный".

Наш подписчик 1976 года не обнаружил бы в этой цепочке повесть "Шпион против компьютера" — просто потому, что писатель, переработав, дал ей другое название: "Фальшивый подвиг". А слово "покамест" я употребил выше — оттого что довольно отчетливо маячит впереди еще одна повесть, "Шпион против алхимиков—IV", где, если верить автору, будут высказаны — и очень внятно — его, автора, соображения по части плюсов и минусов нашей цивилизации. В запасе же у автора остается покамест и нет-нет да и поминаемое "Бэрдокское дело", коему он планирует посвятить наиболее объемную повесть цикла.

Что ж, с любопытством прочтем когда-нибудь и эти новые его вещи — и дай нам Бог не обмануться в ожиданиях...

Виталий БУГРОВ

нии, жаркой, как печь; может быть, это даже проще. Мне было все равно, отличаются ли облака Европы от облаков, плывущих над краем каштанов, над дельтой Отца вод или над лесами мормонов; и там, и здесь, тронутые тревожной чернью, они в любой момент могут пролиться дождем или градом. Мне все казалось одинаково отвратительным. Я всех ненавидел. Даже улыбочивых стюардесс.

Да, я угнал машину Парка, а Джой раздобыла нужную документацию, что из этого? Разве Джек с нами?.. Да, я пристрелил инженера Формена, я прошел все защитные пояса фирмы "Трэвел", что из этого? Разве я чувствую себя победителем?..

Я сжал зубы.

Транснациональные корпорации, промышленные секреты, отравленные реки и целые регионы... Пока все это существует, Берримены и Миллеры необходимы миру.

Нужны!

На таких, как мы, можно, конечно, смотреть с презрением, но если тех, кто нас нанимает, нисколько не смущает моральная сторона нашего ремесла, почему это должно смущать нас? Ведь это именно наши действия позволяют более разумно распределять или,

скажем так, перераспределять промышленную и интеллектуальную информацию. Не всем это по вкусу, всегда находятся люди, готовые в нас стрелять, но...

Берримен!

Я все еще не смирился с тем, что Джек не вернется.

В свое время на Джека было заведено не одно судебное дело, в него стреляли, он попал в аварии; несколько весьма мощных компаний не без оснований подозревали, что Джек тайно побывал в святой святых их самых секретных отделов; в двадцати странах Джек получил патенты на изобретения в области химии и электроники; при этом мало кто знал, что элегантный инженер Д. К. Берримен умеет разбираться не только в сложнейших электронных схемах, но и в тайнах человеческой психологии; он водил все виды транспорта, он умел пользоваться любым оружием...

Бывал... Получал... Умел...

Я еще крепче сжал зубы.

Когда за тобой следят, ты чувствуешь себя необычно. Ты еще ни о чем не догадываешься, но интуиция подсказывает — что-то вокруг не так; ты становишься немного не таким, какой есть на самом деле. Не знаю, следили ли за мной, находился ли в самолете человек, интересующийся мною, но с первой минуты полета я чувствовал некий неуют, некую тревогу. И снять это ощущение не могли ни ровный гул двигателей, ни спокойные голоса в салоне.

Белые облака медленно текли под крыльями самолета.

Ни один человек в мире, за исключением доктора Хэссопа, не мог знать, где я сейчас нахожусь, а мой главный противник — Лесли — тот вообще находился за миллион миль отсюда, уж в любом случае — за миллионы и миллионы лет. Он копался в разбитой электронике машины Парка и время от времени в ужасе оглядывался на влажные заросли, из колючей смуты которых в любой момент могла показаться медлительная тень хищного динозавра, высокомерно и тупо задирающего в небо плоскую морду. Со дня, в котором я бросил Лесли, действительно прошли миллионы, десятки миллионов лет, но Лесли продолжал копаться в разбитой электронике МВ и будет копаться в ней до окончания дней.

"Господи, господи, господи, господи..."

Кто-то из пассажиров, проходя мимо, споткнулся, на мгновение коснувшись моего плеча.

Вздвигнув, я отклонился.

— Простите...

Я поднял голову.

Темные очки, темный костюм, строгий галстук. Загорелое лицо, открытая улыбка. Ниче-

го особенного, разве что глаза. Цепкие, быстрые глаза, глянувшие на меня сквозь стекла темных очков.

Да нет, я ошибаюсь... Сама доброжелательность... Я молча показал человеку большой палец.

Неизвестный расцвел. Он страдал от своей неловкости.

Проводив его взглядом, я незаметно глянул на дорожку, уложенную между рядами кресел. Идеальная работа — нигде ни морщинки. Дерьмо! Как можно споткнуться на столь ровном месте?

"Господи, господи, господи, господи..."

Я был полон ненависти.

Успокойся, сказал я себе. Успокойся, возьми себя в руки. Не теряй равновесия, это ведет к ошибкам.

Успокойся!

"Господи, господи, господи, господи..."

Голос Джека Берримена, хриплый, умирающий голос рвал мне душу. Никакими силами я не мог выбросить его из памяти. Я боялся, что сам закричу.

"Сделай мне больно..."

Я готов был вопить от боли.

Джек... Лесли... Джой... Формен...

Возьми себя в руки, сказал я себе. Ты всегда терял и будешь терять, это входит в правила игры. Но ты двигаешься, ты чувствуешь... Разве этого мало?

Ладно.

Я вновь увидел человека, насторожившего меня, — он возвращался из туалета.

На этот раз он прошел мимо меня не споткнувшись, даже не повернув головы, но именно деланное его равнодушие подсказывало, наводило на мысль — он помнил о случившемся, он ни на секунду не забывал случившегося, для него оно вовсе не было случайностью.

Дерьмо!

Скорее всего, за мной следили. Скорее всего, меня пытались, а может, уже и взяли на поводок. Трудно ли обронить на сидящего человека микроскопического электронного "клопа"? Отыскать такого "клопа" без специальной аппаратуры невозможно — "Мозлер рисерч" и "Кал корпорейшн" выпускают весьма надежную технику для промышленного шпионажа. Такой электронный "клоп" может держаться даже на зеркальной поверхности, а сигнал, испускаемый им, улавливается на расстоянии до сорока миль. Где бы я теперь ни находился, люди, интересующиеся мною, всегда будут знать, где я.

"Господи, господи, господи, господи..."

Я не знал, на кого может работать человек со столь благожелательным голосом, но что-то подсказывало мне — он интересуется мною. Этот цепкий взгляд, каким он меня награ-

дил... И его сосед, почему-то и в самолете не снявший с себя плащ, тоже мне не понравился. Его квадратная физиономия вновь разбудила во мне бешенство. Я не собирался терпеть опекунов, на кого бы они ни работали, даже если они работают на шефа. Никто в мире не должен был знать — кто я, куда лечу, где нахожусь; никто, проходя мимо, не должен меня касаться. Конечно, случившееся могло быть простой случайностью, но я никогда не верил в случайности.

Ладно, сказал я себе. Я займусь всем этим в порту дозаправки. Там у меня будет примерно сорок минут. Не так уж мало, если действовать быстро.

2

Я правильно предсказал поведение неизвестных опекунов.

Нацепив на меня "клопа", они потеряли всякий интерес к моей персоне. Я их больше не интересовал. До этого я, наверное, занимал все их мысли, теперь они позволили себе расслабиться и в порту дозаправки фундаментально утвердились в баре. Конечно, ошибка не исключалась — прикосновение человека в темных очках могло быть чистой случайностью, но лучше перестраховаться, для меня это всегда было законом.

Сменить одежду! — вот что следовало сделать немедленно.

Я мог это сделать в одном из магазинчиков, разбежавшихся по периметру зала, но я сказал себе — не торопись. И злился, разглядывая витрины с жареным миндалем, с апельсинами, с тряпьем и оптикой, злился, обходя парикмахерские и бары — в шумной толпе я никак не мог почувствовать себя одиноким.

Сидеть на привязи...

Меня переполняло холодное бешенство.

Когда-то Беллингер — писатель, которого я сам опекал, — сказал мне: ты считаешь себя некой величиной? Официально я числился его садовником. Даже в шкуре садовника я чувствовал себя некой величиной; теперь же я и думать не хотел, что меня могут водить два подонка.

Еще раз заглянув в нижний бар, я убедился, что мои опекуны никуда не торопятся. Они свое дело сделали, даже в настоящем муравейнике я от них не укроюсь. Я прошелся по бару, пусть видят — я никуда не исчез.

Больше из любопытства, чем с какой-то определенной целью, я заглянул в узкий коридорчик служебного отделения, — он заканчивался тупиком.

Лампы дневного света, плевательница в углу, единственная дверь без таблички...

Дверь вдруг открылась.

Темнокожий мужчина, флип, наверное, в

джинсах, в рабочей короткой курточке, поднял левой рукой очки, близоруко всмотрелся в меня:

— Вы кого-то ищете?

— Дженкинса, — пробормотал я.

— Кто это?

Я пожал плечами. Меня не интересовали ни мифический Дженкинс, ни сам очкарик. Я внимательно осмотрел его одежду:

— Вы тут один?

Он опустил очки на переносицу и нахмурился:

— Я тут всегда один, но вам придется уйти. Это служебное помещение.

— Конечно, — ответил я и коротко ударил ладонью по его беззащитному горлу.

Минут пять, а то и больше, этот человек проведет в забытьи. Когда он очнется, многое покажется ему удивительным. Его тряпки не стоили моего костюма, который я на него натянул, предварительно очистив карманы. А когда однажды, привлеченные сигналами "клопа", к нему явятся неизвестные, но непременно крепкие ребята, он удивится еще больше.

Я ему не завидовал.

3

Из первой же телефонной будки я позвонил доктору Хэссопу.

Я боялся, что не застаю его, но доктор Хэссоп отозвался сразу.

— Меня ведут, — сказал я, не тратя времени на объяснения. — Я меняю план.

— Ты хорошо все обдумал?

Еще бы! Я знал, что его волнует. Меняю план, я уходил и из его поля зрения, но меня это устраивало.

— К черту горы, — сказал я. — Океан успокаивает не хуже.

Это была привязка. Доктор Хэссоп все понял:

— Тебе будет полезен Пан.

— Конечно, — ответил я и повесил трубку.

Этим я обрекал себя на одиночество. Теперь никто не мог мне помочь. Впрочем, я и не принял бы ничьей помощи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пять дней я мотался по океанскому побережью, выясняя — не тянется ли за мной хвост?

Автобусы, попутные автомобили, однажды даже катер — я не брал машин в прокате, ночевал в полупустых кемпингах. Даже доктор Хэссоп вряд ли догадывался о направлении моих маршрутов.

Иногда я вспоминал Джека. Иногда всплы-

вал в памяти Лесли. "Господи, господа, господа, господа..." Я старался подавить воспоминания.

Осень подмела плоские пляжи. Сезон закончился. Наверное, я сам напоминал вялую и злую осеннюю муху, тем не менее, чувствовал себя чуть ли не свободным.

Поняв наконец, что чист, я весь долгий, показавшийся мне пасмурным, день добирался до безмянного мыса, ошеломившего меня крутизной обрывов и абсолютной пустотой домиков, принадлежавших некоему Пану. Доктор Хэссоп намекал, что Пан связан с шефом. Меня это устраивало. Я хотел отсидеться.

Океан накатывался на скалы, вымывая хитрые гроты; неумолчный грохот, писк чаек, шипение пены. У вас ведь найдется местечко для одинокого человека? — спросил я Пана, выкладывая на стойку удостоверение на имя Л. У. Смита, инспектора перевозок — документ, обнаруженный в курточке обиженного мною человека.

— Почему нет? — Пан ухмыльнулся.

Не думаю, что его предупреждали о моем возможном появлении, он не знал и не мог знать меня. Просто его удивило появление человека в таких пустынных местах. Сезон, собственно, закончен, сам честно предупредил он, много не накупаешься, но на берегу можно посидеть, солнечные дни еще будут. К тому же вы на этом сэкономите, объявил он, я не стану обдирать вас как обыкновенного летнего туриста.

— Конечно, — кивнул я. — Я турист осенний.

— Улавливаете разницу, — одобрил мои слова Пан. — Но если вы думаете здесь развлечься, считайте, вам не повезло. Эти края, они для философов. Милях в двадцати выше есть, правда, маленький городишко, но он вам не понравится. Не городишко, а одно сплошное отделение полиции нравов. А чуть ближе к нам, по южному берегу, разбили лагерь зеленые, ну, эти ребята из "Гринпис", не путать с ребятами другого цвета. Правда, и с ними рюмочку не опрокинешь — собирают дохлую рыбу и митингуют. Могут митинговать даже без посторонних, сами перед собой. — Он предполагает, это какой-то особый вид эксгибиционизма.

— Меня устраивает.

— Тогда деньги вперед.

Похоже, Пан не удивился моему выбору, хотя по глазам было видно, он надеялся — я уеду. У него были колючие голубые глаза — как две звездочки в пасмурном небе. С отъездом последнего своего постояльца он бросил бриться, совсем уже привык к этому, а тут новый человек!

Правда, назвать мизантропом я тоже его не мог. В конце концов, обсудив условия и еще

раз перебив косточки ребятам из "Гринпис", он сам предложил мне не чего-то там, а пузатый стаканчик вполне приличного джина.

2

Несколько дней я попросту отсыпался.

Спал я чаще всего в домике, повисшем над крутым обрывом. Тесно, иногда душновато, зато можно запереть дверь. И горячий душ в домике действовал.

Вниз, на крошечный пляж, вела узкая тропинка.

Раскинувшись на плоской базальтовой плите, хорошо прогретой солнцем, я часами мог глядеть на тропинку. Когда-то, миллионы лет назад, по таким тропинкам поднялись на сушу наши далекие предки.

Понятно, я не считал так буквально, это всего лишь образ, но все мы действительно вышли из океана. Не знаю, что там так повлияло на доисторических придурков, на мой взгляд, все они и сейчас могли наслаждаться глубинами. Нет, они зачем-то полезли на сушу, подобрали палку и камень, поднялись на задние конечности, бросились завоевывать новый мир. У них это, в общем, получилось. Сам я был не прочь вернуться обратно — во тьму океана, во тьму придонных теплых течений.

К черту!

Выбравшись на сушу, мы с большим энтузиазмом построили вторую природу, вполне враждебную той, первой, которую называют истинной. Не рев вулканов, а рев авиабомб, не потрясения животных свар, а смута бунтов и войн — кажется, уже ничто не связывает нас с прошлым, лишь океан, неумоимо накатываясь на береговые утесы, будит в нас тоску.

Беллингер сказал однажды: я никогда не знаю, что ляжет на следующую страницу, я просто слушаю вечность — она не молчалива.

Слова Беллингера впервые дошли до меня по-настоящему. В конце концов, я тоже слушаю вечность. Ее шепот, правда, не несет утешения.

Но сейчас я понимал Беллингера.

Не знаю, что случилось с героями романа, недочитанного мною. Немец и датчанин шли в Ангмагсалик, они не могли повернуть, датчанина, по крайней мере, ждала позади только смерть, но они повернули...

Значит ли это, что, слушая вечность, Беллингер тоже не находил утешения?

Небритый Пан, возможно, тоже думал о вечности, правда, в его представлении она выглядела несколько странно.

— Я из Трансильвании, — сказал он как-то. — Это в Европе, точнее, на ее задворках. Я даже не знаю, кто я по происхождению.

Слышали о смешении языков? Мне думается, это случилось там, где я родился. Но меня это мало интересует. А вас?

— Нисколько, — поддержал я его.

Моя профессия (профессия Л. У. Смита) тоже его не заинтересовала. Перевозки? Скучно. Перевозки это не путешествия. Он когда-то много путешествовал. Он и теперь готов мотаться по свету, но деньги... Кажется, их здорово не доставало Пану. Когда-то он прогуливался и по Лексингтон-авеню, и по Берри-бульвару, когда-то он не путал кабаков с Эймори-стрит с кабаками Коулфакс-авеню, но все это в прошлом.

"Господи, господа, господа, господа..."

Голос Джека звучал все глуше, я загонял свои воспоминания в самый дальний подвал подсознания; голос Пана помогал мне.

"Сделай мне больно..."

Я мучительно вытравливал из себя прошлое.

Никто мною не интересовался, никто мне не звонил — Пана это не удивляло. Он, наверное, привык к одиночкам — кто еще полезет в такую глушь? Днем пляж, сидение на ветру — бесцельное, исцеляющее; вечером бдение в баре — разве не этого я хотел? Разве я и Джек не жили всегда по своим законам?

Пан, кажется, руководствовался тем же.

Небритый, хмурый, склонный к выпивке, иногда он вдруг оставлял меня и отправлялся в городишко, похожий, по его словам, на одно большое отделение полиции нравов. Обратное он возвращался с продуктами, с местными новостями и связкой газет. Самое удивительное, он подолгу копался в этих газетах.

— Видели наши дороги? — спрашивал он, наполняя джином стаканчики. — Ветер, скалы, справа обрыв. Когда я проезжал тут впервые, — сказал он, чуть ли не хвастливо, — я даже подбадривать себя не мог. Глоток джина, он у меня в глотке застревал. Сам не знаю, чего так пугался.

— А теперь?

Пан ухмыльнулся:

— Теперь я себя подбадриваю.

3

Белые облака...

Они громоздились на горизонте, их несло к берегу, они вдруг таяли и вдруг возникали, вспухали над колеблющейся водой; меня убаюкивала их нескончаемость, их доисторическая белизна, ведь такими они были в эпоху ревуших вулканов, в эпоху голой земли, еще не тронутой плесенью вездесущей жизни; такими они проплывали над раскачивающимся "Мэйфлауэром", над ордами Аттилы, над антическими городами; такими они были в без-

днах времен, над хищниками, рвущими тела жертв в душной тьме джунглей.

Мне ли не знать?

"Господи, господа, господа, господа..."

Я, кажется, приходил в себя. Путаница в голове пока что не упростилась, но жалобы Пана я уже понимал.

— Я из тех, кто никогда не будет богатым, — жаловался Пан. — Того, что у меня есть, хватит на старость, но на большее рассчитывать нечего.

— Выглядите вы крепко.

Я не утешал его. Мне было наплевать, как он выглядит, но для своего возраста он действительно выглядел неплохо.

Пан скептически поджимал тонкие губы:

— Может, я и не выгляжу стариком, но в Индии мне уже не побывать. Будь у меня деньги, я бы вновь съездил в Индию.

— Почему именно туда?

— Не в Антарктиду же, — его голубые глазки посверкивали. Он был доволен, что я его слушаю. — Я там не бывал. Но я плавал на Оркней.

— Что-то роде кругосветного путешествия?

— Не совсем. Сам не пойму, что меня гоняло по свету. Но если мне нравилось место, я пытался его обжить. Я не квакер и не болтун, у меня свой взгляд на мир.

Я кивал.

Мне было все равно, о чем он говорит. Меня устраивал фон — фон живой человеческой речи. Не так впечатляет, как океан, но, в общем, греет.

— Почему в Индию? — вспоминал он мой вопрос. И хмурился: — Страдание очищает. Вид чужих страданий очищает еще лучше. Я до сих пор рад, что я не индус. Хорошо чувствовать свои мышцы, ступать по земле, знать, что завтра ты можешь поменять край, если он тебе разонравился. А индус рождается на мостовой и на мостовой умирает.

— И никаких других вариантов?

— Наверное, есть, но они исключение.

Он повторил:

— До сих пор рад, что я не индус. Ради этого стоило съездить в Индию, правда?

Я кивал.

— Страдание очищает. Страдание определяет кругозор. Человек, видевший Индию, мыслит не совсем так, как человек, никогда не покидавший какой-нибудь городишко вроде нашего.

— Наверное.

Взгляд Пана остановился на газетах, беспорядочно разбросанных по стойке бара.

— Есть люди, не бывавшие в Индии. Это не криминал, — он покосился на меня, — но кругозор таких людей сужен. И таких людей, к сожалению, большинство. Они не знают,

что с чем сравнивать, а потому они не умеют ценить жизнь.

— Вы так думаете? Только поэтому?

Пан усмехнулся.

Его голубые глаза выражали некоторую усталость, знак того, что он почти накачался:

— Каждый день мы читаем о самоубийствах. А аварии на дорогах? А рост преступности? Разве станет человек, умеющий ценить жизнь, мчаться на красный свет или стрелять на глазах у приятелей?

— Бывает и такое?

— Еще бы! — Он вновь наполнил стаканчики. Он, пожалуй, не отдавал отчета, сколь справедливы его слова. — Вместо того, чтобы ехать в Индию, отправляются к праотцам. Только что о таком придурке писали в газетах. Собрал людей на пресс-конференцию, а сам пустил себе пулю в лоб.

Пан колечу усталился на меня:

— Почему он так сделал?

— Наверное, не бывал в Индии.

— Верно! — Пан обрадовался. — Вы умеете отследить мысль. А смешнее всего то, что придурок, путивший пулю в лоб, запросто мог смотаться в Индию, средств у него хватало.

— Боялся?

— Не знаю, — неодобрительно отозвался Пан. — Этот тип вообще числился в чокну-

тых. Десять лет просидел где-то на задворках, а в банке, естественно, рос процент. Книги у него выходили, а он прятался даже от журналистов. Я сам читал его книги. — Пан обиженно взглянул на меня. — Скучно не было.

— Десять лет? Что значит — на задворках?

— На задворках — это и есть на задворках. Вилла где-то в лесном краю. Никого к себе не пускал. Придурок!

— Простите, Пан, о ком вы?

— Дерлингер... Или Барлингер... Нет, кажется, не так. — Он подтянул к себе одну из газет. — Точно, не так. Но здесь даже фотография есть. Беллингер. Так правильно.

"Господи, господа, господа, господа..."

Я не думал, что все это так близко.

Мерзкий холодок пробежал по плечам, я опустил глаза. Не хотел, чтобы Пан увидел их выражение. Но, скептически обзрев фотографию, Пан вынес окончательный приговор:

— Придурок. По глазам видно. Такие не ездят в Индию.

Зато он бывал в Гренландии, подумал я. Наверное, это не проще.

И сказал:

— Я слышал о Беллингере. Он писатель. Чуть не получил Нобелевскую премию... Там, в газете, нет никакой ошибки?

— Беллингер, Беллингер... Он! — удовлет-

воренно подтвердил Пан. — Можете убедиться.

И подтолкнул ко мне газету.

Стараясь не торопиться, я развернул ее.

Пан не ошибся: имя Беллингера действительно попало на первую полосу.

Думаю, кроме скуки, Пан ничего на моем лице не прочел, но я скуки не чувствовал.

В газету попало еще одно знакомое имя: доктор Хэссоп. Он проходил как свидетель, а одновременно как старый приятель Беллингера.

Просмотрев пару колонок, я узнал, что весь роковой для писателя день доктор Хэссоп провел в компании с Беллингером и его новым литературным агентом. Не знаю, собирался ли сам доктор Хэссоп принимать участие в объявленной Беллингером пресс-конференции, зато я знал — весь год после событий на вилле "Герб города Сол" доктор Хэссоп тщательно пас старика. Он сумел что-то вытянуть из него? Что-то важное, связанное с алхимиками? Одиннадцать лет молчания, и вдруг — пресс-конференция! О чем собирался старик поведать миру?

Весь роковой для себя день, проведенный в стенах отеля "Уолдорф-Астория", Беллингер ни на минуту не оставался один. Пресс-конференция была назначена на вечер, но уже с утра журналисты толклись в отеле. Великий отшельник собирался нарушить обет молчания, это не могло не привлечь. Правда, доктор Хэссоп и литературный агент Беллингера никого к старику не подпускали.

О чем Беллингер хотел сообщить прессе? Они не знают, Беллингер сообщениями на этот счет с ними не делился. Как Беллингер чувствовал себя? Превосходно, он даже с утра позволил себе глоток виски. Он пил? Скорее, его можно отнести к умеренным трезвенникам. Он был подвержен депрессиям? Ноу коммент. Он выглядел как человек, принявший важное решение? Несомненно.

Доктор Хэссоп и литературный агент Беллингера на любой вопрос отвечали в высшей степени аккуратно.

Беллингер готовил к изданию какие-то новые вещи? Он что-нибудь написал за годы затворничества? Возможно. У Беллингера были любовницы? Беллингер отличался высокой нравственностью. А его известные литературные скандалы? О, это в прошлом. А его предполагаемые симпатии к крайне левым движениям? Домыслы. Скорее всего, домыслы.

Доктор Хэссоп и литературный агент Беллингера отбили все предварительные атаки журналистов. Но сама пресс-конференция не состоялась.

За пятнадцать минут до ее начала в номере Беллингера раздался телефонный звонок. Старик сам снял трубку, но разговор не продлил-

ся долго. Если быть точным, разговора в общем-то и не было. Беллингер выслушал неизвестного, ни слова не сказав в ответ. Потом он аккуратно опустил трубку на рычаг, подошел к письменному столу, выдвинул нижний ящик и что-то из него достал. Ни доктор Хэссоп, ни литературный агент не придали этому никакого значения. Но затем прогремел выстрел.

Беллингер застрелился из старого "вальтера". Разрешение на хранение оружия у него имелось.

Что это был за звонок? Беллингер часто разговаривал по телефону? Он ожидал звонка? Он прятался от кого-то? Ему грозила опасность?

Никто на эти вопросы пока не ответил.

4

"Господи, господи, господи, господи..."

Я спас Джека Берримена на острове Лэн, а Джек вытащил меня из бэрдоксской истории; мы не раз рисковали, мы прошли с ним через многое, но всегда вместе! А вот Беллингер, насколько я мог судить, ни на кого не мог опереться.

Что надо услышать по телефону, чтобы, повесив трубку, не раздумывая пройти к столу, вытащить из ящика пистолет и пустить пулю в лоб, не обращая внимания на людей, которые, может быть, могли оберечь его от опасности?

Могли?

К черту!

Я ничем не хотел забивать голову. Я даже газеты не стал просматривать. Я устал от вранья, я сам не раз прикладывал к вранью руку. Я чувствовал, вокруг Беллингера развернется океан вранья, чем дальше, тем его больше будет. Я даже с Паном не встречался два дня — валялся на пляже, благо, вновь появилось Солнце; а вечером сразу ускользал в свой домик.

Потом резко похолодало.

— Вам надо что-то купить, — заметил мне Пан, когда я все-таки у него появился. — Плащ. Или пальто. Что вы предпочитаете?

— Мне все равно.

Он подмигнул:

— Могу дать машину.

— Машину?

Рано или поздно я должен был связаться с доктором Хэссопом. Почему не сейчас?

— Ну, ну, — поощрил меня Пан, потирая рукой длинный небритый подбородок. — Вам тоже надо развлечься. Только я предупреждал — дороги неважные. Составить компанию?

— Не стоит.

— Я вижу, вы не из трусливых.

Он растянул тонкие губы в глупой улыбке,

и я вдруг увидел — он не просто пьян, он по-настоящему пьян. И это с утра? Если он свалится вместе с машиной с обрыва, здесь отбоя не будет от полицейских и журналистов.

— Давайте ключи, — сказал я. — Пожалуй, лучше поехать мне, чем вам. Поменяем ролями: я отправляюсь за припасами, а вы на пляж.

— На пляж? — Эта мысль его развеселила. — Почему нет? Почему не поваляться на камешках, пока они не остыли?

И пожаловался:

— Я даже пугаться стал с опозданием. С чего бы это? Поворот за спиной, а меня морозом прихватывает.

— Это джин, — сказал я. — Это реакция на большие порции джина. — И спросил: — Что вам привезти?

— Газеты, прежде всего газеты, — перечислил он. — Что попадет под руку, то и берите. Ну, и кое-что от зеленщика. Он знает, что мне надо. Сошлитесь на меня. Идет?

Я кивнул.

Я чувствовал: заляжет Пан не на камешках, а где-нибудь здесь, в баре, хотя бы вот в том кресле, с бутылкой джина в руках. Дай бог, если к моему возвращению в бутылке останется хотя бы на донышке.

Но насчет дороги Пан несколько не преувеличивал.

Некоторые повороты оказались даже опаснее, чем я думал. Тут мало кто ездил. Я едва успевал проскакать над обрывами, подернутыми голубой океанской дымкой, а пару раз царапнул бортом о нависающие над дорожной скалы.

Глухо. Пусто. Ничто не радовало взгляд.

И городок оказался под стать дороге — унылый и пыльный. Аптеки и бары почти пусты, в магазинах ни души, я и зеленщика разыскал с трудом. Тоска провинции запорошила и глаза единственного увиденного мною полицейского. Он кивнул мне, как знакомому, но к машине не подошел. Может, прилип к стене питейного заведения, на которую опирался. Не знаю.

Впрочем, все это вполне устраивало меня. И у первой телефонной будки я остановил машину.

— Наконец-то, — сказал доктор Хэссоп, удостоверившись, что голос в трубке принадлежит мне. — Я ждал звонка.

— Я не хотел звонить раньше.

— Понимаю.

Я не стал тянуть время:

— Я видел газеты.

Он сразу понял, что речь идет о Беллинжере, но ничего не сказал.

— Это они? — спросил я.

— Думаю — да.

— Вы планируете продолжение?

— Его не надо планировать, оно последует само по себе.

— Что это значит?

Он сделал вид, что не расслышал меня:

— Как ты?

— Гораздо лучше.

— Перед отъездом ты выглядел неважно.

— Я отдохнул.

— Это хорошо. Скоро ты нам понадобишься.

— Как скоро?

— Ты поймешь сам.

— Вы дадите мне знать?

— Ты поймешь сам, — повторил он. Видимо, техники Консультации, записывающие разговор, уже растолковали, из какого города я звоню, потому что он не стал спрашивать адрес. Он спросил: — На какое имя тебе писать?

— Писать? — удивился я. Кажется, за свою жизнь я ни с кем не состоял в переписке.

— Вот именно, — ровным голосом подтвердил доктор Хэссоп. — Через пару дней загляни на почту. Не теряй время. Имя?

— Л. У. Смит.

— Я так и знал, — удовлетворенно заметил доктор Хэссоп и положил трубку.

5

Через два дня я вновь побывал в городке.

Населения в нем не прибавилось. Он был полон скуки, даже тоски, подчеркиваемой резким ветром и писком чаек. А может, это я был полон тоски. Не знаю.

Пустые магазины, полупустые бары; церковь тоже была пуста. Редкие автомобили на пыльных улицах казались купленными по дешевке и скопом; я, например, увидел форд тридцатых годов, нечто вроде самодвижущейся платформы. Впрочем, он действительно двигался.

— Одну минуту.

Я кивнул.

Девушка встала из-за почтовой стойки и толкнула служебную дверь. Почта до востребования лежала перед ней в специальной коробке, но девушка встала и прошла в служебную дверь. Мне это не понравилось. Грузный старик, молча заполнявший за столиком бланк телеграммы, поднял мутные глаза и уставился на меня. Мне и это не понравилось. Мне захотелось уйти.

— Л. У. Смит?

— Конечно.

Девушка, так же, как и все вокруг, присыпанная пылью невидимой, но остро ощущаемой скуки, протянула мне конверт. На ощупь

в нем ничего не было, и это мне тоже не понравилось.

Я не хотел вскрывать конверт на почте, мне хотелось поскорее убраться из городка, а в дороге мне было попросту не до конверта.

Алхимики...

Проскакывая опасные повороты, я кое-что вспомнил.

Алхимики всегда были слабостью доктора Хэссопа, он не раз пытался к ним подобраться. Иногда это у него почти получалось, но к результатам, как правило, не вело. А Беллингер... Чем, черт возьми, мог привлечь внимание алхимиков Беллингер?

На вилле "Герб города Сол" старик никогда не подходил к телефону. Он не пользовался ни радио, ни телевизором.

Случайность?

Я мог лишь гадать.

Алхимики...

Еще задолго до истории с Беллингером, задолго до истории с Шеббсом и коричневыми братцами доктор Хэссоп развивал мысль о некоем тайном союзе, оберегающем нас от собственных глупостей.

Оберегающем?

А Сол Бертъе? А Голо Хан? А Месснер? Скирли Дайсон? Беллингер?..

Я был полон сомнений. Что-то мешало мне, что-то подсказывало: мыс, где я укрываюсь, перестает быть надежным убежищем. Особенно после моих звонков и этого конверта...

И Пан меня удивил.

Он встретил меня на пороге, и я сразу увидел — он хорошо навеселе. Я даже отделаться от него не смог. Я так много для него сделал, объяснил Пан, что он хочет выпить со мной. Ведь уже вечер, значит, никто не поспуется принципами. Он, конечно, сам мог съездить за припасами, но ему хотелось, чтобы я получил удовольствие. Ему больно смотреть на мое одиночество. Он за то, чтобы время от времени я развлекался. Городишко у нас, конечно, занудный, сказал он, и женщины в нем занудные, но вдруг я люблю именно такой тип?.. Пан заговорщически мне подмигнул. Сам-то я, подмигнул он, крепко держусь, но иногда и на меня накапывает. Чем больше джина, тем хуже, сказал он, а не пить нельзя — по той же причине. Или наоборот, — Пан совсем запутался. Зато с утра сегодня ему повезло. Он проводил меня, а тут подкатили двое. Вполне разумные ребята. Сами ни капли, а вот его, Пана, угостили от души.

Он никак не мог уняться:

— Видели когда-нибудь мексиканских тараканов? Как хороший карандаш, а когда смотрят на тебя, чувствуешь — они смотрят именно на тебя. И вид у них при этом такой, будто они имеют прямое отношение ко всей

местной контрабанде. Я их видел, знаю. Будь они еще покрупней, они бы и дорогу перестали нам уступать.

— Мы же не ходим по стенам, — укорил я Пана.

— Плевать! — отозвался Пан и сам меня укорил: — Вот вы любите посидеть у стойки, а они любят поглазеть на вас. Думаете, это спорта?

Я вывернулся:

— Можно же их вывести каким-то способом. В чем тут проблема?

— Вывести?! — Колючие голубые глаза Пана налились чуть ли не страхом. — Никогда так не говорите! Вы только собираетесь ко-го-то там вывести, а вас уже повели.

— О чем это вы? — спросил я грубовато.

Пан хихикнул, но и это получилось у него не очень весело:

— Я все о них же. О мексиканских тараканах. С мексиканскими тараканами нормальный человек более трех суток прожить вместе не может.

— Преувеличиваете!

— Нисколько.

Он здорово без меня поддал. Те двое, что тут проезжали, оказались щедрыми ребятами. "Сами ни капли..." Интересно бы взглянуть на этих ребят.

— Я точно знаю. Ни один нормальный человек рядом с мексиканскими тараканами не проживет более трех суток. Ну, может, вы... Или я... — Пан заговорщически подмигнул. — Мы-то с вами, я же вижу, не из тех, кто шуршит книгами. Терпеть этого не могу, когда у человека глаза умные, а руки ничего не умеют делать... Для мексиканских тараканов, — вернулся он к любимой теме, — такое вообще ужасно... Как, скажем, запретная любовь для полиции нравов...

Не знаю, понимал ли он то, что говорил.

— Эти ребята... — подразумевал он, видимо, мексиканских тараканов, — они терпеть не могут книг... При них лучше не шуршать страницами и не надевать очки...

— Вы мрачновато сегодня настроены, Пан.

— А края здесь веселые? — Он вдруг сразу протрезвел, даже взгляд у него стал осмысленным. — Еще выпьете?

— Хорошо. Последнюю.

— А что касается мексиканских тараканов... — Голубые глаза Пана вновь заволочло пьяным туманом. — Ну, тут я прав... Лучше жить рядом с гризли, чем с ними...

— Как-нибудь проверю.

— Вы? Проверите? — испугался Пан. — Готовы отправиться в холодильник Сьюорда?

— Да нет... — Я поднялся. — На Аляску я не хочу, но проверить можно другим способом.

Пан пьяно уставился на меня, но объяснять я ничего не стал.

6

Я принял душ, потом выкурил сигарету. Далеко внизу под окнами шумел океан.

В конверте, присланном доктором Хэссопом, оказалась тонкая бумажка. Ксерокопия какого-то списка, явно выхваченного прямо из огня — края переснятой бумажки обуглились; сам список был отпечатан столбиком.

Штайгер.

Левин.

Кергсгоф.

Лаути.

Беллингер.

Крейг.

Смит.

Фарли.

Фоули.

Ван Питт.

Миллер.

Я просмотрел список внимательно и несколько раз.

Не буду утверждать, что фамилия Миллер относится к редким, но ее присутствие в одном списке с погибшим Беллингером мне не понравилось. Кто эти люди? Почему они сведены вместе в одном списке? Почему доктор Хэссоп нашел нужным ознакомить меня со списком?

Я прошелся по комнатке.

О чем это болтал Пан? Почему тараканы? И почему мексиканские? "Вы только собираетесь кого-то там вывести, а вас уже повели..." С кем пил Пан утром? Почему конверт на имя Л. У. Смита лежал не в общей коробке?

От привычных вещей на меня вдруг пахнуло неуютом

Доктор Хэссоп сказал: я сам пойму, когда мне надо будет вернуться.

Этот момент наступил?

Я пока ни разу не звонил из своего убежища, вчера сама мысль об этом показалась бы мне нелепой, но сегодня, пожалуй, я мог себе кое-что позволить.

Набросив на плечи курточку Л. У. Смита, я прошел мимо пустых домиков к бару — позвонить можно только оттуда. Завтра я уеду. Прямо утром. Если мой звонок засекут, это уже не будет иметь значения. Главное — не нарваться на Пана. Я надеялся, он спит, и, к счастью, не ошибся.

Утром уеду, решил я.

А сейчас..?

Где телефон?

Включив боковой свет, я нашел телефон на дальнем конце стойки. Пододвинул его к себе и задумался.

Позвонить Джой? Услышать голос, повесить трубку?

Глупо. Она давно сменила квартиру...

Позвонить шефу?

Зачем? Я скоро его увижу.

Я набрал номер доктора Хэссопа.

Гудки... Долге гудки...

Ничего нет тоскливее долгих гудков в ночи, даже если они доносятся из телефона.

Я дождался ответа, убедился, что голос принадлежит именно Хэссопу, и сказал:

— Я изучил список.

— Он тебя удивил?

— Не знаю.

— Там есть знакомые имена...

— Еще бы! Парочку я узнал. Не так уж много, но наводит на размышления. Где нашли бумажку?

— В сгоревшем джипе на мосту Вашингтона. Джип не наш. Трупов нет, владельца машины, правда, тоже пока не нашли. Листок, о котором ты говоришь, мы купили.

Он не стал объяснять — у кого. У шефа широкие связи.

— Что означает список?

— Ты следишь за прессой?

— Практически нет.

— Напрасно. Найди возможность, перелистай газеты за последние три месяца.

— Встречу в них знакомые имена?

— Пять из одиннадцати.

— Пять?

Цифра меня потрясла.

Из короткого объяснения доктора Хэссопа следовало — все они повторили судьбу Беллингера.

Передо мной лежала не просто бумажка. Это был список самоубийц. Из одиннадцати человек, указанных в нем, пятеро уже распрощались с жизнью.

— Штайгер из эмигрантов. Восточная Германия, психиатр. Левин — биолог. Закрытая лаборатория в Берри. Кергсгоф — военный инженер. Немец. Как ты понимаешь, не по гражданству. Лаути — физик. Да, физик, — почему-то повторил доктор Хэссоп. — Пятого ты знаешь.

— Что с ними приключилось?

— То же, что с пятым номером.

— Причины.

— Неясны.

Я помедлил, но все же спросил:

— Они?

— Я уже говорил тебе.

— А пятый номер? — Естественно, я имел в виду Беллингера. — Вы успели с ним поговорить?

— Ничего, стоящего внимания. Старик обо всем хотел рассказать сам. Это у него не получилось.

— Людей в списке связывает что-нибудь общее?

— Неясно.

— Они залезли куда-то не туда? Не там копнули? Слишком глубоко?

— У нас есть только предположения.

— Хорошо, — сказал я. — Перейдем к последнему номеру, — я имел в виду имя Миллера. — Это совпадение?

— Боюсь, нет.

— Хорошо, — повторил я. — Завтра утром я выезжаю.

Доктор Хэссоп хмыкнул:

— Почему не сейчас?

И повесил трубку.

В баре стояла гнетущая тишина.

Что-то в голосе доктора Хэссоба мне не нравилось. Он был, как всегда, ровен, как всегда, спокоен, и все же...

Я вдруг понял: я не почувствовал в нем сочувствия; прежде доктор Хэссоб сочувствия не скрывал.

Ладно. Это только предположения. Следует ли уезжать прямо сейчас? Ночная дорога...

Голос, прозвучавший за спиной, заставил меня вздрогнуть:

— Положи руки на стойку. Вот так. У тебя есть оружие?

Голос принадлежал не Пану.

Не оборачиваясь, я ответил:

— Нет.

Чьи-то ловкие руки быстро обшарили меня.

— Правильно ведешь себя, Миллер, — одобрил мое поведение тот же голос. — Видишь, какой калибр?

Чуть повернув голову, скосив глаза, я увидел — калибр хороший. Еще я увидел седую шевелюру, из-под которой поблескивали холодные глаза. Ну да, тип знаком: мало лба, много подбородка. Я не стал спорить:

— Калибр убеждает.

— И я так думаю. И запомни. Мы не грабители, но и не пастыри. Спросят — отвечай, самому болтать не надо, это отвлекает. А чтобы тебя не потянуло на глупости, обернись.

Не снимая рук со стойки, я медленно обернулся.

У входа в бар, нацелив на меня пистолет, устроился верхом на стуле еще один, судя по рябой морде — ирландец. Я всегда считал, что ирландцы рыжие, но этот был пегий, не успел еще поседеть, как его напарник. По злым голубым глазам было видно: спуск он нажмет при первом моем движении.

— Ты ведь Миллер? — переспросил седой.

— Я — Л. У. Смит.

— Ну, это одно и то же. У меня у самого есть резервные имена. — Седой ухмыльнулся. — Слушай меня внимательно, повторять ничего не буду. Нас попросили доставить тебя в

одно местечко. Не знаю, хорошее оно или плохое, сам увидишь; наше дело доставить тебя туда. Будет жаль, если придется застрелить по дороге, за труп нам заплатят меньше. Но если ты будешь дергаться, мы тебя застрелим. Без всяких колебаний. Понял?

Он перевел дух.

— Сейчас ты встанешь и пройдешь с нами в машину. Чемоданов у тебя, по-моему, нет, к тому же ты сам собирался сматываться. Не забудь, кстати, оставить записку Пану и оплаты телефонные переговоры. Не надо, чтобы Пан начал ломать голову над твоим исчезновением.

— Это вы его подпоили?

— А что такое? — насторожился седой.

— Он тут нес чепуху про мексиканских тараканов.

— Отоспится. Для него это не впервые.

— Что значит не впервые?

— Заткнись! — пресек мои расспросы седой.

И бросил на стойку блокнот и карандаш Пана:

— Займись делом. Нам некогда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Меня тщательно обыскали.

Удостоверение на имя Л. У. Смита их рассмешило. Хорошая липа, тем не менее липа, правда, Миллер? Им в голову не приходило, что удостоверение может быть не поддельным; несхожесть фотографий лишь подтверждала в их глазах незаконное происхождение документа. Ты, наверное, забыл, когда в последний раз пользовался настоящими документами! Или у тебя их вообще нет?

Из реплик, которыми они обменивались, нельзя было понять, кто они, на кого работают. Довольно-таки тесными наручниками, не рассчитанными на мои руки, они приковали меня к заднему сиденью открытого джипа; выглядело это несколько театрально, но скоро запястье распухло, его начало жечь. И с Паном остались неясности. Он навел их на меня?

Ладно. Разберемся.

Я анализировал каждое их слово.

Команда Лесли? Вряд ли. Его ребята начали бы с вопросов о пропавшем шефе... Санитарная инспекция Итаки? Я так не думал. Они не работают вне своего региона... Фирма "Счет", бэрдоккские умники, полиция с острова Лэн?..

Не похоже.

А алхимики?

Я покачал головой.

Поведение ирландцев не вязалось с пред-

ставлением о невероятной мощи пославших их людей. Конечно, они наняты, они всего лишь наемники, но...

А может, действительно существует некая связь между списком самоубийц и моим похищением?

Тут, правда, чувствовалась одна неясность. Для меня, впрочем, существенная. Меня, скажем, можно затолкать в тюрьму, можно застрелить на горной дороге, можно придумать еще какую-нибудь пакость, но я не представлял, каким образом меня можно подтолкнуть к самоубийству. Беллингер слушал вечность и тосковал, он, несомненно, был человеком ранимым; я к вечности относился проще.

Алхимики.

Доктор Хэссон не раз утверждал, что алхимики могут манипулировать с материей и с духом совсем иначе, чем физики, химики или психологи. Он утверждал, что артистичность алхимиков влияет на результат их манипуляций. В принципе, конечный продукт всегда зависит от общего отношения к делу, но, черт побери, я не мог понять, чем, собственно, именно я привлек внимание столь могущественного союза?

Беллингер, Голо Хан, Месснер, Левин, Лаутри... За этими людьми стояло нечто конкретное — они создавали, они изучали, строили, открывали, они писали книги и проповедовали, они, каждый по-своему, воздействовали на историю. А я?..

Расслабься, Миллер, сказал я себе. Отвлекись, не думай об этом. Слишком мало информации для серьезных размышлений. Ну, взяли тебя, разве с тобой никогда такого не случалось? Ну, все дерьмово, руку жжет, дергает, но это лучше, чем лежать в багажнике или валяться в канаве с продырявленным черепом. Отвлекись от алхимиков. Отнесись к происходящему, как к чему-то вполне обычному, даже неизбежному. Солнце всходит и заходит, нравится тебе это или нет, что ты с этим поделаешь? Рано или поздно приходится отрабатывать надбавку за риск.

Но спокойствие вернуть я не мог.

Всегда так.

Утром выходишь из дому, садишься за руль, посылаешь поцелуй семье — мир крепок, устойчив, ты рассчитываешь к обеду иметь новый автомобиль, присмотреть кусок хорошей земли, заглянуть к любовнице, пропустить стаканчик в баре со старым приятелем — прекрасный, устойчивый, на много лет вперед просчитанный мир; другое дело, что в трех милях от дома ты подрываешься на подброшенной мине, а если нет, через полчаса тебя убивают в потасовке, возникшей вовсе не случайно, а если нет...

И так далее.

Трудно корректировать судьбу. Еще труднее ее предугадывать.

Ладно.

Одно я знал: меня можно загнать в тюрьму, меня можно убить, но я не видел способов подтолкнуть меня к самоубийству...

А ирландцы не стеснялись, похоже, им было о чем поговорить.

Понятно, я только считал их ирландцами.

"Помнишь этого Коудли? — спросил седой. — Ну, рыжий, кожа у него была белая. Как бумага. — Он поправил себя: — Как хорошая бумага. Его потом пристрелили из охотничьего ружья".

"Как это?" — удивился пегий.

"Ну, как. Известно. Приставили ствол к груди и выстрелили. Какие могут быть другие способы?"

"Способы зависят от человека".

"Конечно. Но простой способ это простой способ".

Выдав эту сентенцию, седой ухмыльнулся:

"Зажги мне сигарету. И Миллеру можешь зажечь. Будешь курить, Миллер? — Он явно был доволен тем, как развиваются события. — Что притих? Дорога не нравится?"

"Смотри вперед".

"Я-то смотрю, — крутые повороты его не пугали. — Если местечко, куда мы тебя везем, покажется тебе гнусным, не расстраивайся. Как ни гнусны местечки, куда мы иногда попадаем, всегда можно отыскать местечко еще гнуснее. — Он ухмыльнулся. — Ты можешь даже поспать, это нам нельзя... Прикроешь глаза, и вот..."

Он не стал объяснять значение этого "вот", и без того было ясно.

Я улыбнулся.

В одном седой был прав: спать им нельзя. И раз уж они везут меня куда-то, значит, должны довести живым. Какой смысл расстреливать промышленного шпиона? Забавно было бы взглянуть на тех, кто решился бы расстрелять ту прекрасную принцессу, что много лет назад вывезла из Китая в шикарной шляпке, украшенной живыми цветами, личинки тутового шелкопряда; или на тех, кто решился бы пристрелить французского иезуита, что, тоже немало лет назад, воспользовавшись счастливым случаем, проник в закрытый город Цзиньдэчжень и выкрал из императорской мануфактуры каолин, позволивший раскрыть тайну китайского фарфора.

Был такой поэт-менестрель, а одновременно знаток литейного дела, некто Фоли — со скрипочкой в руках он обошел всю Европу. Истинной цели его бродяжничества не знал никто. Те, кто знает секрет, обычно помалкивают о нем; болтают те, кто никаких секретов не знает. Фоли интересовало производство высококачественной стали. Смешно было бы

убивать Фоли, он был нужен промышленникам живым.

Эксперимент, если он четко описан, всегда можно повторить, для этого достаточно укоротить описание. Знаменитый Никола Тесла утверждал, что может разговаривать с голубями и даже получает вести от марсиан — все это загадочные вещи; но его конкурентов интересовала не связь с марсианами и не переговоры с голубями, их интересовал электродвигатель переменного тока, изобретенный Теслой...

Но почему в список самоубийц попал я?

Странный список.

Однажды доктор Хэссоп построил некую цепочку имен — правда, люди в том списке отличались серьезностью. Например, Сол Бертье. Беллингер считал его порядочной скотиной, но для мира он был и остался самым, может быть, мрачным и оригинальным философом XX века; он прыгнул за борт собственной яхты...

Кто там был еще в списке доктора Хэссоба?

Мат Курлен — лингвист. Он пытался разработать всеобщий универсальный язык; специалист по жаргонам. Это могло кому-то помешать? Это угрожало будущему?.. Голо Хан — физик. С ним проще. Он мог продавать секреты третьему миру... Затем Сауд Сауд; какие-то политические скандалы. Памела Фитц — журналистка...Еще несколько человек — серьезные, серьезные люди... Но что их объединяло? Кроме смерти, конечно?

Их убили.

Немного для того, чтобы строить какие-то схемы.

А нереальность, некая смазанность сегодняшней ситуации подчеркивалась тем, что я понимал — мое имя выпирало из списка, переданного мне доктором Хэссопом. В отличие от жертв, независимо от способа их ухода, я ничего не производил, я не имел прямого отношения ни к науке, ни к искусству, я всего лишь перераспределял уже кем-то найденное...

"Все дерьмо!" — заметил седой, всматриваясь в опасные повороты.

Он будто подслушал меня, так удачно легли его слова на мои размышления.

Я снова прислушался к болтовне ирландцев. Седому посчастливилось недавно побывать в Южной Дакоте. Бюсты президентов, высеченные прямо в скалах, его потрясли, он был человеком впечатлительным. Но больше всего его потрясло неравенство — отнюдь не каждый президент попал в эту необычную галерею. Вот я и говорю, выругался седой, все — дерьмо!

И оглянулся, злобно вдруг ухмыльнувшись:

— Пальчики у тебя тонкие.

— Не нравятся? — спросил я.

— Такие отрубить, человек здорово меняется. Все изящество пропадает. Я точно знаю.

— Это ты мне говоришь?

Он снова обернулся.

— Это я о тебе говорю.

— Следи за дорогой. Не злись. За твои пальчики никто и цента не даст.

Пегий хихикнул.

Они знали: я прав, за них никто не заплатит.

Еще они знали: машина в любой момент может сорваться с обрыва, тогда вообще плакала их премия. Были, видимо, у них и другие причины сдерживаться.

Но молчать они не хотели, отгоняли словами усталость, сон.

Ладно. Плевать я на них хотел. Меня интересовал список доктора Хэссоба.

Однажды, довольно давно, сразу после бэрдокского дела, я неожиданно легко раздобыл некие бумаги, позволявшие потрясти пару нефтяных компаний, не всегда ладивших с законом. Хорошо, я успел показать бумаги Берримену. Джек сказал: "Вытри ими задницу. Потому ты и раздобыл их легко, что они ничего не стоят". Я возмутился. Бумаги казались надежными. Джек объяснил: "Будешь последним дураком, если вставишь в это дело Консультацию. У меня нюх на фальшивки. Не обольщайся. Это фальшивка. Настоящие бумаги достаются с кровью. Большинство секретных бумаг вообще фальшивка".

А если фальшивка весь этот список?

Пятеро из одиннадцати! — напомнил я себе.

Алхимики.

Любой человек, ищущий смысл существования, в некотором смысле — алхимик. Так, кажется, говорил доктор Хэссоп.

Я усмехнулся.

Если ирландцы, похитившие меня, имеют какое-то отношение к алхимикам, мне пока не удалось это подметить.

Ночь...

2

Смутным утром, с очередного поворота опасной, совсем уже запущенной дороги, я увидел внизу глухую круглую бухточку, охваченную кольцом черных отвесных скал, а с океана прикрытую полоской рифов. Даже издали была видна пена над камнями.

Тянуло туманом, сыростью. Сквозь туман просвечивала, подмигивала одинокая лампочка. Возможно, это и было то гнусное местечко, о котором толковали ирландцы.

Когда машина остановилась, огонек внизу погас.

С океана бухточку не засечешь, подумал я.

И с суши попасть сюда нелегко, никто в такую глушь не полезет. Если бы не огонек, я бы взглянул и тут же выбросил бухточку из памяти.

И еще я подумал: шеф долго будет ждать моего возвращения. Что-то подсказывало мне: выбраться отсюда будет не просто.

Ладно.

Будем считать, мне продлили отпуск. Алхимики или шеф, сейчас это не имело значения. Главное, разобраться — где я и почему я здесь?

Я взглянул на замолчавших ирландцев, внимательно к чему-то прислушивающихся, и подумал: разобраться в этом тоже будет не просто...

Ночь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Глухо, как в Оркнейских холмах.

Сырая ватная тишина.

Потом из-за камней послышались шаги. Они приближались. Кто-то легко поднимался по крутой тропке.

Ирландцы не проронили ни слова.

Потом из-за развала камней, из какой-то затененной расщелины появился киклоп.

Это не кличка, не имя, я просто не нашел другого определения. "Я даже пугаться стал с опозданием, — припомнились мне слова Пана. — Поворот за спиной, а меня как кипятком обжигает".

Меня тоже обожгло.

И тоже с легким запозданием.

В киклопе действительно проступало что-то бычье — в поступи, в наклоне мощной, очень коротко стриженной головы, в развороте плеч, обтянутых клеенчатой курткой; правда, глаз у него был один, но разве киклопам положено больше? Руки и ноги ходили, как шатуны, — он зачаровывал. Даже плоское лицо (плоскостопое, определил я) ничуть его не портило; единственный живой глаз (второй был закрыт парализованным веком) светился умом. И неподдельным интересом.

— Привет, Эл, — прогудел киклоп ровно и мощно. И приказал: — Снимите с него наручники.

Я, наконец, вылез из машины. Минутная оторопь прошла. Массируя опухшую руку, заметил:

— Я Эл только для приятелей.

— Ничего, мы подружимся, — заверил меня киклоп и повернулся к седому: — Подождите десять минут. Если Эл будет упрямитесь, если он не пойдет за мной и вернется на дорогу, пристрелите его.

Ирландцы кивнули.

— Он здоровый парень, — киклоп, несомненно, имел в виду меня. — Тем более сразу надо определить правила.

Видимо, он посчитал инструктаж законченным, его глаз, умный, живой, уставился на меня:

— Я Юлай.

— Это имя? — спросил я.

— Не дерзи, Эл. Сам понимаешь, имя.

— Я уже сказал, я Эл только для приятелей.

— А я уже сказал, что мы подружимся. Кстати, кто они, твои приятели?

— Уж не эти ублюдки, — кивнул я в сторону ирландцев, и их лица потемнели.

— Не дразнись понапрасну, — укорил меня киклоп Юлай. — Сейчас мы спустимся вниз. Там есть лачуга, которая нас должна устроить. Меня она, по крайней мере, устраивает. Выхода из бухты нет — ни на сушу, ни на море. Точнее, он есть, но я его запираю. Не пытайся искать дыру в сетке, она из очень приличной стали, зубами ее не перекусишь, а подходящего инструмента у меня нет. Такое уж место, — как бы удивился он. — Там внизу нас будет трое. Я, ты и мой пес Ровер. Настоящий пират, не только по кличке. Помоему, все понятно.

Я кивнул.

Ирландцы, не выходя из машины, напряженно наблюдали за нами.

Почему-то я поверил киклопу.

Наверное, отсюда впрямь трудно бежать.

Однако существуют и другие способы утверждения. К примеру, нет существ бессмертных. Таких, как киклоп Юлай, господь бог создает весьма надежно, но они все-таки не бессмертны, по крайней мере, мне случалось выводить их из игры.

Посмотрим...

Я двинулся за Юлаем.

Ирландцы с ненавистью глядели мне в спину. Наверное, они хотели, чтобы я побыстрее пристукнул Юлая и поднялся на дорогу.

2

Спуск занял минут семь.

Юлай остановил меня перед затянутым стальной сетью входом. Покосившись, отпер ключом гигантский замок, навешенный на металлическую сварную дверь.

— Проходи, — сказал он и похвастался: — Настоящая сталь. Чистая. Коррозия такую не берет. И дурные руки справиться с ней не могут.

Я кивнул:

— Где ты хранишь ключи?

Юлай ухмыльнулся:

— Вешаю на щиток в пункте связи. Тебе там не придется бывать. К тому же, не сове-

тую бежать этим путем. Он никуда тебя не приведет.

— Но сюда-то мы попали этим путем.

— Правильно. Но на машине. Чувствуешь разницу? Пешком отсюда не уйти. Лучше жить со мной, я не надоедлив. А бежать... — Он почмокал толстыми губами. — Бежать не стоит. Ровер этого не одобрит. И мне это не по душе. Так что выброси из головы мысль о побеге. Поживи со мной, у меня недурное гнездышко. Захочешь выпить, скажи. Сам я не мастак по этой части. И еще учти, я никогда не вру. Имя у меня странное, но я никогда не вру, это принцип. Сказал, сбежать отсюда нельзя, значит, так оно и есть. Сам увидишь.

— Так многие говорят.

— Я не многих.

Я не стал спорить.

— Выход из бухты тоже перекрыт сеткой. По скалам не полезешь, слишком круто. Так что, как ни крути, вывод один: лучше не пытаться бежать. Дерьмово это кончится. А вот купаться можешь в любое время, хоть ночью, это мне все равно. Заодно убедишься, как надежно утоплена сетка в скальный грунт. Отличная работа! Ну никак отсюда не уйдешь, Эл!

— И еще, — добавил он, — в домике всего две комнаты. Одна большая — моя, но можешь спать рядом, там стоит второй диван. Правда, я храплю. А можешь спать в отдельной комнатухе. Она тесная и забита аппаратурой, но разместиться там можно. Что выберешь?

— Отдельную, — сказал я.

— Правильно, — одобрил он. — Я и сам не терплю храпунов. Бывает, просыпаюсь от собственного храпа. Но с собой легче бороться, чем с соседом. Правда?

Я хмуро кивнул.

Он глянул на часы и вдруг развеселился, почесал рукой коротко стриженную голову:

— Как ты насчет завтрака? А, Эл?

3

Кофе он сварил быстро и ловко. Бекон, яичница — особой хитрости тут не требовалось.

— Нас тут двое? — спросил я.

Он благодушно кивнул.

— Это плохо.

— Почему? — не понял он. — Нам не будет скучно. У меня есть технические словари, есть словари по радиоделу, можешь заняться.

Потом до него дошло:

— А-а-а, ты опять подумал о бегстве... Да ну, Эл! — Он чуть ли не обиделся. — Если тебе удастся повредить меня, — он так и сказал о себе, как о машине, *повредить*, — есть

еще Ровер. С ним сложно. А если ты повредишь и Ровера, во что я не верю, отсюда тебе все равно не выбраться. Скалы. А каждая дыра оплетена сетью.

Он громко позвал:

— Ровер!

Я ничуть бы не удивился, окажись пес Юлая одноглазым, но природа не терпит искусственности.

— Вот и он. Мой пират.

Я оторопел.

Гигантский пес, уродливая помесь бульдога и, возможно, овчарки, молча встал в открытых дверях. В отличие от своего хозяина, в борьбе за существование он сохранил оба глаза, и оба они были налиты ледяной злобой. Они даже серебрились, отливали серебряной чернью...

"Господи, господи, господи, господи..."

— Скажи ему, я доволен, пусть обернется.

— Зачем? — Юлай был доволен производным эффектом. — Это вот Эл, — представил он меня псу. — Эл спокойный парень, мы с ним подружимся, но если в голове у него что-нибудь повернется, спускай с него шкуру.

Челюсти Ровера дрогнули.

— Но когда Эл спокоен, когда он не пытается залезть в пункт связи, — добродушно закончил киклоп, — трогать его не надо. Места тут хватит всем. Иди!

Пес не издал ни звука. Он просто исчез.

— Неплох, правда? — похвастался Юлай. — Не забывай о нем. Старайся не забывать о нем. Оружия здесь нет, а с палкой или с камнем в руке ты против него не выступишь. Да и не дикарь же ты, Эл.

— За каким чертом меня сюда притащили?

— Ты всегда такой торопливый?

— Всегда, — хмуро ответил я.

— Не лучшее качество. — Юлай с любопытством обзрел меня своим единственным смеющимся глазом. Очень внимательно. Как вещь, которая нуждается в определенном ремонте. — Куда тебе торопиться? Ты же в отпуске.

Я промолчал.

— С некоторых пор ты путаешься у нас под ногами, Эл, подумай об этом. Мы не убиваем, но ты постоянно путаешься у нас под ногами. Кое-кого это сердит, Эл.

— Кого, к примеру?

Юлай ухмыльнулся. Его плоское лицо озарилось улыбкой. Он действительно зачаровывал:

— Расслабься, Эл. Где твое чувство юмора.

Ему самому стало смешно.

Час ранний, злобный пес, бледные лица, за спиной — горная дорога, бессонная ночь... Но смешно ему стало не из сочувствия. Он, напротив, посуровел:

— Вот что, Эл. Если у меня всего один глаз, это не значит, что я многого не вижу. Тебя, например, я вижу насквозь. И я никогда не лгу. Повторять это больше не буду. Если я сказал: мы не убиваем, значит, мы действительно не убиваем. Скорее всего, ты выйдешь отсюда живым, тем более тебе следует кое-что осознать уже сейчас. Ну, скажем, то, что ты — дерьмо. Именно дерьмо. Иначе о тебе не скажешь.

— Почему? — вырвалось у меня.

Юлай странно, по-собачьи, встряхнулся:

— Мне обязательно отвечать на твои вопросы?

Он смеялся, но прежнего добродушия в его голосе я не услышал. И глаз его налился сердитой чернью. Я даже сказал:

— Да ладно.

Но Юлай рассердился:

— Сам знаешь, ты — дерьмо. Это данность. Доказательств тут не требуется. Пари держу, недели не пройдет, как ты начнешь расставлять ловушки Роверу и Юлаю. Это у тебя на лбу написано. У таких, как ты, какая-то сущья выучка, вы не можете не кушаться. Черт знает, может, ты и сумеешь меня пристукнуть, у тебя на это дело талант, но если вдруг такое произойдет, отсюда тебе не выйти. Дело не только в Ровере и в замках. Заруби себе на носу, лучше жить рядом с живым Юлаем, чем медленно помирать рядом с трупом.

— Да ладно, — повторил я.

Он помолчал, потом извлек из кармана отобранные у меня документы, толстым пальцем отодвинул в сторону список, полученный от доктора Хэссопа:

— Давно это у тебя?

— Со вчерашнего утра.

— Почтой получил?

— Почтой.

Юлай улыбнулся.

Слепой глаз и плоское лицо не портили его. В нем чувствовалось столько энергии, что уродом он быть не мог. В конце концов, даже Гомер никогда не рисовал киклопов уродами. Так, особая форма жизни.

— Надеюсь, список тебя развлек?

Я пожал плечами. Я никак не мог приспособиться к Юлаю, он сбивал с толку.

— Ты успел обдумать его?

— Не хватает информации.

— Да ну? — не поверил он, потом опять улыбнулся. — Ты получишь информацию. И у тебя будет время. И никто не будет тебе мешать.

Он снова улыбнулся.

— А пока сыграем в одну игру.

Я недоуменно воззрился на киклопа.

Мой взгляд его не смутил. Он сунул волосатую, как у Ровера, лапу в карман и извлек

оттуда еще одну бумажку, аккуратно сложенную вчетверо.

— Держи. Это я сочинил. Сам. Для тебя старался.

— Что это?

— Держи, держи!

Единственный глаз киклопа так и сверкал.

— Ровер!

Повинуясь зову, пес вновь бесшумно встал на пороге. Густая серая шерсть на загривке стояла дыбом.

— Сядь, Ровер! А ты, Эл, разверни листок и читай вслух. Хватит сил?

— Зачем здесь пес? — спросил я вместо ответа.

— Ровер — мой друг, — насмешливо объяснил Юлай. — Он должен знать о тебе все, он обязан узнавать тебя и по голосу и по походке.

Я взглянул на Юлая: не сумасшедший ли он? Но нет, он не производил такого впечатления.

— Читай!

Я прочел вслух две первые строчки, аккуратно отбитые на стандартном листе бумаги:

— Линди... Линди... Хоуэр... С. Хоуэр... Хоуэр-Тарт... Саути... Это что, театральные псевдонимы?

— Оставь, Эл. Не стоит шутить. Это все нормальные имена, никаких псевдонимов, и к театру отношения они не имеют. Правда, кое-что их объединяет — они все умерли. Но когда-то, Эл, это были живые люди, они и сейчас бы могли, вот как мы, сидеть себе за чашкой кофе... Читай!

— Лотти...

Что-то сбивало меня с толку.

— У этой Лотти не было фамилии?

— Наверное, была, — уже совсем сухо объяснил Юлай. — Правда, я не смог ее узнать, прошло время... Эта Лотти была манекенщицей... Да что я рассказываю? Ты должен помнить ее.

"Я даже пугаться стал с опозданием, — слова Пана преследовали меня. — Поворот за спиной, а меня как кипятком обжигает".

Я вспомнил маленькую манекенщицу.

Я знал эту Лотти по Бэрдоку. Правда, не знал, что она умерла.

А Линди и Хоуэры...

Конечно!

Я вспомнил и их.

Станный народ, сами лезли под пули... Там, в Бэрдокке, было достаточно погано. Мое первое серьезное дело. Но там со мной был Джек Берримен.

— Занятно? — спросил Юлай.

— Да уж.

— Читай, читай. Там дальше еще занятнее.

— Стенверт... Велли... Мейсон... А это кто?

— Не помнишь? Мейсона не помнишь?

— Не помню.

Я не выигрывал время, я действительно не помнил, кто такой этот Мейсон.

Юлай и Ровер, наклонив лобастые головы, с подозрением, с интересом, с ненавистью вглядывались в меня.

— Фирма "Счет". Вспомнил? Там были заложники.

— Но их перестрелял Лендел!

— Вольно тебе вешать трупы на этого несчастного. Разве перестрелку спровоцировал не ты?

— Я был вынужден это сделать.

— А труп есть труп, — укорил Юлай. — Вынужден или не вынужден, это не имеет значения.

— Но так ты и Лендела на меня запишешь.

— А ты как думал? Он и записан на тебя.

— Он тоже умер?

— Он жив, Эл. Но лучше бы он умер.

4

"Господи, господи, господи, господи..."

5

— Керби... Галлахер... Моэт... Ким Хон... Лайбрери... Это, кажется, кличка... Сэттон...

Возможно, эти люди имели отношение к санитарной инспекции Итаки, во всяком случае, их имена стояли рядом с именем доктора Фула.

— Доктор Фул тоже умер?

Юлай кивнул.

Он смотрел на меня, как на ящерицу.

С любопытством. Несомненно, с любопытством. Но и с некоторой гадливостью.

— Тениджер... Колвин... Нойс...

Я не выдержал:

— Нойс?.. Это некорректный подход к делу, Юлай. Ты берешь все подряд имена, имевшие ко мне хоть какое-то отношение. Не знаю, правда ли они все мертвы, я такой список могу составить за пять минут.

— У меня на этот список ушло семь лет, — холодно заметил Юлай. — Не строй иллюзий, не пытайся обмануть себя, Эл, эта Нойс умерла тоже.

— Но при чем здесь я?

— Разве не ты привез ее с океана? И разве ты привез ее к себе не потому только, что нуждался в прикрытии?

Он помедлил, потом презрительно выдавил:

— Давай, вычеркивай имена. Считаешь, тот-то и тот не на твоей совести, вычеркивай. Я потом проверю. Мне даже интересно будет сравнить.

— С чем?

— С тем, что мы о тебе знаем.

— Инженер Формен... Мейсс... Нильсен... Это охрана сейфа? — спросил я. — Интересно, что сделал бы ты, если бы в тебя стреляли?

И споткнулся:

— Берримен?

— Что тебя удивляет?

Юлай и Ровер в три глаза уставились на меня.

Я бросил список на стол:

— Мне не по душе эта игра, Юлай. Она некорректна.

— Ага, тебе хочется корректности... — Он ухмыльнулся. — Слышишь, Ровер? Нашему новому приятелю захотелось корректности...

И уставился на меня:

— Разве я придумал этот список? Разве не ты начертил его своим "магнумом"? В отличие от тебя, могу повторить еще раз, мы не убиваем. Так что смотри на нас... ну, скажем, как на врачей... Да, на врачей...

Я удивился:

— На врачей?.. Несколько неожиданно... От чего, собственно, вы собираетесь лечить меня?

— Расслабься, Эл. Ты ведь знаешь. Ты должен был знать ответ еще тогда, в самом начале, когда тебе только предложили войти в игру.

Он помолчал.

Он задал вопрос, которого я боялся:

— Как ты думаешь, откуда у нас такие подробные сведения?

Я усмехнулся:

— Семь лет... Ты сам сказал, на список ушло семь лет. Не мало. За семь лет много что можно собрать.

— Верно. Но ты ведь заметил, в списке есть имена, о которых могут знать только ты и твой шеф.

Я промолчал.

— Ты заметил, заметил, Эл! — В единственном глазе киклопа сверкнуло торжество. — Ты ведь понимаешь, составить такой список могли только очень знающие люди.

— Хочешь сказать, кто-то меня сдал?

— В самую точку! — удовлетворенно выдохнул Юлай.

— Пан? — удивился я. — Не думаю, что он знал так много.

— Бери выше.

— Кто-то из Консультации? Кто-то из бывших агентов?

— Еще, еще выше, Эл!

— Там нет никого выше.

— А шеф?

— Не хочешь же ты сказать...

— Договаривай, договаривай, Эл! Нас тут трое, мы все умеем хранить секреты. По крайней мере, в Ровере я уверен. Именно ше-

фа я имел в виду, говоря — бери выше. Тут есть над чем подумать, правда?

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Юлай был прав: подумать было о чем.

И он был прав: бежать из его логова было трудно.

Бухта ограждена плотной сеткой; волна легко сквозь нее проходит, но щелей, которыми можно воспользоваться, я не нашел. Скальные обрывы над домиком и бетонным бункером пункта связи недоступны и для альпиниста; куда бы я ни пошел, везде мне чудилась тень Ровера. Кусок неба над головой, вот все, чем я здесь располагал; Юлай лишь посмеивался, поглядывая на меня после моих прогулок.

Томительный долгий день.

И вопросы.

Десятки вопросов.

Если шеф сдал меня, значит, он нашел некий компенсирующий вариант.

Какой?

Я вглядывался в каменные стены, прислушивался к шелесту волн, но волновало меня другое.

Список самоубийц... Беллингер никогда не подходил к телефону... Этот Пан... Удовлетворение, столь явственно прозвучавшее в голосе доктора Хэссопа: "Л. У. Смит? Ну, я так и думал!" Наконец, Юлай...

Мысли о Юлае меня тревожили. Киклоп меня не боялся. Он был уверен в своем убежище. Он мне даже не угрожал. Он просто намекнул: я постоянно путаюсь у кого-то там под ногами. Но у кого?

У алхимиков?

Возможно. Ведь он сказал — мы не убиваем. Кто это мы? И почему — не убиваем? Разве алхимики не убивают?

А Мат Курлен, Скирли Дайсон, Сол Бертъе, Сауд Сауд? Тот же Шеббс. Наконец, Беллингер.

Круг замыкался.

Беллингер никогда не подходил к телефону, я это хорошо знал. Почему он поднял трубку в отеле "Уолдорф-Астория"?

Алхимики не убивают.

А список самоубийц?

И шеф.

Если шеф действительно сдал меня, что он получил взамен?

Ладно. Это потом. Все равно ответов у меня нет. Да и обязательно ли на алхимиков работает Юлай? Почему не на Ассоциацию бывших агентов ФБР? Почему не на "Спайз инкорпорейтед"? Правда, он не похож на че-

ловека, готового обслуживать даже воров. И этот странный намек — врачи...

И так далее.

Алхимики.

"Мы не убиваем..."

У кого я мог "путаться" под ногами?

Все-таки у алхимиков, сказал я себе. Но как тогда быть с этим — мы не убиваем? В деле Шеббса и в деле Беллингера трупов хватает.

"Мы не убиваем..."

Я покачал головой.

Мы не можем не убивать. Даже Прометей, воруя у богов огонь, знал: он несет в мир большую опасность. Смертельную опасность. Ведь люди не умеют делить справедливо. Как только начинается дележка, огонь распространяется на жилища и на поля.

"Господи, господи, господи, господи..."

2

Комнатка, предоставленная мне Юлаем, оказалась крошечной.

— У тебя тут лингафонные курсы? — удивился я, взглянув на стеллажи, уставленные аппаратурой. Только четвертая стена, с окном, была от них свободна, там приткнулся низкий диван.

— Что-то вроде, — ухмыльнулся киклоп. — Учти, я буду слушать тебя днем и ночью. Ты будешь под постоянным наблюдением. Я здорово интересуюсь тобой, даже тем, что ты можешь выболтать во сне. Правда, мешать тебе это не будет.

Дверь в комнату Юлая не запиралась — он действительно не боялся меня. Белье найдешь в шкафу, показал он. И не злись, я здорово храплю ночью.

Я убедился в этом очень скоро.

Я даже вынужден был ночью прикрыть дверь, храп Юлая вполне отвечал его жизненным силам.

"Мы не убиваем..."

Я спокойно мог убить киклопа.

Но зачем?

Конечно, я помнил о Ровере, о стальной сетке, отрезавшей все пути, о скалах, о рифах, перекрывших выход из бухты, но только ли это останавливало меня? Нет, нет и еще раз нет. Во всем, увиденном в логове Юлая, чувствовалась какая-то тайна, настоящая серьезная тайна, хотя определить точнее охватившее меня чувство я не мог. Здесь во всем таилась загадка. И опасность.

Настоящая опасность. В этих делах я кое-что смыслю. Поэтому я предпочел лечь.

Диван застонал подо мной, и я попытался выбросить из головы лишние мысли. Это удалось плохо. Я то проваливался в мерзкий сон, то выныривал в действительность, которая

мне нравилась еще меньше. Пару раз я проснулся от собственного крика.

Перемигивались во тьме разноцветные лампочки. Я действительно кричал? Юлай действительно может записывать весь этот бред? Зачем?

Смутная нечистая сонливость одолевала меня. Из открытого окна несло гнилью океана; как ни странно — *живой*, даже величественной.

Шеф сдал меня?

Не слишком ли для Консультации — потерять сразу Берримена и Миллера?

Но, сдав меня, шеф мог выйти на прямые контакты с алхимиками.

Не боги, не гении, но достаточно серьезные люди. Достаточно серьезные даже для того, чтобы действительно определять течение нашей истории...

"Было бы грехом открыть воинам тайну твоего искусства. Остерегайся! Пусть даже муравей не проберется туда, где ты работаешь..."

Главные заповеди мы всегда почему-то вспоминаем с опозданием.

Я слышал храп Юлая, слышал шум океана. Алхимики.

Мой промысел слишком жесток, чтобы тешить себя иллюзиями. Нельзя восклицать в отчаянии: Господи, помоги! Предназначение Господа вовсе не в этом, помощь — не его функция. Ты сам просчитываешь свои шансы или сдаешься. Других вариантов не существует. Вот почему, даже проваливаясь в смутный сон, я не переставал считать. Но получалось плохо.

3

А если Юлай лжет? Если слова Юлая ложь? В конце концов, общеизвестно: стопроцентных шансов на успех не существует. Все человеческие поступки густо замешаны на лжи. Существой стопроцентные шансы, это подорвало бы саму идею Бога.

"Мы не убиваем"... Тебе придется сменить профессию... Смотри на нас, как на врачей...

И, конечно, два списка.

Все это накрепко связано. Но чем? Кто сплел столь странную сеть?

Обсуждая списки с Юлаем, мы упомянули много имен. Много... Но не все... Не все...

В данном случае я подумал о докторе Хэссопе.

Алхимиками занимался доктор Хэссоп, шеф ему молчаливо ассистировал; почему Юлай ни разу не упомянул имя доктора Хэссопа?

А список самоубийц? Почему в этот список включен и я? Они (я так и подумал — *они*) готовят новую инсценировку? Им удалась ин-

сценировка с Беллингером и с четырьмя его предшественниками, они готовят еще одну?

Не одну, усмехнулся я. Я видел список на одиннадцать человек, но список явно не полон.

А мой список?

Думая обо всех этих Мейсонах, Линди и Хоуэрах, я не чувствовал никаких угрызений совести. Да, я стрелял, но и в меня стреляли. Да, я обманывал, но то же самое проделывали со мной. В конце концов, никто не требует слез раскаяния от рабовладельцев или покаяния у солдат, спаливших цветущий город.

Доктор Хэссоп...

В очередной раз вынырнув из тяжелых снов, я встал и присел на подоконник.

Светало.

Внизу, в бухте, определилась темная, кипящая под сеткой вода. Когда-нибудь сетку сорвет, подумал я. И усмехнулся: не скоро. Полоски белого тумана красиво разлиновали сумрачную стену скал; угадывался в стороне черный бетонный горб — то, что Юлай называл пунктом связи. Где-то там молчаливо затаился Ровер. Меня передернуло при одном воспоминании о его желтых жутких клыках.

Уединенное, неприметное убежище...

Но для чего-то оно создавалось! Кто-то уже бывал здесь! Человек не может не оставлять следов, просто надо быть повнимательнее. Если я наткнулся на какой-нибудь след, кое-что может проясниться.

На душе было смутно.

Смута эта не рассеялась, когда на пороге появилась мощная фигура Юлая.

— Не спится?

Я кивнул.

— Это ничего. Главное, не заскучать, Эл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Я выспался. Несмотря на сны, выспался. Слова Юлая меня рассмешили:

— Не заскучать? Чем, собственно, мы займемся?

Чуть горбясь, мощно развернув плечи, киклоп потянулся:

— Будем ждать.

— Чего?

— Там увидим. — Юлай выдыхал слова ровно и мощно. — Можешь гулять по берегу, можешь купаться, вода еще не остыла. Лови крабов, разговаривай с Ровером. Если издали, с Ровером можно разговаривать. Только не приближайся к пункту связи, Ровер этого не потерпит.

— А прогулки по берегу?

— Это — да, — подтвердил Юлай. —

Идем. Я сварил кофе. Учти, завтра этим займешься ты.

Я воспользовался настроением киклопа, — надо же о чем-то говорить за столом:

— Примерно месяц назад в рейсовом самолете мне пытались нацепить на рубашку электронного "клопа". Та акция как-то связана со всем этим? — Я неопределенно обвел рукой комнату.

— Почему нет? — ровно прогудел киклоп. Это не было ответом, но он явно считал — это ответ.

— А Пан? А старик на почте? А мои телефонные звонки?

Юлай ухмыльнулся:

— Хочешь меня разговорить? Правильно. Так все делают. Люди, как правило, легко проговариваются, большинство бед от болтовни. Но тебе повезло: я большой говорун. И я много о тебе знаю. В некотором смысле я специалист по твоей жизни. Я твой внимательный биограф. Я изучил каждый твой след. "Домашняя пекарня", ты ведь служил в АНБ?.. Стамбул, Бриндизи, Вьетнам... Консультация — самый интересный период, зато и грязный, — отрезвил он меня. — Бэрдокк, Итака, остров Лэн... Тебя не любят в этих местах, можешь мне поверить... "Счет", "Трэвел"... Послушай, — вдруг спросил он, — с чего ты взял, что такие изобретения, как машина Парка, могут служить придуркам?

— Не знаю, кого ты называешь придурками, — сварливо ответил я, — но согласись, я свое дело сделал. Я угнал машину Парка.

— Ну да, — как эхо, откликнулся он, — чтобы она взорвалась на обводном шоссе. От нее и следов не осталось.

— Зато у нас осталась документация.

— Не строй иллюзий, — он взглянул на меня холодно. — У вас осталась фальшивая документация, уж мы постарались. Если вы что-то и построите, все это никуда не годится.

Плоское лицо киклопа порозовело. Мое бешенство, наверное, отразившееся в глазах, развлекло его:

— Иначе и быть не могло. Сам подумай. Кому могла бы служить машина Парка? Людям Номмена? Твоему шефу? Темным клиентам Консультации?

Он презрительно фыркнул:

— Ты ведь считаешь себя явлением, так, Эл? Так вот, огорчу тебя. Ты, конечно, явление, но вовсе не великое. Если уж быть совсем точным, ты характерное явление, Эл. Характерное для века. Не больше. Не будь тебя, был бы кто-нибудь другой, такая ниша не может оставаться незаполненной. При всех твоих талантах, ты всего лишь один из многих. Задумывался над этим?

Меня душило бешенство. Это не я путался

у них под ногами, это алхимики все чаще вставали на моем пути. Сперва я потерял Шеббса, потом они отняли Беллингера, теперь я узнаю, что документация, выкраденная Джой, фальшива... Но я смирил бешенство. Даже кивнул. Я хотел понять, к чему он клонит.

— Еще бы не задуматься! — Юлай глядел на меня холодно, его единственный глаз потемнел. — Можно много чего придумать, оправдывая свои действия. Борьба с монополиями! Перераспределение информации! Собственный банк данных! Так, да?

Я опять кивнул.

— Ты мало думал, Эл. Если бы ты думал больше и глубже, ты уже докопался бы до той простой мысли, что историю делают не рабы. Все эти войны, как бы историки их ни толковали, ничего не меняют. Пути, выбранные сегодняшними государствами, ведут только к катастрофе. Мир столько раз оказывался на краю пропасти, что давно пора понять — время войн закончилось, необходимо что-то принципиально новое. Древний охотник совершал революцию, изобретая дротик или стрелу, но рано или поздно убеждался — одной охотой не проживешь. Древний земледелец совершал очередную революцию, изобретая плуг, но и перед ним вставал тот же вопрос — что дальше? — Киклоп походил сейчас на заурядного лектора, позволившего себе расслабиться за чашкой кофе; я почувствовал острое разочарование. — Мы строим атомные станции, летаем в космос... Но ты же видишь, Эл, вопрос — что дальше? — не снят. Планета не выдерживает нашей промышленности, природное равновесие нарушено, ты видел это в Итаке, ресурсы почти исчерпаны — загляни в любой статистический отчет. Мир снова над пропастью. *Что дальше?*

Отставив пустую чашку, он задумчиво уставился на меня:

— Кое-кто надеется на океан. Возможно, океан и способен прокормить нас какое-то время, но ведь загадить его еще проще, чем сушу. К тому же мы неумоимо плодимся, Эл, неумоимо плодимся, несмотря на войны, на голод. А океан конечен. Что дальше? Всегда остается это "что дальше". Пойдешь воровать очередной секрет у очередной фирмы?

— Информация все равно должна перераспределяться. Почему этому не помочь?

Юлай покачал головой:

— Нельзя производить только изымая, Эл. А мы ведь всегда *изымаем*. У той же природы. Популяция, достигшая критической массы, как правило, начинает пожирать саму себя. Выживают одиночки.

— Разве место над пропастью непривычно для нас? — спросил я. — Мы же миримся с мыслью о неизбежности смерти, почему не

мириться и с этим? Все готовы по сто раз на дню бегать за угол к соседу, чтобы прикурить от его зажигалки. А почему? Да потому, что зажигалка одна и она принадлежит соседу. Почему не выкрасть документацию и не изготовить зажигалку для всех?

— Опять выкрасть, — огорчился киклоп. — Украл, убил, пустил по кругу. Будущее на этом не построишь.

— Будущего не существует.

Наконец, его зацепило. Он даже выпрямился:

— То есть как не существует?

Я засмеялся:

— Будущее — наш вымысел, голая теория, иллюзия, возвращенная на нашей нищете. Мы никогда не живем в будущем. Мы живем только сегодня и всегда решаем только сегодняшние проблемы. Даже прошлое в этом смысле не существует. Его нет. Его нельзя украсть или продать.

— А разве, дожив до завтра, мы не оказываемся в будущем?

— Конечно, нет.

— А в чем же мы тогда оказываемся, черт возьми!

— Как обычно, в дерьме. То есть в очередном *сегодня*.

Юлай ухмыльнулся.

— С тобой не скучно. Но это напоминает логику папуасов. У папуасов, Эл, нельзя просто так родить и назвать ребенка. Надо подкараулить соседа, выяснить его имя и убить, только после этого можно наречь узанным именем ребенка и впускать его в мир. Достаточно стабильная система, правда?

— Психи, — оценил я логику папуасов. — Ты тоже псих, Юлай.

— Возможно. Но мне не по душе логика папуасов. И я не люблю воров.

Он холодно обозрел меня:

— Это из-за таких, как ты, Эл, я вынужден изучать логику папуасов.

Он помолчал и добавил:

— Считается, время лечит все болезни. К сожалению, не все, Эл. Шизофрения, например, временем не излечивается. А все то, чем занят сегодня мир, это шизофрения.

Ну да, вспомнил я. "Смотри на нас, как на врачей..."

— Слишком много слов.

— Можно короче? — удивился Юлай.

— Конечно.

— Скажи. Мне действительно интересно.

Я пожал плечами:

— Все просто. Если, конечно, не прятаться за красивыми словами о будущем. Я думаю, все совсем просто. Похоже, вы переиграли Консультацию, так бывает. Мы, наверное, здорово вас рассердили, и вы взялись за Консультацию всерьез. Скажем, схватили меня.

Это факт. Но ведь не за тем же, чтобы удивить. Пока что никто меня и пальцем не тронул. Не знаю, кто вы и что вас интересует, но, похоже, вы не прочь меня использовать. Обеспечите новым именем, может, даже новой внешностью... Такие, как я, всегда нужны. Даже вам. Черная работа есть черная работа, ее надо уметь делать.

Юлай изумленно моргнул:

— Ты действительно так думаешь?

— Да.

— Ну что ж... — Юлай встал из-за стола.

— Я не могу запретить думать. Но подобные мысли, Эл, скажу тебе, лечатся только упорным трудом. Для начала, — нахмурился он, — приберешь вокруг. И как можно тщательно. Для этого ведь не надо менять внешность и имя, правда?

И вышел.

2

"Господи, господа, господа, господа..."

3

Я провозился с уборкой более трех часов. Я не торопился, я перетер все углы. Пыльная оказалась работенка, зато теперь я знал каждую вещь, прижившуюся в логове Юлая.

Огромный низкий диван, деревянный стол, три стула, обшарпанное кресло под окном, не раз уже менявшее обивку, объемистый шкаф с верхней одеждой и постельным бельем, наконец, нечто вроде пузатого старомодного комода с выдвигаемыми ящиками, набитыми всяким радиомусором. Радиодетали валялись на полу, на подоконниках, я собирал их и бросал в ящики комода. "Представляю, что творится на пункте связи", — хмыкнул я заявившемуся на минуту Юлаю. Киклоп хохотнул, как запаздывающий гром: "Как раз этого ты представить не можешь".

Но мебель была внешним кругом.

Гораздо больше меня интересовал круг внутренний.

Я тщательно изучил постельное белье и одежду — никаких меток; перерыл комод, пошарил под диваном и под столом; удивительное дело — Юлай не хранил в домике ничего лишнего. Несколько технических словарей, старые тапочки... Бред какой-то. Если здесь и бывали гости, следов они не оставили.

4

Но самым тяжелым оставались сны.

Я спал один в крошечной комнатенке, похожей на кубрик. Мне не мешал храп Юлая, не мешала луна в окне, не мешали перемигивающиеся цветные лампочки аппаратуры, запылявшейся несколько стеллажей. Плевать,

чем там занимается Юлай, что он записывает — я хотел выспаться.

Но выспаться по-настоящему никак не удалось.

Сны.

Если снятся такие сны, они не пустые.

В снах меня мучило вовсе не близкое прошлое. Мне не приходилось заново переживать случившееся в Итаке или на острове Лэн; мучили меня не загадочные списки, не слезка, не похищения; тем не менее я просыпался в слезах, в холодном поту.

Чаще всего я видел себя бегущим вверх по косогорю.

В этих мучительных снах я всегда был ребенком, меня манил горизонт.

Задыхаясь, я бежал вверх по косогорю — коснуться рукой синевы, казавшейся столь близкой. Она должна быть плотной, считал я, как облака, когда на них смотришь из самолета. Я ничего так не хотел, как взбежать по косогорю и коснуться синевы.

Сизифов труд.

Кажется, Сизиф был хулиганом, он скатывал тяжелые камни на единственную караванную тропу, по которой ходили торговцы. За это его и покарала боги.

А я?

За что можно покарать ребенка?

"Господи, господи, господи, господи..."

Задыхаясь, шумно дыша, хватаясь руками за редкие сухие кусты, я бежал вверх по косогорю к манящей, такой плотной и близкой синеве. Кажется, я что-то выкрикивал на бегу, а может, мне вслед кричали; проснувшись, я не мог припомнить ни слова, лишь сам факт. При этом я чувствовал; я кричал (или мне кричали) что-то важное, что-то необыкновенно важное, что-то такое, что могло изменить всю мою жизнь. Но я не мог вспомнить — что? Все попытки вспомнить не принесли ничего, кроме головной боли.

Я просыпался, и подушка была мокрой от слез. Я просыпался, и слова, еще звучавшие в голове, как эхо, становились бесплотными, таяли, уходили; я помнил лишь стремление — к синеве.

Что я кричал? Почему меня это мучило?

Не знаю.

Проснувшись, смахнув с лица пот и слезы, я садился на подоконник.

Внизу шумел невидимый океан, в темном небе вдруг проплывал пульсирующий огонек — жизнь другого, не моего мира; помаргивали цветные лампочки аппаратуры Юлая, придавая грубым стеллажам праздничный вид. Все вокруг казалось основательным, прочным, созданным надолго, но — чужим.

Совершенно чужим.

Зато на исходе второй недели я выяснил нечто важное: у киклопа бывают гости, а сам он время от времени покидает тайную базу.

Той ночью, как всегда, я проснулся в слезах. Я кричал, но уже не слышал крика...

Действительно ли я кричал?

Я дотянулся до брошенного на стеллаж полотенца, потом пересел на прохладный подоконник. Внизу, в тумане, красиво расчертившем бухту на полосы, блеснул тусклый огонек.

Киклоп?

Я машинально взглянул на часы.

Что делает Юлай на берегу в три часа ночи?

Не теряя из виду мечущегося в тумане огонька, я оделся.

Огонек ни на секунду не оставался в покое, он двигался, он описывал странные дуги; потом отчетливо донесся до меня негромкий рокот великолепно отлаженного лодочного мотора.

Комната киклопа, пустая, темная, показалась мне незнакомой.

— Юлай, — позвал я, зная — он не откликнется.

Он и не откликнулся.

Я сунул руку в комод и достал фонарь. Тяжелый фонарь, я даже взвесил его в руке. Потом открыл наружную дверь и так же негромко окликнул:

— Ровер!

Откликнется ли пес? Промолчит, как обычно? Бросится на горло? Днем он позволял мне наведываться куда угодно, исключая, разумеется, пункт связи, но как поведет он себя ночью?

— Ровер!

Пес не откликнулся.

Я закурил, задумчиво поглядывая вниз. Огонек там то гас в тумане, то разделялся на два — на берегу что-то происходило; возможно, Юлай был не один.

Алхимики?

До сих пор единственным человеком, всерьез верящим в существование таинственных алхимиков, оставался доктор Хэссоп. Он давно перевалил черту семидесятилетия и большую часть прожитой жизни отдал попыткам выйти на прямую связь с алхимиками. Однажды ему повезло: к нему подошел человек со странным перстнем на пальце. В гнезде перстня светилась чрезвычайно яркая точка. Этой светящейся точкой доктор Хэссоп сумел раскурить сигару... Доктору Хэссопу повезло и во второй раз: он обратил внимание на весьма подозрительного человека — Шеббса... Наконец, доктору Хэссопу повезло с Беллингером — на

старика, судя по некоторым деталям, обратили внимание сами алхимики.

Но все эти истории закончились кровью.

Другими словами, ничем.

Кровью, — подумал я, задумчиво разглядывая скалы, выбеленные луной, смутный горб бункера, полосы тумана над темной чашей бухточки.

Кровью...

Не думаю, что доктором Хэссопом двигало одно лишь любопытство, он явно искал нечто реальное. Но что? Не философский же камень?

Луна.

Ночь.

Огоньки в тумане...

Если впрямь существует тайный союз, оберегающий нас от собственных, нами же придумываемых опасных игрушек, у такого союза должен существовать архив.

Я не знал, что может храниться в архиве алхимиков. Рукописи Бертье и Беллингера? Технические откровения Голо Хана и Лаути? Журналистские изыскания Памелы Фитц? Образцы неснашивающихся тканей, урановые пилюли, превращающие воду в бензин, секреты гнущегося стекла, герметических закупок, греческого огня, холодного света?

Возможно.

Логика здесь желательна, однако можно обойтись и без нее.

Доктор Хэссоп был бы счастлив глянуть в такой архив хотя бы одним глазом; это он, а не шеф, мог сдать меня кому угодно, лишь бы убедиться — такой архив существует.

И в то же время...

— Ровер! — еще раз позвал я.

Ни отклика, ни движения. Я вообще ни разу не слышал голоса этой твари. Но тут я Юлаю верил — пес знает свое дело.

Я огляделся.

Камни, тьма...

И взвесил в руке фонарь.

Он показался мне достаточно тяжелым.

Вздыхнув, с сомнением я ступил на тропу, круто ведущую вниз, к бухте.

Никто меня не остановил. Но огонек внизу погас и шум мотора отдалился.

Лодка ушла?

Значит, из бухты есть выход?

Я спустился на берег.

Ни души. Никакой лодки. Но песок примят сапогами, а под стальной сеткой колыхалось на воде радужное пятно.

Я не ошибался, здесь только что кто-то был. Судя по следам, двое.

Странный шум послышался за спиной, зашуршали, сползая, камни.

Я оглянулся.

Ровер!

Спасло меня то, что я бросил фонарь и

просто прыгнул в воду. Обороняться против этой твари было бы трудновато. Лучше утунуть, черт побери, чем попасть под клыки Ровера.

Вода меня обожгла.

Что ж, я заслужил это.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Я предупреждал: Ровер инициативен. Он принимает решения сам. Тебе повезло, Ровер не любит воду. Ты мог купаться не три часа, а все сутки, не вернись я вовремя. Он не пустил бы тебя на берег.

Киклоп наклонил мощную коротко стриженную голову, веко на невидящем глазе дернулось — он устал.

Я вдруг подумал: он не похож на обычного исполнителя. Охранять меня вполне могли те же ирландцы — они созданы именно для такой работы, а записывать мои ночные вскрики — с этим справился бы даже Пан. В Юлае чувствовалось нечто большее.

— Я плохо сплю, — пожаловался я. — Просыпаюсь от собственных криков.

— Совесть просыпается, — рассеянно заметил Юлай.

Я промолчал.

— Все это пройдет. Но я гляжу, ты тоже инициативен.

Мне не понравился его тон.

— Ты говорил, ты не лжешь, — сказал я. — Ты говорил, выхода из нашей бухты не существует. Но как же лодка? Я слышал ее мотор, видел пятна от горючего. Наконец, я видел, как тебя высаживали на берег.

— Я не лгу, — устало кивнул Юлай. — Войти к нам можно только снаружи. Изнутри вход не открыть. Примирись с этим.

— Почему-то ты всегда выдаешь правду задним числом.

Он усмехнулся:

— Для правды это не имеет значения.

И выложил передо мной пачку газет:

— Я ложусь спать. Не болтайся по берегу, пока я сплю, не серди Ровера, он и без того сердит. Он не должен был тебя упускать. Редкостная промашка, — я не слышал в его голосе никакого сожаления. — Просмотри газеты. Думаю, они тебя заинтересуют.

2

Газеты все еще занимались Беллингером.

Слишком много смущающих подробностей всплыло на поверхность в последние дни. Печатались отрывки из "Генерала" и "Позднего выбора" с комментариями офицера из АНБ, не пожелавшего назвать свое имя. Он утверждал: некоторые тексты Беллингера являются

текстами шифрованными; правда, он не предлагал ключа. Некто Сайс опубликовал семь писем писателя времен войны. Беллингер хвалил Данию и удивлялся тому, что все миссис в Дании — Хансены.

Знакомая фраза, сказал я себе.

Сайс считал себя другом Беллингера. У погибших знаменитостей всегда много друзей. Сайс намекал: у него есть и другие письма; он намекал — Беллингер был близок кое к кем из крайне левых течений. Криминал ли это? Сайса, похоже, этот вопрос не трогал, зато он немало упирал на эгоизм старика. Однажды Сайс якобы спросил: "Почему, черт побери, Бог так добр к тебе, а ко мне скуп?" Беллингер якобы ответил: "Несомненно, ошибка". И добавил: "Но ошибки Бога не бывают случайными".

Вопросы...

Судя по шумихе в газетах, ни один вопрос, связанный с делом Беллингера, не был снят. А самый главный: что именно хотел сообщить Беллингер на своей несостоявшейся пресс-конференции? — практически и не толковался.

Выступил, наконец, доктор Хэссоп.

Еще до войны он и Беллингер совершили путешествие по Европе. Маршрут не совсем обычный — древние монастыри, но в биографии Беллингера вообще было много темного. Скажем, десятилетнее уединение на вилле "Герб города Сол" или то же путешествие по оккупированной Германией Дании.

К тому времени, как я просмотрел газеты, Юлай встал.

— Кофе, — потребовал он. — Кофе!

Усталости в нем как не бывало. Плоское лицо смеялось, единственный глаз посверкивал.

Я наполнил чашки.

Киклоп меня раздражал.

Чего я жду? — никак не мог понять я. — Неужели это надломленность? Неужели потеря Джека сломала меня? "Господи, господа, господа, господа..." Я мог что угодно говорить Юлаю о будущем, но прав, конечно, был он — рано или поздно будущее наступит. Мы все ждем его. Другое дело, что мы не осознаем — будущее отнимает у нас жизнь. Почему мы всегда живем так, будто смерти не существует? Только потому, что у нас нет личного опыта смерти? Мы же всегда умираем в будущем, почему мы его ждем?

Беллингер...

Что подталкивает людей к самоубийству? Желание обратить на себя внимание? Но разве Беллингер искал его? Усталость? Но Беллингер не походил на сломленного человека. Иногда одного слова, случайного жеста достаточно, чтобы вызвать в человеке смертельный разлад, но Беллингер, судя по назначенной им пресс-конференции, вовсе не готовился к

смерти. Скорее всего, он готовился к будущему. Но оно не случилось. Почему? Является ли самоубийство способом решения главного вопроса — вопроса жизни, вопроса осознанного выбора?

— Мне надоело сидеть в этой дыре, — сказал я вслух.

— Понимаю, — добродушно кивнул Юлай.

— Но ты заслужил это сидение.

— Сколько нам еще сидеть здесь?

— Ну, у нас есть время.

— Месяц? Год? Десять лет?

— Сколько понадобится, — добродушно отрезал Юлай. — Хоть сто лет. Правда, ты столько не выдержишь.

— А ты?

— Я тоже.

Он сказал это просто, без иронии, но это и злило меня.

— Этот список... Который ты у меня забрал... Там упоминались Беллингер и я... Он как-нибудь изменился?

— Пока нет.

— *Пока?*

— Как видишь, я с тобой откровенен.

— Почему? — в упор спросил я.

— Да потому, что ты выведен из игры. Ты еще не понял?

— Это ты считаешь, — возразил я.

— А ты думаешь иначе?

Он явно дразнил меня. Ночное путешествие никак на его настроении не отразилось. Он знал что-то такое, что позволяло ему не считаться со мной.

— Плесни еще, — подставил он свою чашку. — Это хорошо, что ты много думаешь. Жаль, всегда с опозданием.

3

Несколько дней мы встречались только за столом. Юлай почти не вылезал из бункера, охраняемого Ровером; а меня опять мучили сны.

Там, в снах, я вновь и вновь бежал вверх по косогору — к недостижимой, я уже понял это, синеве. Проклятие, а не сны. Я не знал причины, вызывающей их.

Пару раз я замечал ночные огни в бухте, но Юлай нашего убежища не покидал.

Я с тоской следил за таинственными огнями.

Если алхимики и были заинтересованы во мне, с предложениями они не спешили. Если шеф и был озабочен моим исчезновением, я этого никак не чувствовал.

Я садился на подоконник и следил за туманом, лениво перегоняемым ветерком с берега на берег.

В течение какого-то часа ветерок сменил направление раз пять. Дважды я видел тень

Ровера, появляющегося перед бункером. Он смотрел в мою сторону, я чувствовал это по холодку, ледящему мне спину.

Откуда в этом все столько ненависти?

Я прислушивался.

Ровно рокоча хорошо отлаженным двигателем, невидимая лодка входила в бухточку, вспыхивал на берегу огонек.

Меня это не касалось.

Возможно, центром таинственных действий являлся именно я, меня это все равно не касалось.

Туман.

Ночь.

Отбивной ветер...

4

Прошло полтора месяца, я перестал видеть сны.

Я проваливался в небытие, и мне ничего не снилось.

Может, я привык к обстановке, может, меня уже не пугал Ровер, не знаю. Стоило коснуться подушки, как я засыпал.

Как прежде.

Как десять, как двадцать лет назад...

Я как-то сразу забыл про косогор, про синову горизонту над ним; меня теперь трогали простые вещи — дым костра, разожженного на берегу, неумолчный шум океана, звезды в ночи, ловля крабов... Что-то подсказывало мне — моя жизнь должна измениться. Внешне все оставалось прежним — беседы за столом, многочасовые бдения Юлая в пункте связи, неистребимая ненависть Ровера, но в самом осеннем неподвижном воздухе, в холодном дыхании скал вызревало уже нечто новое — тревожное, невольно будоражащее душу.

5

"Господи, господи, господи, господи..."

6

Я проснулся сразу, вдруг.

— Эл!

Юлай стоял на пороге. Перемигивающиеся лампочки бросали тусклый свет на его плоское лицо.

Я не шевельнулся. Я не хотел подниматься, мне вполне хватало дневных бесед.

— Эл!

Я не откликнулся.

Киклоп по-бычьему напрягся, наклонил мощную голову и прислушался к моему дыханию. Потом отошел от дверей, убедился — я сплю. Он не включил свет; я только слышал, как он одевается.

Наконец, хлопнула входная дверь.

Я мгновенно оказался на ногах.

Он действительно хотел поднять меня или просто проверил — сплю ли я?

С давно облюбованного подоконника я увидел внизу огни.

Тянуло отбивным ветром, по небу шли равные тучи. Самое лучшее время для серьезных дел.

Внизу ревнул мотор.

В его приглушенном голосе теплилась ласка; в отличие от человеческих, голоса машин не вызывают страха.

Я молча всматривался в ночь.

Юлай коротко свистнул, из тьмы вынырнул Ровер. Два мрачных силуэта молча двинулись к горбатуму бункеру.

Зачем он меня окликал? Почему не спустился на берег, где двигался, мигал огонек фонаря?

Я бесшумно оделся и так же бесшумно спустился по крутой тропе. Ровер мне помешать не мог, он ушел с киклопом.

Озаренный слабой луной берег показался мне пустым, но я не зря вовремя затаился в тени — у самой воды, дышащей холодом, оказался человек.

Он шел наверх.

Затаившись за выступом скалы, я пропустил его так близко, что услышал затрудненное дыхание.

Рослый человек в клеенчатой зюйд-вестке, он поднимался легко и быстро, он явно знал, куда выведет его тропа. Низкий капюшон закрывал лицо, но меня интересовал не сам человек, я лихорадочно искал: где лодка? есть ли на берегу еще кто-то?

Я дождался, когда человек в зюйд-вестке исчезнет за выступами скал, потом глянул вниз.

Металлическая сеть влажно и нежно поблескивала в лунном свете. Лодка стояла прямо под ней, рядом с берегом, и еще я увидел проем в сетке. Один прыжок, и пловец окажется на свободе!

Но почему пловец? Далеко ли уплывешь в холодной воде?

Если вытолкнуть лодку за проем — ее мотор работал на холостом ходу — погони не будет, Юлаю не на чем гнаться за мной; если у его гостя есть оружие, воспользоваться им при таком неверном свете тоже будет не легко.

Мотор лодки бормотал уютно и ласково. Он тревожил сердце. Я прижал локоть к боку — мне не хватало "магнума", он придал бы мне уверенности.

Минута? Пять? Полчаса? — есть ли у меня хоть какой-то запас?

Я решил.

Я прыгнул в лодку и, отталкиваясь от сетки, вывел ее в широкий проем.

Мир был соткан из смутной игры теней, из плеска, запаха водорослей и йода. Мир раскачивался, показывая клыки подводных, вдруг обнажающихся камней. Темная вода, колыхаясь, раскачивала лодку, обдавала меня холодом брызг. Я промок, но не торопился включать мотор, хотя тучи теперь шли так низко, что заметить меня с берега было бы трудно-вато.

Надвинулся камень, хищно, до блеска отполированный водой. Я оттолкнулся веслом.

Смогу я найти проход в рифах?

Я оглянулся.

Во тьме, затопившей прибрежные скалы, не маячили огоньки. Я не слышал голосов, выстрелов. Скорее всего, Юлай и его гость пока не обнаружили пропажу.

На мгновение я почувствовал укол в сердце.

А может, нечего обнаруживать? Может, они следили за мной, видели каждое мое движение?

Все произошло слишком просто...

Слишком просто, черт побери!

Они, наверное, вызывают сейчас вертолет. Через полчаса меня расстреляют и утопят.

Да нет.

Как раз такое вот продолжение выглядит слишком усложненным...

Я включил мотор и сразу ощутил его ровную надежность.

Автоматически вспыхнул прожектор, осветив идущие напором, я прошел самую опасную полосу рифов.

Куда, собственно, плыть?

Никогда в жизни я не чувствовал себя столь одиноким.

Зато я был свободен, это стоило всех тревог.

Без всякой злобы я подумал: Юлай упустил меня. Даже посочувствовал киклопу: его непоколебимая непоколебимость поколеблена.

Но что-то мучило меня, саднило.

"Мы не убиваем..."

Юлай видел вошедшую в бухту лодку, но ушел в пункт связи и увел с собой пса. Гость, оставив лодку, тоже поднялся наверх, не удосужившись перекрыть проход в металлическом ограждении. Не слишком ли много счастливых совпадений?

Опять потянуло ветром. Небо густо закрыли

сумрачные тучи, в их разрывах поблескивало несколько тусклых тоскливых звезд, появлялась и исчезала луна — зеленая, ледяная. Я для нее ничего не значил, ей было абсолютно все равно, куда я спешу, но самым своим существованием она невольно спасала меня — держать ее по правому борту, и чтобы валы накатывались с кормы...

Валы накатывались громоздкие, вялые.

Поднимаясь, они таинственно и нежно вспыхивали, ветер сдирал с них пену, я то взлетал в смуту лунного света, то проваливался на дно влажных колеблющихся провалов.

Часа два я вел лодку вдоль гористого берега, потом слева по ходу вспыхнули многочисленные огни, совсем не там, где я ожидал их увидеть.

Город?

Тот, в который я наезжал на машине Пана? Скучный, как смерть, пыльный, как пустыня?

Не похоже... Слишком яркие огни для того городишки...

Выключая ставший ненужным прожектор, я увидел валяющийся на дне лодки парусиновый сверток.

Что в нем?

Ткнул ногой. Похоже на металлические коробки.

Ладно. Сейчас не до них.

Если киклоп действительно сам подстроил побег, вряд ли он оставил бы груз в лодке.

Эта мысль успокаивала.

Начинало светать. Сквозь легкие хлопья нежного тумана достаточно отчетливо просматривалось каменистое побережье; в одном месте я увидел кривые обломанные мачты, остовы полузатопленных судов — что-то вроде кладбища старых кораблей, морская свалка.

Лучшего не придумаешь.

Радуясь неожиданному открытию, я не успел пригнуться — лодку волной бросило на борт ржавого накренившегося танкера, выпотрошенного, судя по звуку, до самых трюмов. Я упал и разбил о шпангоут губы.

Ладно.

Я выплюнул кровь.

Свобода пахла гнилью и водорослями, ржавчиной и мазутом, она всхлипывала, вздыхала, стонала под бортами мертвых кораблей, тем не менее, это была свобода.

(Окончание следует)

Александр ГРАЧЕВ

Холодный синтез на "бис"!

Только для гуманитариев

Похоже на то, что повышая цены на энергоносители, правительство России вовсе не установило цены на один из них, причем самый перспективный. Его у нас практически даром вычерпывают предприимчивые японцы. Что это? Это байкальская вода, богатая элементом дейтерием.

Но не будем отчаиваться. Гигантским, практически неисчерпаемым резервуаром этого природного топлива является мировой океан. Содержание дейтерия в природном водороде составляет 0,015%. Энергия слияния ядер дейтерия — экологически наиболее чистый источник энергии. Это широко известно и понятно цивилизованному большинству. До сих пор мы добывали энергию, ломая установленные природой связи. А когда ломают, сжигают, расщепляют — понятно, остаются обломки, сажа, грязь, в том числе и радиоактивные. В XXI веке (а он уже не за горами) мы, наконец, прекратим разрушать ради того, чтобы согреться. И тогда, с одной стороны, решим проблему топливно-энергетических ресурсов, а с другой — проблему отходов.

Для этого потребуются всего лишь обеспечить необходимую скорость реакции слияния ядер дейтерия. Традиционный путь — нагревание. Но до очень высокой температуры. Чтобы ее получить, надо, например, взорвать атомную бомбу. Есть иной, мирный путь — гигантские ускорители типа Токамак. По самым оптимистическим прогнозам электростанции на этом принципе заработают году этак в 2050—2060-м и будут настолько мощными, что преподнесут нам новый ребус — проблему транспорта энергии.

Но после сообщения, сделанного в 1989 году американцами Флейшманом и Понсом, о реализации в очень простом эксперименте по электрохимическому насыщению палладия дейтерием — холодного ядерного синтеза во всем мире раздался голоса, возбужденно и радостно утверждающие: "Есть, есть еще один, неожиданный, парадоксальный до невозможности и, в то же время, спасительный для человечества путь!".

Что значит холодный ядерный синтез? Это значит: слияние ядер дейтерия при сближении ряда относительно легко воспроизводимых параметров происходит при комнатной температуре, без всяких эпически фундаментальных сооружений, можно сказать, прямо на столе.

Насколько это выглядит возможным? А вот представьте. Прекрасно зная, что вода в чайнике, если поставить его на лед, не закипит, мы с вами заказываем чайник не из обычного металла, а, к примеру, из бронзы, покрываем лед зеленой краской и вдобавок пропускаем постоянный электрический ток при помощи батарейки от карманного фонарика. Прodelав все это, повторяем опыт — и вода закипает. Есть отчего удивиться? А если мы объявим всему миру, что это не ловкий фокус, а уникальный научный эксперимент, открывающий серьезные перспективы кипячения воды при температуре близкой к нулю градусов по Цельсию, то есть отчего и возмутиться.

И все-таки после сенсации, которую наделали Флейшман и Понс, в сотнях лабораторий тысячи горячих голов начали охоту за холодным синтезом. А широкая публика, благодаря

словоохотливой прессе, пережила момент эйфории, стремительно перешедшей в разочарование и кривую усмешку.

Дело в том, что все опыты, проводившиеся как в аналогичной флейшманно-понсовскому варианту постановке, так и с использованием неэлектрохимических методов гидрирования (дегидрирования), отличались одними и теми же мерзостями: вопиющей невоспроизводимостью и тем, что эффекты лишь незначительно превышали фон либо порог чувствительности измерительных методов. (В идиотском примере с чайником последнее можно представить в виде пары случайных пузырьков вместо кипения).

Молния сенсации вспыхнула и погасла. По освещенному ею пути все брели некоторые ученые упрямы. Но брести им приходилось под градом насмешек, обвинений в невежестве, шарлатанстве и лженаучности.

С особенной, думается, радостью и глубоким (помните 70-е гг.?) удовлетворением хоронили безумную идею представители т.н. "токомафии", работники горячего ядерного синтеза, которым, конечно же, было не до эйфории. Ведь у них в глазах при малейшем допущении фантастической холодной возможности один за другим принимались таять нули миллиардных государственных дотаций. Разумеется, мы имеем в виду только положение в США. А про "токомафию" в нашей стране пустой сообщают американские газеты.

Но тревога термоядерщиков оказалась (или показалась?) ложной. В мае 91 г. исполнительный директор Американского Физического общества д-р Роберт Парк со страниц "Вашингтон Пост" выдал следующий внушительный отбой: "История с холодным синтезом определялась не столько ошибочной наукой, сколько такими общечеловеческими слабостями, как алчность, амбиции, тщеславие... Нет сомнения, что среди исследователей холодного синтеза имеются истинно верующие, точно так же, как имеются искренние ученые, которые верят в психокинез, летающие блюда, сотворение мира и т. п. Научная степень еще не означает прививку против тупости и лживости".

Конечно, почтенный исполнительный директор был не одинок в подобных оценках "холодников", но обратите внимание, что, повинувшись горячему желанию повесить на них, как говорится, всех собак, он сам осуществил своего рода холодный синтез, приписав одному и тому же энтузиазму — заблуждение, алчность, искренность, тупость и лживость одновременно! Просто фантастика!

К счастью, такие слабости (кажется, давно переставшие быть общечеловеческими), как работа для души сверх плана и задарма, способность заплатить токаря из своего кармана за вовремя выточенную деталь, необходимую для эксперимента, умение подчас обходиться в решении сложных задач без сложной техники и прочие подобные — еще не перевелись в России. Более того, и что особенно удивительно — не перевелись среди сотрудников нашего Уральского отделения Российской Академии Наук!

И вот свершилось! Нет, скажем без этой библейской категоричности: и вот, вроде бы, свершилось.

Семидесятидвухлетний Жан-Пьер Вижье (которому, правда, не дашь больше пятидесяти, несмотря на участие в Сопро-тивлении и во Вьетнамской войне, причем на стороне вьет-

намцев, против американских агрессоров), знаменитый Жан-Пьер Вижье, работавший с Жюлио Кюри и Луи де Бройлем, услышав об опытах в екатеринбургском институте электрохимии, по пути на родину из Донецка заезжает в Екатеринбург и не жалеет об этом. Он присутствует при эксперименте, одном из последних в серии более ста, которые прошли, все до единого, с положительным результатом. Он своими глазами наблюдает эффект... и прыгает от восторга, как мальчик!

Только для естествоиспытателей

Что же произошло? Что, собственно, свершилось?

Вместо ответа — положение тезисов из доклада академика А. Н. Барабошкина и доктора химических наук К. А. Калиева, прозвучавшего 5 октября 1992 года на заседании Президиума УрО РАН. Но прежде следует упомянуть еще одно имя — ведущего инженера оптико-механического завода (г. Екатеринбург) Л. Д. Гудрина, которого Кабир Калиев представил нам в качестве своего равноправного сотрудника и даже, в значительной степени, инициатора трудов, приведших уже сегодня к убедительному результату.

"По нашему мнению, именно использование твердого вещества, в особенности в монокристаллическом состоянии, позволяет создать условия для протекания холодного ядерного синтеза (ХЯС):

- снизить кулоновский барьер (экранирование электронами тяжелых атомов);
- аккумулировать энергию;
- использовать часть энергии реакций слияния ядер дейтерия для осуществления последующих актов синтеза".

И дальше — подробное описание опытов с использованием оксидных вольфрамовых бронз — новое в качестве твердых электролитов со смешанной проводимостью.

После пространного обсуждения, многочисленных вопросов, сомнений и пожеланий председатель Президиума отделения подвел итог.

Академик Г. А. Месяц — не из числа горячих голов, увлеченных гонкой за холодным синтезом. Его мнение по этому поводу, хотя и высказывалось, разумеется, в более логичных формулировках, все же еще недавно почти не отличалось от мнения доктора Парка. Но на сей раз сдался и он, ибо экспериментальным путем добытый факт — это такая штука, о которую в науке — и, вероятно, не только в науке — разбивается любое личное мнение, сколь бы непреложным оно ни казалось и с каким бы числом уважаемых авторитетов ты его ни разделял.

Геннадий Андреевич тоже присутствовал в лаборатории в тот момент, когда счетчик фиксировал нейтронный поток, и теперь, на Президиуме высказал серьезные сомнения в том, что у кого-либо из участников эксперимента в кармане был спрятан источник нейтронов. Самоубийц нет! А следовательно, можно переходить к поздравлениям.

Конечно, многое еще не ясно. Прежде всего, не изучен механизм процесса, который удалось смоделировать, при этом зафиксировав результат. Предстоит большая работа. Эксперименту предстоит пройти апробацию в других лабораториях, и, вероятно, во многих странах. Ему должны дать оценку эксперты-специалисты по ядерному синтезу. И все же несомненно следует говорить о выдающемся открытии, а если подтвердится, что это холодный ядерный синтез, то об открытии века.

— Эксперимент — критерий истины! — уместно процитировал Фрэнсиса Бэкона в беседе с нами Кабир Калиев.

— А средство ее закалки — долгая и дорогостоящая практика? — позволили мы себе дополнить известную формулу.

— Нет, если будем тянуть и если по-прежнему не будет денег, нас просто обгонят. Без серьезного финансирования не

обойтись. Необходимы исследования механизма с привлечением специалистов, не тех, которые могут ни за что работать, а настоящих экспертов по каждому направлению. Нужны и физики-ядерщики, и теоретики, и экспериментаторы, и электрофизики, и электронщики. Иначе мир сделает это за нас. Правда, это и должно принадлежать всему миру...

— Так-то оно так, — вновь позволим себе небольшое дополнение. — Но может, все-таки этот нейтронный поток разбудит Правительство, которое спит и видит будущее процветание России, а наяву финансируют академическую науку "по факту получения налогов"?

Сегодня Кабир Калиев утверждает, что он и его коллеги уже вплотную подошли к разрешению проблемы управляемости открытым процессом. Он говорит, что, хотя никто в это не верит, через два-три года компактный реактор будет ими изготовлен. И тогда начнется...

ДЛЯ ВСЕХ, в том числе для детей и юношества

А теперь несколько слов в жюльерновском духе, в духе самой смелой, самой головокружительной научной фантастики, на глазах воплощающейся в реальность.

Мы получим, согласно расчетам, сделанным инженером Л. Д. Гудриным еще в 1989 г., удивительно компактный источник энергии мощностью 10 киловатт, работающий от батареек, как карманный фонарик, на 100 мл тяжелой воды в течение трех лет непрерывно. Стоимостью (в ценах 90-х г.) несколько сотен рублей. Каждый потребитель энергии, в том числе и каждый из нас в своей квартире, приобретает свойство полнейшей автономности. Линии электропередач отправляются в металлолом. Демонтируются электростанции всех типов. Автомобили годами бегут без выхлопа и заправки. Электропоезда без проводов тащат составы. Сбываются мечты Д. И. Менделеева: мы прекращаем "топить ассигнациями", т. е. варварски сжигать нефть и газ, чем, конечно же, улучшаем состояние атмосферы и всей окружающей среды. Происходят глобальные изменения в мировой экономике и политике. Т. н. развивающиеся страны, наконец, достигают уровня развитых. Человечество объединяется на пути созидания и прогресса...

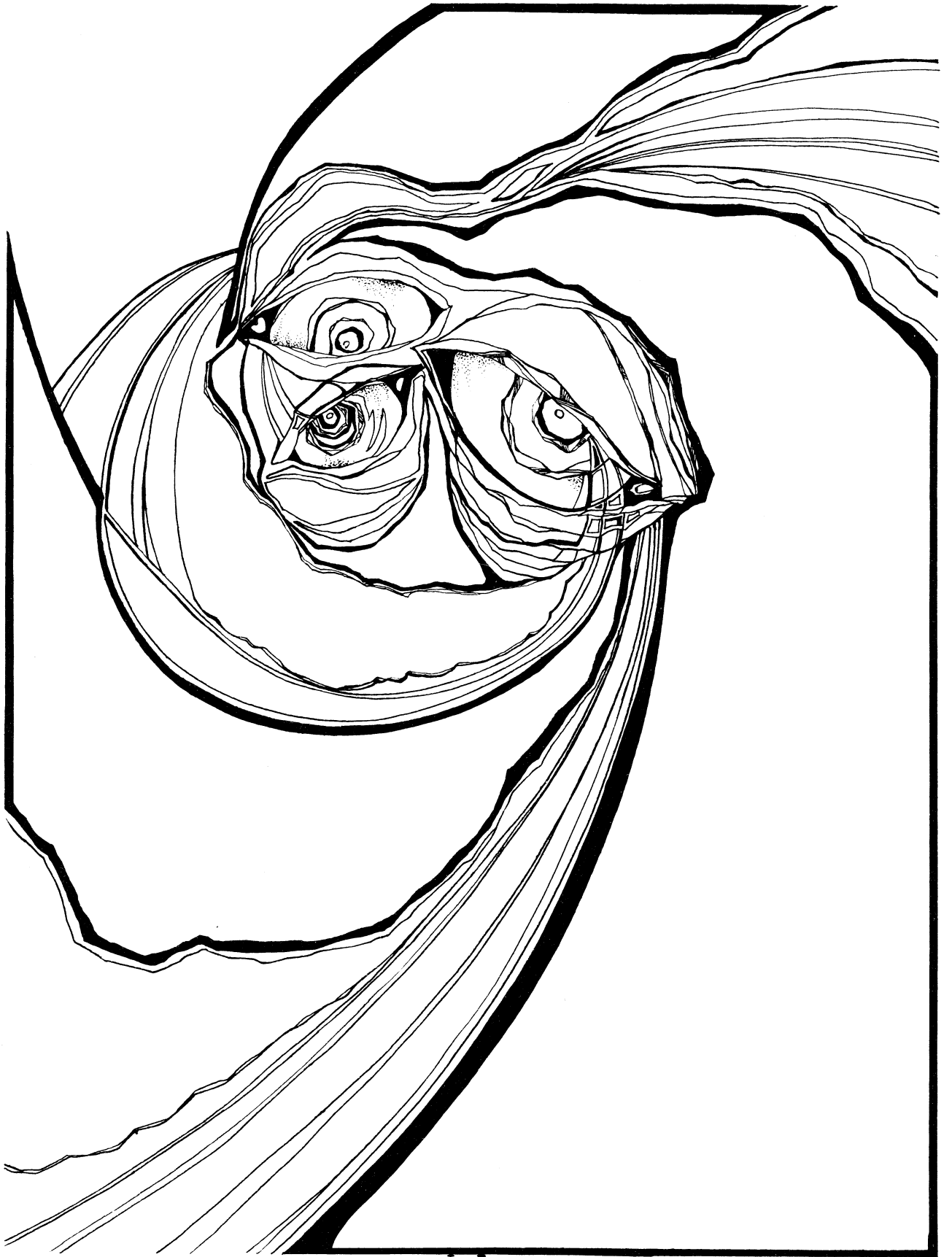
А может быть, и не так. Почему бы не пофантазировать с обратным знаком? Что-то еще скажут военные? Как насчет нейтронного ружья, абсолютно бесшумного и с великолепными прицельными качествами — стреляет-то безо всякой отдачи?

Мы с Кабиром Ахметовичем уже сейчас пожалели, что даром отдаем японцам байкальскую тяжелую воду. А что, если XXI век станет веком борьбы за контроль над запасами этой самой воды в мировых масштабах?

Да нет, это было бы слишком глупо. Разве не хватит на всех?

А разве мало глупостей в истории следовало в качестве второго дымного шлейфа за блестящими взрывами интеллекта? Так что поживем — увидим.

Президиум апплодировал, но все-таки пока что — сидя.

АЭЛИТА-94

— Случайно услышали: будто бы стояло село, а потом пропало, как Китеж-град, — ответил он, невольно подстраиваясь под неторопливую, размеренную речь старика. — Решили узнать: правду говорят, или сказка? А мы старые песни собираем, записываем. Где же еще старые песни остались, как не в Белозере?

— В каждом селе свои песни, — усмехнулся старик. — Зачем вам чужие? Или не поют уже в Москве?

— Поют, да все новые, иностранные. А свои забыли давно.

Эти слова старик принял и кивнул утвердительно.

— Ну что же, — сказал он. — Слушайте, коли охота есть... Тесновато у нас только. До Троицы у Еремея в запечье поживете, а по теплу и на сенике можно. А там — хотите, избу рубите, мужики помогут, не хотите — вон на задворье сараюшка, печуру сложите и живите с Богом...

— Какая изба? — насторожился Рубль. — Погостим недельку — и обратно.

— А вот обратно от нас дороги нет, — развел руками старик.

— То есть как это? — опешил Лева. — Мы свободные люди! Вы права не имеете нас задерживать! Нам искать будут! Десять вертолетов! Если через неделю не вернемся — всю тайгу по деревцу прочешут. Скажи им, — толкнул он Бегуна. — Мы в Рысьем заранее предупредили: если через неделю не появимся — ищите в этом районе!

Старик терпеливо слушал, кивая.

— Взаперти мы вас держать не будем, — сказал он, когда Лева выдохся. — А только пока вы в лихорадке лежали — болота разошлись, на все четыре стороны. Теперь, пока снова не станут той зимой — ни для кого хода нет, ни сюда, ни отсюда. А там — идите, коли хотите. Вот только провожать некому. Погибать будете — себя вините...

Рябятишки, дожидавшиеся у крыльца, с восторгом наблюдали, как Бегун тащит обратно пьяного Рубля.

— Во влипли, е-мое! — причитал Лева, озираясь. — Это что, до конца жизни тут под елочкой куковать? Твоя была идея — думай теперь, как отсюда выбираться...

— Сказали же тебе, до осени нет дороги. Спасибо, что живыми остались.

— Воздушный шар сошьем, улетим к едрени матери... Или запалим деревню — может, пожарники прилетят? Там футбол в июле, чемпионат мира — четыре года ждал, а тут на сто верст ни одного телевизора... Девушка, у вас случайно телевизора нету в горнице?.. Да что телевизор — сортира нет, не изобрели еще, жопу еловой веточкой подтирать будем!.. Дурят вас, братва! — заорал он. — Там цивилизация, там люди в космос летают, в кабаках сидят, а вы тут при лучине тухнете!.. — Он врубил приемник и поднял над головой как доказательство.

Селяне с радостным смехом сбегались посмотреть на них.

— Кончай дурака валять! — Бегун с досадой тянул его с глаз долой.

— Я вам правду открою! — упирался Рубль. — Я тут революцию подниму!

Проснувшись утром, Бегун вышел на крыльцо и встал, блаженно шурясь на первые солнечные лучи, пробившие хвою. Покой и тишина царили в этом мире, в чистом утреннем воздухе каждая травинка, самая дальняя веточка были очерчены удивительно ясно и объемно, будто упала с глаз мутноватая, съедающая краски пелена. В гулкой глубине леса перекликались птицы.

Между избами бродила домашняя живность, необычная, как само село: поджарые клыкастые свиньи и длинноногие резвые козы — должно быть, дальние предки их прибыли сюда с Белого Озера и нагуливали потомство в лесу, с дикими собратьями. Вместо кур копошились в земле и сидели на нижних ветвях сосен черные хвостатые глухари. Дремали на солнышке мирные звенкийские лайки. Одна подошла и села у ног Бегуна — чужих людей здесь не бывало, любой человек был свой, хозяин.

Появился Рубль, отпил ледяной воды из бочки у крыльца, плеснул в лицо и бодро крикнул:

— Хороша можжевелька! Экологически чистый продукт: ни тебе абстиненции, и жить хочется, как никогда... А где пейзане? — огляделся он.

— В церкви, наверное. Пойдем...

В тесном храме собралось все село, яблоку негде было упасть. Когда Бегун отворил дверь, огоньки свечей вздрогнули и заметались. В толпе пронесся шепот, озерчане раздался в обе стороны от них. Бегун трижды перекрестился, отбил поклон и прошел ближе к алтарю.

Стены храма были на века сложены из мощных бревен, иконостас обвивала затейливая резьба. По центру, над царскими воротами, висел оплечный Спас. Это была удивительная, суровая икона. Это был Иисус, пришедший не с миром, но с мечом, не прощать, а судить. Бескровные губы его были жестко сжаты, а огромные яростные глаза встречали каждого входящего и следовали за ним, в какой бы угол ни пытался забиться человек, они проникали прямо в душу, прожигали насквозь — этот лик явился не из глубины веков, а из будущего, чтобы напомнить о скором и неизбежном судебном деле, когда живые будут завидовать мертвым.

— Спас Ярое Око! — сдавленным голосом прошептал Рубль. — Бегун, скажи, что я не сплю.

— Тихо... — не оборачиваясь, прошептал Бегун.

— Господи, верю в тебя! — истово перекрестился Рубль. — Это же миллион гринов на "Сотбисе"! Я плюну в рожу тому, кто даст на доллар меньше!

— Заткнись! — прошипел Бегун.

Священник, стоявший на амвоне, дождался, пока стихнет в толпе прихожан шепот и прекратятся оглядки на чужаков, и продолжал проповедь:

— ...И пришли в тот черный год на Белое Озеро воины Антихристовы, восставшие из ада, в черном одеянии, с мертвыми глазами и страшные ликом, и пошли по селам, глумясь над народом нашим, над верой нашей. Посшибали кресты с храмов наших, а в самые храмы ввели коней своих, а огонь в печи разводили

Святым Писанием, и собрали иконы и иные святыни наши на продажу и посмеяние иноверцам. И поселились в домах наших, и надругались над женами нашими, и истребили отцов на глазах у детей, а самих нас согнали в овин со скотиной вместе. И в ночной молитве возопил я: "Господи Иисусе Христе, ты учил нас смирению, но доколе терпеть нам?" И спустился ко мне ангел небесный, скорбен ликом, в окровавленных ризах, и сказал: "Идите и возьмите святыни наши". И явил Господь чудо: мертвый сон скрепил глаза и уши стражникам, и запоры отпали сами собой, как стружья с рапы...

— Красиво излагает, — прошептал Рубль. — Чекисты, видно, ужрались на халяву, а они доски под мышку — и чесанули в глухомань...

— И сказал мне скорбный ангел: "Уведи паству свою из земли, поруганной Антихристом". "Куда идти? — спросил я. — Ведь топи кругом". "Идите, — сказал ангел. — Ярое Око укажет вам путь". И явил Господь второе чудо, и прошли мы с молитвой по топи блат, яко посуху, а когда войны Антихристовы, восстав ото сна, кинулись по следу нашему, как собачья свора, — разверзлись под ними смрадные топи и поглотили их без следа...

— Запетляли, бедных, как нас с тобой, а сами по охотничьим тропам... — комментировал Рубль.

— А когда на седьмой день, ослабевшие силами и гладные, забылись мы сном, в третий раз спустился ко мне ангел и сказал: "Останьтесь здесь и срубите храм во имя Спасителя вашего, и срубите село и назовите его Белозеро взамен покинутого, и живите в мире. За терпение ваше, за веру вашу отметил вас Господь особой милостью, и продлите вы род человеческий". И сказал ангел: "Не на время, а на долгие годы пришло воинство Антихриста на многострадальную землю русскую. Забудут люди веру свою, а если и вспомнят Господа, то будет эта вера слаба, как дерево с отсеченными корнями, — хоть и зеленеет по весне, но умирает с первым утренником. Забудут люди предков своих, перестанут чтить отца своего и мать, а тако же дети их самих оставят в старости. Забудут люди землю свою, и станет земля отравлена и будет родить отравленный хлеб. Забудут люди язык свой и песни свои и не смогут сказать ни о печали, ни о радости своей. Забудут люди труд свой и оставят свой труд машинам, и станет машина сильнее человека"...

— Ангел-то как в воду смотрел, — усмехнулся Рубль.

— "...И станут люди злы без веры своей, без предков своих, без земли своей, без языка своего, без труда своего. И тогда уже явится на Русь сам Антихрист, и начнут люди истреблять друг друга и истребят без остатка, а последние задохнутся в смраде отравленной земли. И тогда вострубят трубы, и поднимет Господь мертвых для Страшного суда". И сказал ангел: "Храните веру свою, землю свою, язык свой, трудитесь своим трудом, и когда очистится земля от Антихриста и изойдет смрад его, явлюсь я снова — не вам, и не детям вашим, а детям детей ваших или их детям — и поведу заселять землю и продолжать род человеческий.

Аминь". Вознесем же молитву Господу нашему Иисусу Христу за великую милость его!..

В толпе прихожан Бегун увидел Неждану в низко повязанном платке. В полумраке церкви светились ее глаза, огромные, восторженные, она не замечала его взгляда, ничего вокруг, она разговаривала с Богом и слышала ответ на свою молитву. Бегун невольно засмотрелся на ее лицо, не лицо — лик, лучащийся мягким чистым сиянием, какое видел он только на досках великих безвестных иконописцев...

Он обратил глаза к Спасителю и начал повторять слова молитвы, но ответом ему был только немой яро- стный взгляд, под которым хотелось потупиться, ук- рывшись за спинами, бежать прочь.

Голой по пояс, в лаптях под короткими портами, Бе- гун мотыжил землю на опушке. Земля здесь возделы- валась давно, была освобождена от мха и корней, удоб- рялась золой от сжигаемых тут же дровен, и все же оста- валась таежной, иной, чем в центре России, в тех об- ластях, которые прочесал Бегун вдоль и поперек, не- привычной к репе, моркови и другим овощам — будто мужику с задубевшими негнушимися пальцами поручи- ли тонкую работу, вставить нить в игольное ушко.

Кроме овощей на разбросанных в тайге полях-опуш- ках сеяли рожь, ячмень, лен. Из осторожности, чтобы не навести случайного путника на село, поля была уда- лены километров на пять. Крупного скота — ни лоша- дей, ни быков — в Белозере не было, работали мотыгой и заступом, а бороны таскали впятером.

Бегун шел с краю, вдоль леса, рядом работали озер- ские бабы и девки — не так замашисто, как он, хоть мельче, но проворнее: он с непривычки вместо того, чтобы пушить землю, выворачивал громадные комья и принимался кромсать их. Солнце горело над головой, густо пахло смолой от горячих сосновых стволов, пот ручьями лился по спине, так что промокли, потемнели под поясной веревкой порты.

Из лесу пъявился Рубль в джинсах и фуфайке, в зимних ботинках — он упорно не желал менять мос- ковский наряд на холстину и лапти, — выше колен за- лепленный жидкой грязью с зелеными ключьями тины.

— Ты откуда такой красивый? — спросил Бегун.

— На восток тоже болота, — безнадежно махнул он рукой назад. — Не соврал поп — мы тут, как на ост- рове... Прикурить дай. Газ кончился, — он пощелкал зажигалкой.

— Выбрось, — посоветовал Бегун.

— Ты что?! — возмутился тот. — "Картье"!

Бегун вытащил из подвешенного к поясу кисета ог- ниво и кремень, ловко запалил кусок березового трута. Лева прикурнул громадную, рассыпающуюся в руках са- мокрутку, с омерзением втянул тяжелый белый дым.

— Курить, что ли, бросить? Этой отравой только де- монстрации разгонять... — он отошел и прилег в тень- ке, прижав к уху приемник. Он слушал его на самой малой громкости и только новости и футбол, чтобы мед- леннее сажать батарейки.

— Да, Бегун! — крикнул он. — В парламенте опять импичмент обсуждают! Во дела!

— Лева, пора забывать некоторые слова, — ответил Бегун, снова берясь за отполированное до костяного блеска древко мотыги, — "парламент", "Картье"...

— Не дождешься!

— Веселее, бабоньки! — крикнул Бегун, разогнувшись на минуту утереть локтем лицо.

Те засмеялись, они с любопытством поглядывали на него — непривычно было видеть мужика, хоть и такого нескладного, за бабьей работой. Свои, озерские, от мала до стара охотились, порой по неделе пропадали в тайге. Малыши ловили рыбу прутьяными мордами в болотных протоках, а закинув морду, играли в бабки или конопелю — там Бегун был и вовсе лишним.

Иногда кто-нибудь из охотников шел мимо поля с берданкой и крошнями — заплечными носилками, плетеными из прутьев и бересты, похожими на венский стул без ножек. Он неизменно приветствовал баб:

— Зароди Бог на всякие души!

На что те кричали хором:

— Дай Бог! И тебе ни пуха, ни пера, ни шерсти клока!

Неждана в легком платье, бесформенной кофте и подобранной спереди юбке, обнажившей плотные сильные икры, без устали ходила к озерцу и обратно с коромыслом через плечо. Бегун провожал ее взглядом, смотрел, как крепко ступает она босыми ногами по неровной земле, взбивая подол коленями, одна рука вдоль коромысла, другая с прямыми пальцами в сторону. Она не держала твердо тяжелое коромысло на плече, а как бы уплывала из-под него, прогибаясь всем телом, так что вода в ведрах стояла неподвижно. Она чувствовала его взгляд, и каждый раз, проходя мимо, опускала глаза и смотрела под ноги, с трудом удерживая улыбку. Иногда ее останавливали бабы — выпить и намочить платок.

— Неждана, — наконец окликнул ее Бегун. — Неужто опять меня обнесешь?

Она подошла, по-прежнему не поднимая глаз, поставила ведро:

— Пейте, не жалко... — и быстро, искоса оглянувшись на баб.

— Неждана... Кто ж тебя не ждал?

— Знаю, отец с матерью, — пожалала она плечами. — Им седьмой десяток уж был, годов двадцать никто не родился, а тут я... Вот и получилась Неждана-Негадана... Крестили Марией, а все одно по-домашнему кличут.

— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать весной было.

Выглядела она намного старше — рослая, с высокой грудью, женскими округлыми плечами. Вообще, возраст в Белозере определялся не по годам, а просто — девка, баба, старуха.

— Красивая ты. От женихов, наверное, отбою нет?

— Что это? — не поняла она. — Я просватана давно.

— Когда ж ты успела?

— Да годов с десяти, — опять пожалала она плечами. Как Бегуна удивляли ответы, так она удивлялась вопросам. — У нас все просватаны. Дарья вон за Петра нашего. Грушка, — указала она на тонконогую, тощую

девчонку лет двенадцати, — за Луку... Но им не теперь еще, а я после Покрова уже замуж пойду.

— За кого?

— За Еремея.

— Вот как?... — сказал Бегун. — Значит, ты Еремея любишь?

— Чудной вы, — снова удивилась она. — Кто ж меня спрашивал? Как родители решили... Он хороший и меня сильно любит. Только... он и раньше не много говорил, а теперь и вовсе смотрит да кивает. Я, вроде, теперь и за него и за себя говорю.

— Так я угадал? Он не всегда немой был?

— Какой он немой? Он гонец.

— Гонец?

— Ну да. Кто от нас туда, — махнула она рукой за лес, — ходит, тот обет принимает, молчит до самой смерти. Дабы не осквернять уста свои и уши наши именем Антихриста, — заученной скороговоркой сказала она и перекрестилась.

Бегун отпил воды, плеча на грудь через край, но не отдавал ведро, чтобы удержать ее. Неждана уже несколько раз поглядывала на баб, говорила она с охотой, но тяготилась, что у всех на глазах.

— А против родительской воли нельзя?

— Самокруткой? Нет, — засмеялась она. — Только раз, говорят, было, давно: на праздник, как народ перед храмом собрался, — взялись за руки и упали батюшке в ноги. Он благословил, но на высылки велел идти в лес: сами решили, сами и живите. Когда детей народили, тогда уж и родители простили, обратно взяли.

— А если вдруг влюбиться — что делать будешь? — не отставал Бегун.

— Нет. Нельзя мне, — покачала она головой. — Как просватали — поздно уже.

— Ну, а если не просватана — что у вас говорят, когда любят?

— Ничего не говорят. Венок на Купалу бросают... — торопливо сказала она, опять оглянувшись. — Вы ведро-то отдайте, идти мне надо.

Она присела и подцепила ведро на коромысло. Отойдя, приснула, прикрывая рот ладонью, — напоказ, как бы снимая с себя вину за долгий разговор с чужаком.

В темноте противно запищали мотив "Боже, царя храни" электронные часы на руке. Бегун с трудом разлепил глаза и сел на скамье. Он, хоть и ложился с закатом, но никак не мог сам подняться до солнца — сказывалась многолетняя московская привычка к полуденной жизни. У Еремея его будили голоса в избе и грохот поленьев, брошенных к печи, но месяц назад они с Левою перебрались в безоконную, с черной печью сараюшку на задворье, где в морозы отогревали поросят.

От тяжелой работы ныли суставы, каждая косточка, он едва разгибал по утрам одеревеневшую спину. Сев закончился, и тут же, на другой день начался сенокос на болотистых лугах, и Бегун, оставив мотыгу, принялся осваивать короткую верткую косу-горбушу.

— Что ж тебе нейдется... — пробормотал Рубль. — Ляг, доспи. Опоздаешь — не уволят.

— Нельзя, Лева. Лето зиму кормит, — поучительно ответил Бегун.

Он распахнул скрипучую дверь, умылся ледяной водой из бочки, почистил зубы толченым липовым углем с мятой.

Просыпалось Белозеро, курился дымок над трубами, но на улице было еще безлюдно, только выскакивали на двор в одних рубахах ребятишки — с ведром за водой или по иной нужде.

Бегун увидел, как из поповского дома вышла Неждана, уже одетая для работы, но направилась не к болоту, а в лес. Он обогнул село по задворкам, чтобы не маячить перед окнами, с которых летом снимали промасленную холстину, и крадучись пошел следом.

Неждана легко шагала впереди, что-то негромко напевая про себя, глубоко приминая босыми ногами мох. Тяжелая белая коса раскачивалась за спиной, платок лежал на плечах — в отличие от баб, с утра до ночи туго, по брови затянутых платком, а в праздники — подволосником, девки покрывали голову только в храме да под палящим солнцем. Она вышла на просторную поляну, заросшую высокой травой, и встала, глядя в небо, ожидая чего-то. Бегун тоже остановился в десяти шагах сзади, хоронясь за деревом.

Солнце прострелило густую хвою, и поляна вдруг вспыхнула, засветилась холодным голубоватым сиянием — сперва узкая полоса у леса, потом все шире и ярче. Вокруг каждой росинки играли, кружились острые радужные лучи. Неждана ступила в траву, широко провела ладонями по верхушкам, собирая росу и умывая лицо:

— Роса на лицо — краса на лицо... — несколько раз повторила она, и вдруг резко обернулась.

Бегун снова отступил за дерево, но она, видно, заметила, потому что так же быстро глянула в сторону села и быстро пошла, — но не к Белозеру, а дальше, — оставляя за собой яркий зеленый след от сбитой ногами росы.

Отойдя немного, чтобы не столкнуться ненароком с бабами, идущими к полю, она принялась обрывать высокую траву, выискивая ее в густых зарослях крапивы. Бегун подошел ближе.

— Что ж вы ходите за мной? — беззлобно спросила Неждана, не оглядываясь.

— Зачем росой умываешься? — сказал он. — Красивей уже не бывает.

— А вам-то что? Все одно не про вас, — ответила она без досады и без кокетства, как нечто само собой разумеющееся.

— Что собираешь?

— А вы что же, не видите? Или трав не знаете?

— Ну, кое-что знаю. Крапиву, лопух... А ты меня научи.

— Как же вы там живете? — удивилась Неждана. — Не знаете, по чему ходите... Это девясил, — показала она острый лист, войлочный с изнанки и гладкий сверху, изогнутый, как вываленный из пасти собачий язык. — Его с первым солнцем, по росе собирать надо, пока он силу не растерял. Самая сильная трава. В нем девять сил... А если в венки на Купалу его приплести, то, ко-

му бросишь, никуда от тебя не денется — его девять сил держать будут...

— Осторожно, крапива! — указал Бегун.

— Ну и что? — Неждана спокойно оборвала и бросила ворсистый крапивный куст. — Ладонью брать надо — желву не прожжет.

— Мозоли? — догадался Бегун. — А покажи-ка руку... — он взял руку Нежданы — вся ладонь от кончиков пальцев до запястья была покрыта жесткой, плотной бесчувственной кожей, можно даже было постучать по ней ногтем, как по кости.

Он слишком уж долго держал ее ладонь, потому что Неждана вдруг вспыхнула, вырвала руку и пошла дальше. Через несколько шагов виновато глянула на него — не обиделся ли он на резкость.

— А это что у вас? — спросила она и сама взяла его руку.

— Часы.

— Железные. И стекло тут... — она с детским любопытством разглядывала старый, потертый по углам "Ситизен". — А там цифирь... Зачем это?

— Как зачем? Чтобы время знать, — против воли удивился Бегун.

— Вот нужда веригу таскать! — пожалала плечами Неждана. — Я и по солнцу вижу... — она отвернулась, ища глазами острые листья девясила, и вдруг сказала, стараясь, чтобы вышло как бы между прочим: — А у вас там, поди, жена есть?..

— Нет. Сын только... Павел...

— А жена что же, померла?

— Нет, мы развелись.

— Как это? — не поняла Неждана.

— Ну... она не захотела больше со мной жить и ушла к другому человеку.

Неждана изумленно, недоверчиво смотрела на него.

— И что же... и в глаза ей не плюют? И земля ее носит?

— Но если она меня больше не любит...

— Так должна любить, если жена, кого бы Бог не послал... Тьфу, Антихристово племя! — она в сердцах перекрестилась.

— Знаешь, когда я сюда летел... — начал Бегун.

— Как — летел? — засмеялась Неждана. — На помеле, что ли?

— Зачем? Просто — на самолете. С крыльями, — показал Бегун руками.

— По воздуху? — Неждану распирал смех.

— По воздуху.

Она захохотала, откинув голову:

— Вот наградил Бог: один немой, а другой — лучше б немой, говорит невесть что!

— Послушай, — сказал Бегун. — В том мире есть много вещей, о которых ты не знаешь...

Лицо ее мгновенно окаменело, она отпрянула, закрывая уши ладонями:

— Нет! Нет! И знать не хочу!

— Да послушай, я только...

— Не слушаю! Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную! — она истово перекрестилась.

— Ну хорошо, хорошо, не буду больше... Я только хотел сказать, что когда я сюда... добирался, я думал

— на месяц, на два. Павлик меня ждет, не знает даже — жив я или нет...

— Тоскуешь? — понимающе кивнула Неждана.

— Конечно.

— Я заговор от тоски знаю. Поторяй: "Крест, крестом крест, человек родися, крест водрузися, и сатана связяся, Бог прославися..." — скороговоркой зачастила она.

— Нет, — сказал Бегун. — Получается, что я его предаю. Он обо мне думает, а я от него заговариваться буду... Я сюда его хочу привезти, а больше мне ничего и не надо...

— Отец Никодим сказал — если вы уйдете, то обратно не вернетесь.

— Вернись. Вот крест, — Бегун перекрестился, — что вернись!

— Он сказал — не вернетесь... — покачала головой Неждана. — Пойдемте, пора уже. Бабы меня хватятся... Только сперва вы идите, а потом уж я. А то в тот раз бабы Петру донесли, он меня за волосы таскал, что к вам подошла. И молиться до ночи поставил...

— Это брат твой?

— Сестры сын... Вы его бойтесь, — вдруг перешла она на быстрый шепот. — Он злой. Когда Еремей вас притащил, он против был, говорил, что обратно в лесу бросить надо. Это отец Никодим вас спас, он один над ним власть имеет... Ну, идите...

Бегун двинулся было в лес.

— Да не туда! От солнца идите... Как же вы у нас жить будете, если в трех соснах плутаете, — засмеялась Неждана.

Постепенно Бегун втянулся в работу, уже не мучался по ночам от ломоты в суставах. Перестал носить часы, действительно бесполезные здесь, где время не дробилось на минуты, на деловые встречи, на условленные сроки, а текло с восхода к закату, из семени в стебель, от весны в лето, и праздники или какие-то иные события были не остановкой, за которой начинался новый отсчет, а как бы чуть заметными изгибами ручейка времени.

Впервые Бегун ощущал себя абсолютно здоровым, умиротворенным и, если бы не мысли о сыне, он бы мог сказать, что счастлив. Он помолодел, хотя и зарос дремучей бородой. Жизнь Белозера, несмотря на ежедневный тяжелый труд, — не ради достатка и благ, а за само существование на белом свете — была по-детски беззаботной, отношения по-детски наивными — все на виду, на миру, безо всякой задней мысли, и вера в Бога была детской — не иступленное поклонение мистической силе, какое встречал Бегун в затерянных в псковской и новгородской глухомани селах, а вера ребенка во всеиллие и мудрость отца.

Еще раз ему удалось встретиться с Нежданой наедине — улучив момент, она сама ушла в лес, зная, что он пойдет следом. И говорить-то как будто не о чем: про себя Бегун рассказать не мог — стоило ему упомянуть *тот* мир, как она затыкала уши, его жизнь для Нежданы начиналась с весны, с его появления в Белом

Озере; а про себя ей сказать было нечего, каждый год из ее шестнадцати был похож на этот.

Бегун расспрашивал про сельчан, про травы, а потом просто шли рядом, с любопытством поглядывая друг на друга и каждый раз улыбаясь, встретившись глазами. Бегун подумал, что они как Адам с Евой, только что созданные Богом, — люди без прошлого, когда волнуется и притягивает не то, что человек думает, знает или пережил, а как ступает, хмурится или смеется, как смотрит и что видит, глядя на тот же цветок, что и ты. Хотя, впрочем, Ева не была просватана за другого...

Озерчане уже привыкли к Бегуну, уже почти приняли за своего, кроме Петра, который хмуро смотрел сквозь него и не отвечал на поклон при встрече. От Рубля сторонились. Тот дни напролет валялся на солнышке со своим приемником.

Вернувшись однажды домой, Бегун застал его в расстроенных чувствах. Лева лежал на лавке, глядя в низкий прокопченный потолок.

— Чего закис?

— Батарейки сели, — уныло кивнул Рубль на молчаливый приемник.

— Трагедия... — усмехнувшись, согласился Бегун. — На печи подержи — еще протянут немного.

— Держал уже... Чемпионат мира через месяц — думал, не увижу, так хоть послушаю... — Лева, похоже, разрядился вместе со своими батарейками — оборвалась последняя ниточка, связывающая его, хоть и в одну сторону, с большим миром.

— Иди работать, — посоветовал Бегун. — Сдохнешь ведь от скуки.

— Не дождется! — гордо ответил Рубль. — Требую считать меня военнопленным. И кормить согласно Женевской конвенции.

— Пока что я тебя кормлю, — Бегун выложил картошку, присоленную рыбу, грибы, ссуженные ему сердобольными бабами. — Слушай, ну неужели не интересно тебе? Мы в другой век попали, без машины времени! Это же настоящее все! Купала сегодня, праздник будет. Не маскарад, актерский, дешевый — настоящий Купала!

— В Москву хоч. К девушке Тамаре.

— Тыфу, твою мать!.. Ну, вырвешься ты отсюда рано или поздно — ведь не увидишь больше такого!

— И слава Богу, — меланхолично отозвался Рубль.

— Тихо... — Бегун прислушался. — Началось!

По селу разнеслась песня — парни и мужики кликали, переходя от двора к двору:

Девки, бабы —
На Купальню!
Ладу-ладу,
На Купальню!
Ой, кто не выйдет
На Купальню,
Ладу-ладу,
На Купальню!
Ой, тот будет
Сух колода!
Ладу-ладу,
Сух колода!

А кто пойдет
На Купальню,
Ладу-ладу,
На Купальню!
А тот будет
Бел береза!
Ладу-ладу,
Бел береза!

— Пойдем! — Бегун поднял Рубля с лавки и потащил за собой из избы. — А то засохнешь, в самом деле, как колода!

На дворе была уже ночь. Празднично одетые девки, бабы и ребятишки, обгоняя их, бежали к костру, который просвечивал сквозь деревья. Костер разложен был на пригорке: в середине высокий сырой кол с развилкой на конце, в которой сидела сама Купальница — чучело из ветвей, переплетенных лентами, с руками и головой, вокруг кола горел хворост.

Бегун с Рублем стали поодаль, у подошвы пригорка. К купальному костру собралось все село, кроме отца Никодима и других самых древних стариков и младенцев. Девки были в венках из цветов и зеленой травы на распущенных волосах, в руках каждая держала соломенные жгуты, прихваченные из дому. Все двинулись кругом огня, притоптывая поочередно одной ногой и другой:

Как на горушке, ой, на горы,
На высокою на крутой,
На раздольницы широкой —
Там горит огонь высокий.
Как у том огню жгли три змеи:
Как одна змея закликуха,
Как вторая змея заползуха,
Как третья змея веретейка.
Закликуха-змея ягнят закликает —
Ея в огонь!

Девки и бабы подскочили к костру и бросили шумно, как порох, вспыхнувшую еще над огнем солому.

— Заползуха-змея заломы ломает —
Ея в огонь!
Веретейка-змея зажин зажинает —
Ея в огонь!..

Когда было покончено со всеми тремя змеями, карогод рассыпался, раздался лихой свист — и Еремей с Петром, толкнувшись издалека, махнули первыми через костер, по обе стороны кола. Следом стали прыгать попарно остальные — парни с посвистом, у самого кола, пытаясь дотянуться до Купальницы, девки с визгом, подбрав юбки, — с краю, где уже. Прыгнула с кем-то Неждана — длинные распущенные волосы ее, багровые от огня, волной перелетели следом. Прыгали даже старики со старухами, мелко семена на разбеге, и ребятишки. Кто не перетягивал через костер, ступал в огонь — принимался под общий смех приплясывать, топтать по траве, стряхивая с лаптей угли.

— Ой, кто не прыгнет
За Купальню
Ладу-ладу,
За Купальню,

— рябой, рыжий Лука встал перед Бегуном, раскинув руки, приглашая к костру.

— Ой, тот будет
Сух колода!

— тотчас подхватили остальные.

— Нечистая сила купального огня боится, — усмехнулся Петр.

— Давай! — азартно кивнул Бегун Леве.

— Всю жизнь мечтал. Иди-иди, потешь папуасов! — отмахнулся тот. Его раздражало чужое веселье.

— Да черт с тобой! — Бегун отошел подальше, качнулся, потирая ладони, примеряясь. За огнем не виден был дальний край костра. Он разбежался, толкнулся изо всех сил под одобрительный гул, — в лицо ему ударила снизу раскаленный воздух, — и встал далеко за костром, по-мальчишески гордый собой.

Началась новая песня, карогод двинулся вокруг костра:

Ай во поле,
Ай во поле липинка,
Под липою,
Под липою бел шатер.
В том шатре,
В том шатре стол стоит,
За тем столом,
За тем столом девица...

Из карогода к костру вытолкнули тощую Грушку.

Рвала цветы,
Рвала цветы со травы,
Вила венок,
Вила венок с городы...

Грушка сняла венок и ходила против карогода, с детской прилежностью показывая, как она рвала цветы и плела венок "со дорогим яхонтом".

Кому венок,
Кому венок износить?
Носить венок,
Носить венок старому...

Карогод остановился, старики и женатые парни вышли к Грушке, прося отдать венок. Она спрятала его за спину.

Старому венок,
Старому венок не сносить,
Мою молодость,
Мою молодость не связать!

Старики вернулись на место, снова начался запев про липинку во поле и про девицу в шатре.

Носить венюк,
Носить венюк милому,
Милому венюк,
Милому венюк износить...

В круг вышли парни, они не просили венюк, а пытались выхватить его из рук у Грушки, та с радостным визгом носилась кругом костра, как бесенок, пряталась бабам за спины, дразнилась языком. Лука до поры до времени не лез вперед, да и парни не слишком усердствовали.

Милому венюк износить,
Мою молодость,
Мою молодость содержать!

Грушка наконец бросила венюк Луке, тот надел его, наклонился — Грушка была на две головы ниже, — и они неумело поцеловались вытянутыми губами, руки по швам, отчего Грушка залилась густым стыдливым румянцем. Они встали рядом, и песня началась с первых слов.

В круг вышла Неждана. Она не прыгала козой, как Грушка, а мягко ступала, покачивая бедрами, с улыбкой быстро пробегая глазами по освещенным костром лицам в карооде, будто действительно выбирая, кому отдать венюк. Не отдав его старикам, она пошла быстрее, а когда к костру вышли парни, побежала, увораживаясь от них, то поднимая венюк над головой, то перекладывая за спиной из одной руки в другую, то в карооде, то вокруг. Еремей, как и Лука, хотя и участвовал в игре, но пока оставался за спинами, смотрел на Неждану, счастливо улыбаясь.

Милому венюк износить,
Мою молодость,
Мою молодость содержать!

Неждана не бросила венюк и не остановилась, она бежала все быстрее, так что волосы летели за спиной, захлестывая ей лицо, когда она кидалась обратно, игра продолжалась, карооде тотчас начал повторять последние слова, тоже все скорей и скорей, торопя ее:

Носить венюк,
Носить венюк милому,
Милому венюк,
Милому венюк износить...

Парни уже сами расступались, пропуская к Еремею, тот подошел ближе, но Неждана с хохотом пронеслась мимо него, спрятав венюк за спину, и снова выбежала за карооде.

Милому венюк износить,
Мою молодость,
Мою молодость содержать!..

Неждана внезапно на всем бегу стала против Бегуна и бросила венюк ему в руки — тот от неожиданности едва успел подхватить.

Песня оборвалась, ахнули бабы, и все замерли на мгновение, только красные языки костра плясали по-прежнему, пытаясь достать до Купальницы. Неждана поблднела и схватилась ладонями за щеки, сама испугавшись того, что натворила. Бегун растерянно глянул на венюк: между цветами вплетены были острые листья девясила.

Первым опомнился Петр, он вырвал венюк из рук Бегуна и швырнул его в огонь, схватил Неждану за волосы и, пригнув ей голову, поволок в темноту, к Белозеру.

— Поздравляю, — ухмыльнулся Рубль. — А ты тут, оказывается, времени зря не теряешь?

Карооде распался, бабы собрались вместе посудачить, мужики тоже перешептывались, поглядывая на них. Еремей стоял один, понурившись. Старики, осуждающе качая головой, погнались ребянтю от костра к селу.

Бегун стоял столбом, не зная, что делать. Защитить Неждану он никак не мог и уходить тотчас, под косыми взглядами, нельзя было.

Вернулся Петр, с полпути, видимо, отправив Неждану домой. Он прошел у костра вперед, раздувая ноздри, оглядываясь на замерших озерчан.

— Ну что, мужики? — крикнул он. — Хватит карооде с бабами водить? А, парни? Потешимся, кулаками помашем? — его крутило всего от злобы. — Кто со мной на кулачки пойдет? Ну, есть тут храбрецы?

Никто не двигался с места, понимая, к кому вызов.

— Ну, кто тут таков храбрец, что чужие венки ворует, на чужих невест смотрит? — он остановился против Бегуна.

— Достал, козел... — пробормотал сквозь зубы Рубль и принялся стаскивать куртку. — Ну, я пойду!

Бегун попытался остановить его, но Лева только отмахнулся:

— Да брось, у меня красный пояс в шато-кане. Я его уделаю, как Бог черепаху! Видеть не могу эту харию!

Он вышел к костру и бросил назад куртку, оставшись в футболке с голой Мадонной на груди. Петр скинул рубаху. Злоба одного и давно копившееся раздражение другого нашли, наконец, выход.

Озерчане стали широким кругом, освободив место для них. Петр перекрестился, и бой начался.

Рубль встал в низкую стойку — среди зрителей пронесся удивленный гул, — Петр, примеряясь, подступил к нему боком, размахнулся. Лева поставил блок и тотчас нанес резкий прямой удар, рассчитывая, должно быть, что на этом бой и закончится. Но Петр как-то пьяно, небрежно махнул рукой — и кулак только скользнул по его телу.

Бегун, несмотря на всю сложность ситуации, с невольным интересом наблюдал за боем. Лева, видимо, не соврал и действительно когда-то занимался каратэ: он работал резко и целенаправленно, без единого лишнего движения, каждый удар и блок был закончен и зафиксирован в конце. Петр, наоборот, расхлябанно, во всю ширину от плеча махал длинными руками, пьяно рас-

качиваясь, и, кажется, не составляло труда сбить его с ног, но Рубль если и доставал его, то всякий удар приходился в плывущее, уплывающее тело. Силы оказались равны: Лева уверенно блокировал замашистые удары Петра, но и сам не мог пробить крутящуюся мельницу его рук.

Озерчане, конечно, болели за своего и подбадривали Петра криками и советами. А Петр, между тем, не столько дрался, сколько приглядывался к противнику. Он нарочно открылся и позволил Леве ударить себя, а когда тот, воодушевленный, снова ринулся вперед, неожиданно сбоку, внахлест вокруг его руки ударил в висок и тут же — со всей, сдерживаемой до того силой прямо в лицо. Брызнула кровь из разбитого носа, и Рубль повалился на спину.

Под ликующие крики озерчан Петр отвернулся со скучным видом, брезгливо вытер кровь с кулака о порты и шагнул прочь.

— Петр! — укоризненно крикнул кто-то из стариков.

— Петр, руку! — возмущенно загудели парни.

Петр нехотя вернулся, подошел к Рублю и протянул руку, чтобы помочь подняться. Тот, перекатившись набок, шарил в кармане куртки. Поднялся сам, выдувая из носа кровавые пузыри, с ненавистью глядя на Петра, и прежде чем Бегун успел сообразить, что к чему, вскинул зажатый в кулаке баллон и брызнул Петру в лицо.

Тот отступил удивленно, затем склонился от нестерпимой боли в глазах, хотел отойти, но ноги у него заплелись, и он рухнул на траву без сознания, раскинув руки.

Заголосили бабы, мужики кинулись поднимать безчувственного Петра.

— Убил! Убил нечистым духом! Бабку Арину кличьте!

Бегун вырвал баллон у Левы из рук.

— Не надо никого звать, — крикнул он. — Лицо водой обмойте и на ветер положите — через час отойдет! — он подхватил Рубля под руку и повел его к дому. — Ну что, победил, скотина? Все изговняешь, куда ни сунешься. Он же руку тебе хотел дать...

Тот волочил ноги, качаясь, запинаясь вслепую о корни.

— Папуасы... — бормотал он. — Я научу вас цивилизацию любить...

Ранним утром, когда Еремей собирался у крыльца на охоту, Бегун подошел к нему.

— Еремей, возьми меня с собой. Научи охоте. Стрелок из меня никакой — в армии стрелял, лет двадцать назад, да пацаном из рогатки, — так хоть капканы ставить, что ли, птиц ловить...

Еремей натягивал сапоги из толстой сохатины, густо смазанные дегтем. Исподлобья насмешливо глянул на него.

— Хватит мне бабьей работой заниматься, — наста-

ивал Бегун. — Зима скоро — что мне зимой, кросны сновать?³ И нахлебником не хочу. Мне мужицкое дело надо...

С весны до поздней осени Бегун прошел весь круг полевых работ — палил прошлогоднюю стерню и взрывал пашню, сеял и полол, сено косил и метал стога, жал серпом полегшую рожь и молотил, копал картоху и рубил капусту — вникая в каждое новое дело и ничем не брезгуя. Собирал с бабами лещину и грибы, травы, голубику и клюкву, драл бересту на рукоделие и на деготь, по колено в болотной жиже рвал рогоз — высокие стебли с толстым бархатным наконечником, которые всю жизнь считал камышом, — его мясистый полуметровый корень сушили и мололи в хлеб. Оставался еще лен — таскать, стлать, мять, трепать на волокно, но это было уже вовсе бабье искусство — как детей сиськой кормить...

Еремей тоскливо вздохнул — жалко было пропавшего дня, с таким помощником в лесу, как с ярмом на шее, — и нехотя махнул рукой. Он отдал Бегуну большую клеть, сплетенную из лозы, сам закинул на плечи крошки с провиантом, старую свою посадистую винтовку и взял рогатину — рябиновое ратовище с широким стальным пером и поперечиной. Перекрестился на храм, беззвучно проговорил губами то ли молитву, то ли охотничий заговор, и двинулся в лес. Он шагал в полную ногу, не оглядываясь, так что Бегуну пришлось поспешить, чтобы не отстать, не заблудиться. С ними шел Суслон⁴, самая крупная из озерских лаек, сопровождавшая Еремея из Рысьего. Его рыжий хвост серпом и густая опушка на задних лапах наподобие галлифе мелькали далеко впереди.

Земля, укрытая плотным мхом, еще хранила тепло, а воздух уже остывал за ночь, и по утрам между деревьями повисала холодная белесая дымка. Осень здесь не слепила огненными красками, как в средней полосе, — пожелтел редкий подлесок и опушки, да хвоя выгорела за лето, потускнела.

Суслон вдруг встал. Еремей предостерегающе поднял руку. Потом, не отрывая глаз от сплетения сосновых ветвей над тропой, снял одной рукой винтовку и опер ствол на поперечину.

Бегун, как ни приглядывался, не видел впереди ничего живого. Он осторожно, на цыпочках, переступил ближе к Еремею, чтобы по направлению ствола понять, куда он целится. Треснула под ногой сухая ветка, и громадный, как индюк, мошник — бородатый лесной петух — ломанулся сквозь ветви, звучно хлеща крыльями. Еремей досадливо обернулся. Бегун только виновато развел руками.

Они двинулись дальше. Чуть погода Еремей нагнулся и указал ему на пару следов, промятых во мху, и еще пару поодаль.

— Заяц?

Еремей прижал плеч к губам, даже оглянулся испуганно.

— Нельзя по имени? — догадался Бегун. Он вспомнил, что озерские охотники никогда не называли зверье

3 Кросны сновать — работать на ткацком станке.

4 Суслон — составленные вместе снопы.

перед охотой по именам — лось, медведь, лиса, а сохатый, хозяин, красна. — Косой?

Еремей кивнул. Они прошли по следу; около молодых осинок с обглоданной по низу, размочаленной корой Еремей поставил клеть, бросил внутрь крупно нарезанную репу и поднял заслонку на прут-сторожок. Ловушка была незатейливая: заяц, зайдя в клеть, задевал сторожок, и заслонка, открываемая только снаружи, падала.

Через полчаса, подстрелив по пути тетерку, — Бегун в этот раз стоял не дыша, — Еремей вышел к другой клетке, поставленной накануне. В ней смиренно сидел крупный русак, уставший уже, видно, биться о прутья ловушки. Он распластался по земле, прижав уши, надеясь, что его заячий бог пронесет людей мимо, но увидав их в двух шагах, забился с новой силой, так что клеть ходуном заходила.

Еремей просунул внутрь руку, поймал его за уши и вытащил, прижимая зайца к земле, не давая ему вскинуть для обороны когтистые задние лапы. Достал нож и перерезал горло. Заяц истошно закричал, разева рот с дрожащим розовым языком, засучил лапами, выдирая мех вместе с землей. Тощотворно запахло кровью.

Бегун стоял, не в силах оторвать глаз от пульсирующей красной струи, брызжущей на землю, судорожно глотая подкатывающий к горлу комок. Он знал, что заяц тут почитается нечистым зверем, и кровь надо сливать до капли.

Еремей глянул на него и жестко усмехнулся. Поднял обвисшего тяжелого зайца, перекрутил его за шею веревкой и подвесил к поясу. Перекрестился, указал Бегуну, чтоб взял клеть, и пошел дальше. Бегун поплелся следом, поглядывая на свесившего мертвые лапы русака...

К полудню они впервые присели на опушке. Еремей достал репу, лук, копченое мясо, настрогал тем же ножом, которым резал зайца, и они — молчком, как и весь день с утра, принялись за еду.

— Послушай, Еремей, — начал, наконец, Бегун. — Я ведь неспроста с тобой пошел, а не с Лукой, не с Флегонтом...

Еремей равнодушно жевал, опустив голову.

— Все лето хотел с тобой поговорить, как мужик с мужиком, не знал, откуда подступиться... — неловко развел Бегун руками. — Вот ведь как Бог распорядился: чтоб я в Рысий прилетел ни днем раньше, ни днем позже, а чтоб на тебя попал. Чтоб за тобой пошел. Чтоб ты меня спас... И чтоб я Неждану увидел...

В лесу взаклеб лаял Суслон — видно, опять гнал соболя или белку; но пушное зверье еще не выкунело, и Еремей всякий раз отзывал собаку.

— Честно скажу, не знаю, что делать... Ты ее любишь, а для меня — может, последняя радость в жизни, последний свет в окошке. Я уже пытался про нее не думать, не смотреть на нее — не могу...

Еремей вскинул к нему окаменевшее лицо со сведенными бровями, — он смотрел на Бегуна в упор и будто не видел, — и стал подниматься.

Бегун тоже встал перед ним.

— Давай вместе решать, как нам тут быть. Не может же это до бесконечности продолжаться...

Еремей не глядя подхватил с земли рогатину и поднял наперевес.

— Ты что... — Бегун отступил на шаг. — Не ожидал я от тебя...

Еремей грубо схватил его плечо и отшвырнул себе за спину. В ту же секунду раздался низкий, раскатистый, утробный рык, от которого у Бегуна сами собой подогнулись колени, и из густого кустарника с треском проломилась на опушку медведь. Суслон висел на нем, осаживая назад. Медведь вертелся то в одну сторону, то в другую, отмахивался от него. Увидав людей, он припал на передние лапы, выгибая шею, задирая черную губу, обнажив клыки с тягучими нитями слюны и бугристые десны. Еремей отступал, держа рогатину перед самой его мордой. Медведь лапой попытался поймать рогатину, потом поднялся в рост и кинулся.

Еремей быстро глянул назад, чтобы удостовериться, что Бегун за спиной, — и опоздал: он с короткого замаха всадил перо медведю в грудь, но не успел упереть пята в землю. Ратовище скользнуло по мху и подсекло его самого под ноги. Еремей упал, и медведь навалился на него, подмял своей тушей, ворочаясь с ревом, ломая человека. Напрасно бесстрашный Суслон лез ему под самые когти, пытаясь отвлечь на себя.

Бегун видел в упор холодные маленькие глаза с мошкой, налипшей на веках, — и оцепенел перед этой тупой, неодушевленной животной силой. Он не успел сообразить, что надо делать: бежать без оглядки, звать на помощь неизвестно кого, — пятясь, запнулся о лежащую на корнях берданку, схватил дрожащими руками, и вдруг, как случилось в минуту опасности в деревнях и ночной Москве, с похолодевшим сердцем зарорал во всю глотку:

— Стоя-а-ать!!! — и выстрелил прямо в медвежью морду.

Дробь хлестанула медведю по глазам, он привстал, яростно рыча, и замотал башкой. Этого мгновения хватило — прежде чем медведь успел кинуться на Бегуна, Еремей выкрутился из-под него, подхватил рогатину, вогнал ему под лопатку и, падая набок, всем весом придавил ратовище к земле. Медведь попытался еще подняться, каждым движением загоняя глубже перо, хрипло и все реже рыча, пока не замер на вдохе...

Бегун долго еще, напряженно пригнувшись, сторожил его. Потом облегченно распрямился — и разом обмяк, устал до того, что едва руку смог поднять — утереть липкий пот.

Он обошел медвежью тушу. Еремей тужился встать, упираясь руками в землю. Хозяин подрал ему только спину, где клочья холстины торчали вперемешку с мясом, но, видно, сильно помял. Бегун закинул его руку себе вокруг шеи и поднял. Так они прошли сотню шагов. Суслон бежал рядом, иногда садился, зализывая отметины доставшихся ему медвежьих когтей. Еремей все громче постанывал и, наконец, сполз на землю. Тогда Бегун с трудом поднял его на плечи и понес, неловко ступая под тяжестью.

— Вот же судьба... — задыхаясь, сказал он. — Так и будем друг друга таскать — то ты меня, то я тебя...

(Окончание следует)

"Пустозерские страдальцы"

Краевед из Архангельска Николай Анатольевич Окладников в небольшом, популярно написанном, исследовании собрал воедино разрозненные сведения по истории пустозерской ссылки XVII–XVIII веков.

Самым первым крупнейшим по значимости невольником Пустозерска, древнего, ныне не существующего города Заполярья, был протопоп Аввакум, идеолог русского церковного раскола и писатель. Ему и отведена большая часть книги, которую автор посвятил 500-летию Пустозерска.

Но одновременно с Аввакумом и после него узниками сей студеной обители были сподвижники Степана Разина, а также известный дипломат и деятель культуры XVII века боярин Артамон Матвеев, тоже выдающийся русский дипломат князь В. В. Голицын и многие другие.

Об одном из "других" повествует глава книги, которую мы предлагаем нашим читателям.

Бывший Пушкин

В Государственном архиве Архангельской области хранится дело о пребывании в Пустозерском остроге Сергея Алексеевича Пушкина.

Как известно, у жившего в конце XIV века Григория Пушки, давшего начало пушкинскому роду, было семь сыновей, из которых лишь двое, Александр и Константин, передали потомкам фамилию Пушкиных: Александр Сергеевич Пушкин был по линии Константина, а упомянутый выше Сергей Алексеевич — по линии старшего сына Александра.

Так что же случилось с Сергеем Пушкиным? Какие несчастья занесли его в заполярную тундру? Увы, история эта носит чисто уголовный характер.

В феврале 1772 года братья Михаил и Сергей Пушкины, коллежский советник и капитан, были задержаны с клише для печатания фальшивых денег и признаны виновными в попытке изготовления поддельных ассигнаций. Братья признали свою вину. По закону за такие преступления полагалась

смертная казнь. Но Екатерина II помиловала их и своим указом от 25 сентября 1772 года повелела, "лиша дворянства и чинов", сослать Михаила в Сибирь, в Тобольск, а Сергея — в Пустозерск "на вечное поселение, как негодного и навсегда вредного человека в обществе". Этим же указом братья были лишены своих фамилий, отныне их надлежало именовать "бывшими Пушкиными".

Характеристика, которой "удостоился" Сергей Пушкин в царском указе, дана была ему, видимо, не только за то, что именно у него было изъято клише для изготовления фальшивых ассигнаций, но и по причине его прежних прегрешений, уже известных в обществе. Дело в том, что еще в 1760 году генерал-адъютантом И. И. Шуваловым, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны, Сергей Пушкин был отправлен в качестве курьера к Вольтеру. С ним были посланы материалы для второго тома "Истории Петра Великого" и деньги, предназначенные писателю. Но, доехав до Вены, курьер не передал деньги, а промотал их и, оказавшись в Париже, был заключен в долговую тюрьму. Вызволить его оттуда помогло заступничество брата Михаила, который был близок к дворцовым кругам. Он участвовал в дворцовом перевороте в 1762 году, когда Екатерина, низложив своего супруга Петра III, стала императрицей. Об этом сообщает в своих "Записках" Екатерина Романовна Дашкова. По свидетельству Дашковой, Михаил Пушкин был умен, остроумен и пользовался успехом в обществе. В то же время она отмечает неразборчивость Михаила в средствах при достижении своих целей. Очевидно, именно услуга, оказанная Михаилом Екатерине, и спасла его и его брата от смертной казни.

Но вернемся к Сергею Пушкину, 3 ноября 1772 года он был доставлен в Архангельск и по зимнему пути "за караулом" командированного от Архангельского гарнизона Ивана Рябова "с командой" отправлен в Пустозерск, куда и был доставлен в начале января следующего года. Комиссару Пусто-

зерского острова подпоручику Ореховцеву предписывалось за арестантом "накрепко смотреть да бы он Сергей, бывшой Пушкин, как дерзкой и отважной человек из Пустозерска уйтить не мог" и "какого либо зла сделать не смог". Приказано также было содержать его "за караулом всегда и во всякое время" и "из дома никуда не выпускать, к нему никого не допускать, чернил и бумаги не давать".

Избу, где будет содержаться "бывшой Пушкин", предлагалось укрепить решетками "да и трубу такую сделать, чтобы пролести не смог, полы накрепко прибить гвоздями, чтобы ни единой половицы поднять не смог". Словом, требовалось жилье для узника сделать такое, "чтоб утечки никакого способа не осталось". Подпоручику Ореховцеву под страхом сурового наказания вменялось лично строго следить за караулом, чтобы он "никаких послаблений арестанту не допускал и неукоснительно смотрел и наблюдал за ним".

Караульная команда состояла из сержантов и солдат Архангельского гарнизона и Мезенской штатной команды. Для предупреждения возможных контактов с узником состав караульной команды ежегодно менялся. Подпоручик Ореховцев не оправдал возлагавшихся на него надежды, и, "будучи уличенный в противозаконных поступках", в июне 1777 года был заменен капитаном Нейлохтиным.

Надо полагать, что этот "дерзкой и отважной человек" доставлял немало хлопот своим тюремщикам. Поэтому не случайно 18 июня 1781 года по секретному предписанию он был доставлен из Пустозерска в Соловецкий монастырь. Монастырская тюрьма явилась последней обителью Сергея Пушкина. Здесь он 24 декабря 1795 года умер.

РАЗГОВОР В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Со второго номера этого года наш журнал начинает печатать материалы для будущего учебника по истории Урала. Затея, надо сказать, рискованная, трудная и почти не имеющая аналогов.

За помощью мы обратились прежде всего к историкам Уральского госуниверситета и получили немедленный отклик: идея такого учебника, оказывается, витает в воздухе. Так появилась на свет программа первых одиннадцати "уроков" из истории края. Но чтобы читатель лучше понял суть нашей затеи, приведем короткую запись разговора в "учительской", предваряющего наши "уроки".

Недавно Департамент образования Свердловской области утвердил концепцию формирования регионального компонента школьной образовательной программы. В создании его участвовали многие учебные заведения и научные центры, в том числе и историки УрГУ. Предстоит создать программу курса по истории края с соответствующим учебно-методическим обеспечением. Но это потребует немалых усилий, а время, как известно, не ждет. Предложение редакции журнала поможет опередить время и начать публикацию МАТЕРИАЛОВ к курсу истории региона.

Приступая к этому, мы не ищем конфронтации, не стремимся изолировать "опорный край державы" от самой державы. История России едина, и это единство складывалось в ходе исторического взаимодействия регионов. Но плохо, когда в школах Екатеринбурга и Владивостока, Пензы и Архангельска изучается некая "средняя" история России, история, сведенная к общему знаменателю, нивелирующему разнообразие и поливариантность исторического процесса. Дело истории Отечества проследить, как из ниточек-судеб разных регионов выткалась — век за веком — судьба единой России, суметь сызмальства привить будущему гражданину любовь к прошлому страны, края, города, села, а значит — чувство сопричастности судьбе своего народа.

Каждому региону присуща историческая специфика, в том числе и нашему с вами. Вспомним: Урал — рубежный "Камень", мост из Азии в Европу и из Европы в Азию, сво-

еобразный полигон взаимодействия культур, их взаимообогащения и, наконец, как уже сказано, — опорный край...

Выдающийся французский ученый Ф. Бродель в свое время выделил три зоны, наиболее благоприятных для развития экономики на земном шаре: североатлантическую, азиатско-тихоокеанскую и нашу с вами, урало-азиатскую зону. Кстати, Россия — единственная страна, расположившаяся волею Истории во всех трех названных зонах.

В наших первых одиннадцати уроках найдут отражение два исторических аспекта уральской истории XVIII века; аспект экономической и духовной культуры Урала.

Предвидим читательское недоумение: почему именно XVIII век?

Конечно, за точку отсчета можно было бы принять какое-то другое время, скажем, совсем уж седую старину, о которой что-либо рассказать может только археология. Но именно век восемнадцатый позволяет нам ощутить под ногами почву — нашу, уральскую. Предшествующее, XVII столетие, какова бы ни была его роль в исторической судьбе края, явилось, образно говоря, эпохой Тобольска. А XVIII век создал принципиально иную ситуацию. Пробил звездный час Урала, в буквальном смысле слова распрямившего плечи. Над зелеными спинами древних гор задымили заводы, зашумел в поселках мастеровой люд; уральский металл послужил каркасом для здания Российской империи, превратился в одну из доходнейших статей русского экспорта. Создалась та социокультурная среда, та, как считают, особая "горнозаводская цивилизация", которая и определила своеобразие нашего уральского Вчера, Сегодня и Наверное, определит наше Завтра. Представление об истории огромной страны без "уральского стержня" стало бы просто неполным, даже ущербным!

Именно на материале XVII века впервые в курсе отечественной истории учитель получает возможность органично вплетать уральскую "нить" во всероссийское историческое полотно. И символом новой эпохи в значительной мере становится рожденный ею Екатеринбург, которому выпал жребий пре-

вратиться фактически в столицу "горнозаводского царства".

Но наш курс не будет "заиклен" на уральских горных заводах. Перед читателем предстанет панорамная картина жизни Большого Урала в XVIII веке. Нам предстоит реконструировать ход истории на огромных пространствах — от Западного Прикамья до Тюмени, от Ледовитого океана до жарких степей Оренбуржья.

При этом мы понимаем Урал как некое природно-географическое целое и не стремимся развести его жителей по национальным "углам". Проблемы межэтнического взаимодействия будут отражены в наших "уроках" — но в чисто историческом ракурсе, без участия лукавой интриганки — политики. Сам факт многовекового сосуществования разных народов на уральской земле свидетельствует о безошибочности исторического выбора.

Академическая наука и неутомимое краеведение проделали огромную работу по изучению прошлого нашего края, и эта работа продолжается. Выходят тома "История Урала", краеведческие сборники, создается Уральская историческая энциклопедия... Но это — специализированные издания. Наша История предстанет в научно-популярной, достаточно образной форме, с использованием иллюстративного фона. Она даст в распоряжение педагога материалы к курсу истории (как России, так и региона). Краеведу предоставит интересующую его информацию. Юному россиянину — познавательную-авантюрную игру. Читателю вообще — увлекательное чтение, чтение, как раньше говорили, душеполезное.

Подбор статей, документов, иллюстраций, карт-схем, исторических игр будет определяться соответствующей темой "урока". Таких тем в нашем курсе, повторяем, будет одиннадцать — по числу номеров журнала в 1994 году, начиная со второго.

Надеемся на обратную связь с читателем, педагогом, краеведом, историком, на неформальное общение и заинтересованное обсуждение публикуемых "уроков".

От нас с вами будет зависеть, каким станет будущий учебник уральской истории.

Одиннадцать уроков из уральской истории

УРОК ПЕРВЫЙ

Обрядовая культура Урала

УРОК ВТОРОЙ

Российская власть и уральская провинция. Оппозиция в уральской старообрядческой литературе

УРОК ТРЕТИЙ

Православная церковь на Урале

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

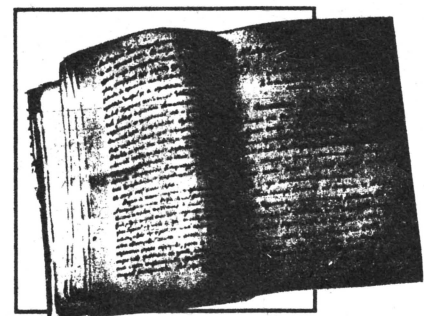
Уральское старообрядчество в XVIII — первой половине XIX века

УРОК ПЯТЫЙ

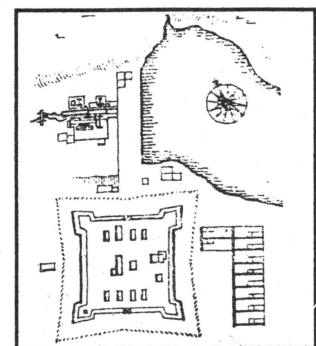
Урал и Смутное время

УРОК ШЕСТОЙ

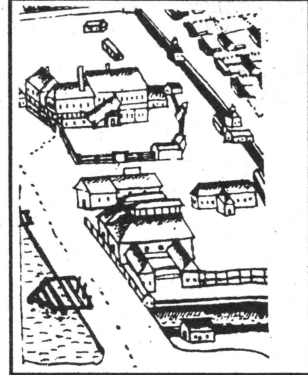
Книжно-рукописная традиция на Урале

УРОК СЕДЬМОЙ

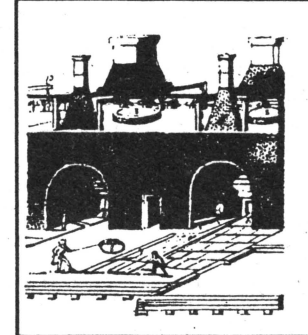
Градостроительство на Урале

УРОК ВОСЬМОЙ

Первые уральские заводы

УРОК ДЕВЯТЫЙ

Возникновение горнозаводской промышленности на Урале

УРОК ДЕСЯТЫЙ

Россия узнает и изучает Урал

УРОК ОДИННАДЦАТЫЙ

Уральское купечество

Страна сибиров

Лето 7092 (1584 г. по н.с.) августа первый день из степи придоша вестники с тем, что Кучум купцов Бухарцев не пропускает в Сибирь. Ермак же вскоре восстав с 50 человеки и поиде вверх по Иртышу на стречу Бухарцев в стругах. И на устье Вагая и перекопи разставиша стан обночеваше, а стража не поставиша и без опасения крепко спяшу. А Кучум же их тайно злобно надзираше.

(Из Сибирской летописи)

Два имени, которые уже более четырех веков связаны былинами, легендами, работами историков, в последнее время стали для некоторых символами противопоставления двух наций — русской и сибирских татар.

Кто же они, два героя разных народов? Почему все чаще раздаются голоса татарского населения о сносе памятника Ермаку в Тобольске? Почему в одних легендах Кучум рисуется хитрым и алчным правителем, а в других старый и немощный человек, защищающий Сибирское ханство от завоевателей? Почему для русского народа, а для сибиряков в особенности, Ермак был и остается символом удали, свободы, предприимчивости?

Оба имени далеко ушли в людских вымыслах от прототипов и стали символами. А расшифровка символов, выявление истины дело не простое, как и не простая наука история, которую мы привыкли мерить каждый своим аршином в зависимости от собственного понимания ее. Но все же хочется развести давних противников, очертить и выявить интересы каждого, чем они руководствовались в своих поступках, отчего стали символами двух народностей.

Итак, попытаемся дать характеристику каждому из героев.

Кучум вел свою родословную от самого Чингизхана. Происходил из династии Шейбани. Сын узбекского правителя Муртазы. Трон Сибирского ханства захватывает силой в 1563 году, умертвив правящих братьев Едигера и Бекбулата. Тогда ему было далеко за пятьдесят. Привел с собой отряд нукеров, которые и произвели дворцовый переворот.

После этого новый сибирский хан отказал во взаимности Москве, объявив себя "вольным человеком". Мало того, отказавшись платить дань, кстати, чисто символическую, походившую больше на подарки одного государя другому, Кучум повел активную политику противодействия освоенно русскими Урала. Набеги сибирских отрядов на вотчины Строгановых были не очень обременительны для русского государства в целом, но весьма болезненны и рано или поздно должны были вызвать ответную реакцию. Тем не менее, открытой войны не возникло, а набеги оставались своеобразным оборотом с соседней в виде товаров и человеческих душ, уводимых в полон. В набегах участвовало не все мужское население,

как во времена Чингиз-хана или Батые, а лишь небольшая его часть, приближенная к ханскому трону. В целом народ Сибири существовал вполне мирно, занимаясь охотой, рыбной ловлей, примитивным земледелием. До проблем ханского двора ему было далеко. Жилищам сибиряков ничто не угрожало, а прокормить себя и семью трудом гораздо безопаснее, нежели грабежом русских городков. Интересы правителя и подвластного ему народа не совпадали. К тому же Кучум, недавно завладевший сибирским престолом, оставался для коренного населения пришельцем, чужаком. Это подтверждает перевод его имени (прозвища?) с татарского языка как "кочевник", "переселенец". Сибирские народности, в отличие от степняков, вели оседлую жизнь. И обычаи кочевников проводить летнее время в набегах против соседей ими поддержаны не были, о чем говорит малочисленность ханских отрядов.

И приход дружины Ермака он встретил с небольшой армией преданных ему воинов. Хотя наверняка была объявлена тотальная мобилизация всего мужского населения. Летописи повествуют, что созданы были все сибирские князьки. Но сопротивление они оказали слабое.

Ермак... Он происходил из посадских людей купцов Строгановых. Уралец. Сопровождал суда и сухопутные грузы. Фамилия — Аленин. К началу сибирского похода ему было около сорока. Как свидетельствуют легенды, был необычайно силен, дерзок, умен. Пользовался большим авторитетом среди сподвижников-казаков.

Долгое время его считали волжским или донским атаманом. Слово «атаман» тюркского происхождения, от «ата» — старший, «казак» — человек, отошедший от основного войска, орды. Существовали воинские объединения, куда можно было поступить на службу, и считается казаком. Так, видимо, произошло и с Ермаком. Благодаря своим личным качествам, он вскоре стал атаманом.

Ермак участвовал в Ливонской войне, которую долгие годы вел Иван IV Грозный. Но почему же ему приписывают разбой на Волге, бегство на Урал? Одно другому не мешает. Из похода войны возвращались с добычей, попросту говоря, с награбленным. А когда не принимали участия в военных кампаниях, то занимались охранять купеческие караваны. Ватаги полувоенных людей промышляли на Волге, зарабатывая как охраной купцов от степняков, так и разбоем своих вчерашних благодетелей, не пожелавших откупиться от лихих воровских людей. Нравы определялись бытиём.

Выяснить причины того, как Ермак оказался у Строгановых, пока до конца не удалось. Возможно, что свою роль сыграли старые связи с промышленниками. Нужно было чем-то кормиться да и отсидеться, переждав царский гнев.

Что же волжский атаман застал в родном Приуралье? С одной стороны интенсивное строительство городков, где жили в основном солеобитчики. С другой — постоянные набеги, провоцируемые сибирским ханом, явно обеспокоенным проникновением русских за Урал-Камень.

Судя по летописям, Ермак привел с собой от 600 до 800 человек знакомых с ратным делом. Публика была весьма разношерстная и пестрая. Можно сказать интернациональная бригада: Александр Черкасов (кавказец), Никита Пан (поляк), Матвей Мещеряк (с Мещеры) Иван Кольцо, Богдан Брязга, Савва Болдырь — известные нам имена и прозвища ермаковских сотников. Купцы явно не подрастали пригласив этукую вольницу в качестве сторожей. Пустили, что называется, волка в овчье стадо. От самих сторожей надо было охранять купеческое имущество. Видимо, и сам Ермак сознавал, что ничем хорошим сидение казаков по крепостям, по вотчинам не кончится.

Осенью 1582 года, взяв у Строгановых «в долг» запас свинца, пороха, хлеба, Ермак выступил на стругах со всей дружиной по Чусовой в сторону сибирской столицы Искера.

«...при державе благочестивого царя государя и великого князя Ивана Васильевича придоша воины с Волги реки в Сибирь, придоша ж и в слободы Никиты Строгонова, и оттоле поидоша в Чусовую рекою до волоку. И ту к ним присташа многие пермичи. И поплыли Тагилом рекою, и в Пельнскую землю пришли. Князь же пельнский собрався с людьми своими и нача казаков переимати на приметных местах», — так Есиповская летопись передает начало сибирского похода Ермака.

Какими были цели похода? Обогащение? Вызволение своих, взятых в полон? Предотвращение последующих набегов с татарских улусов? Причин и целей было несколько. Во всяком случае в миро-

творческую экспедицию с добрым запасом свинца и пороха не отправляются.

Ставил ли Ермак целью свержение Кучума с сибирского трона? Почти с уверенностью можно сказать, что нет. В истории просто не существует подобных примеров, когда небольшой отряд, вторгшийся в пределы соседнего государства, произвел бы там государственный переворот. Вспомним войны с крымскими татарами, ногайской ордой... Единственное, что могли провести казаки, так это акт возмездия, *«...показавше смелость и силу, и храбрость свою перед нечестивыми»*.

И вина ли Ермака, что сибирский трон оказался столь неустойчив? Казаки были в полной растерянности, когда неожиданно овладели Искером, и долго спорили, сообщать ли о том Ивану Васильевичу или подобру-поздорову отбыть обратно. Благодарнее было последнее. Но оставшись в Сибири не по собственной воле в первую зиму, а затем и во вторую, они вынуждены были поддерживать подобие государственной власти, войскового круга. Другой вид правления им был просто неизвестен.

А что же Кучум? Уходит обратно в Среднюю Азию, в степи, как он и поступил значительно позже? Нет, он вынашивает планы возвращения трона. Но народ-то его не поддерживает! Вот в чем причина, что с горсткой людей волжский атаман целых два года восседал на сибирском престоле, не помышляя именовать себя самодержавцем и властелином. Он понимает, что воевать до бесконечности невозможно. Нужен мир. Но не желает мира Кучум.

В конечном итоге Ермак гибнет на реке Вагай. Казаки уходят за Урал. Трон свободен, его занимает на время царевич Алей, сын Кучума, но не тут-то было.

«Егда же из гради казаки изыдоша, тогда увед царевич Алей, Кучумов сын, яко казаки побегоша из града вон, град же пуст оставиша. Царевич же вниде во град со множеством вои и водворится тут. Слышав же сие князь Сейдяк Булатов, сын, яко Ермак убиен бысть, а прочие казаки с ним, а градом облада царевич Алей Кучумов сын. А о биении Ермакова радовахуся боязнь велию имеяху от него. И по сем князь Сейдяк небаязно прииде ко граду Сибири со всем домом своим и взя град, и царевича Алея и прочих из града вон выгна. Восприемет же отчину отца своего Бекбулата и пребываше во граде Сибири в радости».

Значит, одни были в радости, другие в печали. Не всё, далеко не всё в порядке было в сибирском королевстве.

Будь Ермак столь же опытен в дипломатии, как и в ратном деле, завяжи дружбу с князем Сейдяком, который «боязнь велию имеяху от него», может и не столь печально сложилась бы его дальнейшая судьба. А так он лишь способствовал воцарению законного наследника. Но тоже ненадолго.

«...В лето 7095-го году, при державе благочестивого государя царя и великого князя Феодора Ивановича, по его царскому изволению, послан с Москвы воевода Данило Чюлков со многими воинскими людьми. И по повелению царскому доидоша до реки Иртиша, и... вместо же того царствующего града Сибири... бысть сей град Тоболеск славной...»

Во вновь основанном граде чуть позже был пленен князь Сейдяк, царевич Казачьей орды Салтан и царя Кучума думной Карача. Они отправлены были в Москву, перешли на службу к русскому царю и их существование долгие годы. Но это отдельная история.

А сейчас хотелось бы пофантазировать на тему "А если бы..."

Если бы Кучум признал себя подданным Москвы? Если бы не случился поход Ермака? Если бы Ермак был разбит на подступах к Сибирскому ханству? Как бы долго просуществовало то ханство? Так ли была необходима России Сибирь в конце XVI века?

Согласитесь, что и много позже не случилось массового переселения русских за Урал. Лишних людей в России не было: каждый крестьянин имел свой дом, надел, был приписан к помещику.

Долгое время в Сибирь отправлялись лишь служивые люди – военные, строители, ремесленники. Много позже был найден способ "борьбы с преступностью": выселяли в сибирские просторы каторжников. Царскими указами переселялись целые сёла. Раскольники обрели тут относительную свободу. И лишь после Столыпинской реформы целые армии "самоходов" ринулись на освоение сибирских земель.

Но вернемся к нашим героям. И тот и другой пали далеко от родины. Могилы их неизвестны. С именем Кучума связывают последнюю сибирскую династию самодержавных правителей. Имя Ермака символизирует дерзость и отвагу первопроходцев, страсть к свободе русского человека. Имена убитых казаков и их атамана вписаны в синодник тобольского собора Софии и им в православную неделю "кликается" вечная память вместе с прочими христианскими воинами.

В старину во многих сибирских домах в красном углу, наряду с иконами и изображениями членов царствующей фамилии вывешивался и портрет Ермака. О нем сложено множество песен, легенд, баллад. Многие селения, города носят его имя. Ему воздвигнуты памятники: в Тобольске, на Чукманском мысу, на площади в Новочеркасске и в г. Ермаке. Ермаковская кольчуга, снятая с его тела после поднятия из вод Иртыша, считалась у местного населения чудесной, приносящей удачу в ратном деле.

Весьма любопытен тот факт, что слово "Ермак" в переводе с татарского означает "прорыв". А не была ли вся его жизнь прорывом, борьбой за свободу русского человека? Не его ли примеру следовали Стенька Разин и Емелька Пугачев, обретая свободу в казачьей вольнице? Ермак стал символом устремления русского народа на восток, в незаселенные земли из стиснутого обручем враждебных государств запада.

В узенький ручеек, промытый Ермаком, хлынул позже людской поток неумевших, вольнолюбивых переселенцев. Он стал ключом к многопудовому замку, навешенному правителями Золотой Орды на восточные двери Росийского государства.

Надо признать, что экономическое освоение русскими Сибири началось задолго до ее политического и территориального присоединения к Московскому государству. Уже в XI столетии предприимчивые новгородцы, раззадоренные слухами о сказочных богатствах, ходили торговать в Югру – районы, заселенные остяками и вогулами.

Позднее, в XIII веке, ни о чем не подозревающих сибиряков записывают в русских грамотах как волость Великого Новгорода! Возникает Мангазей "златокипящая", Москва шлет собственные экспедиции. Для торговли границ не существовало. Лишь агрессивная политика Кучума поставила временный заслон, но и он был размыт ручейком дружины Ер-

мака. Не случись этого, и на обширные земли Сибири могли начать движение южные соседи.

За четыре века совместного проживания между населяющими эту землю народами ни разу не было вооруженных конфликтов, национальной вражды.

В 30-е годы, когда происходили новые формирования автономных соединений, о сибирских татарах, третьем по численности народе Сибири, попросту забыли. Получили собственные территориальные округа якуты, ханты, ненцы, даже для выходцев из Палестины нашлось место под солнцем Сибири для устройства еврейской республики...

Правда, ученые не так давно выяснили, что это вовсе и не татары – нация, вышедшая когда-то из монгольских степей с полчищами Чингиз-хана. Им более подходит название "сибири". Но изменить имя или фамилию человеку и то достаточно сложно, а тут целый народ!

Одним словом, сибирские татары, будем их так называть, остались без республики, без языка и без названия. Некое "белое пятно" на сибирской обжитой земле. И вот некоторые сторонники самоопределения сибирского народа предлагают начать образование своей республики со... сноса памятника Ермаку! Поступок достойный гуннов или иных сотрясателей Вселенной.

Представляю себе состояние жителей Тюменской области, когда однажды проснувшись, они узнают, что проснулись на территории новой республики сибиров. Можно только завидовать умению наших предков уживаться друг с другом: в Тобольске бытовали, не особо стесняя друг друга, и костел, и лютеранская кирха, и еврейская синагога, и мечеть, и православные храмы и монастыри... А в гимназии изучался наряду с латынью и татарский язык. Парадокс для "тюрьмы народов"!

А сегодня местные власти озабочены вопросом: нужен собственный язык сибирским татарам, или проживут и без него? Наконец-то открылась мечеть, начали приезжать артисты из Казани, даже газету обещают выпускать, если найдется татарский шрифт и бумага. Посмотреть со стороны, так власти действительно совершили для себя открытие нового, живущего рядом, народа. А до этого они пытались предупредить межнациональную рознь тем, что систематически замалчивали поход Ермака, а дату присоединения Сибири к России не отмечали аж с 1917 года.

Но непорочного зачатия, как известно, не бывает. И забывая исторические факты способ отнюдь не лучший. 26 октября (8 ноября по н.с.) 1582 года произошло решающее сражение у Чувашского мыса, после чего судьбы сибирских татар и русских переселенцев потекли по единому руслу, как воды Иртыша и Тобола. И не нужно уподобляться старой деве, забывающей собственный возраст. Другой истории у нас не будет. Народ помнит все! В этом меня убедили многочисленные путешествия по маршруту похода Ермака. Местные жители безошибочно указывали места сражений, гибели атамана, чего ни в каких учебниках не прочтешь. И это через 400 лет! Народ знает свое прошлое, а мы пытаемся его спрятать. Подобная выборочная кастрация и приводит к национальным взрывам, трагедиям.

До сих пор Ермак и Кучум мирно жили в памяти народа. В контексте истории они стали скорее символами единства, чем противостояния.

Художник Александр ШАТУНОВ

Во всем виноват Александр Дюма-отец

Краеведческий детектив

Однажды в вечернее время мне домой позвонил Анатолий Николаевич Старостин, начальник Крымского областного бюро судебных и медицинских экспертиз. Первый же его вопрос был более чем странным:

— Скажите, Михаил Леонидович, вы знакомы с графиней де ла Мотт?

— Да она вроде бы ушла, так сказать, померла и давно, — ответил я.

— Естественно, — прокопала трубка, — наша фирма и имеет дело с покойниками.

— А почему вы обратились именно ко мне? Так, как я, с нею были знакомы многие.

— Кто именно?

— Об этой графине писали. Фридрих Шиллер, например, братья Гонкуры, Стефан Цвейг... И, конечно же, Александр Дюма-отец.

Старостин повернул разговор к моей персоне:

— В последнее время вы многим рассказывали, устно и печатно, о жизни и смерти де Ла Мотт. В "Крымской правде", например, был ваш очерк. И в клубе любителей истории города Севастополя доклад делали. Было такое?

— Было. А что, нельзя?

— Нет, отчего же, можно и нужно. Но дело в том, что "Крымская правда" с вашей публикацией донеслась до Франции. Звонили из Москвы, посольство Франции требует доказательств, что француженка де Ла Мотт похоронена именно в Старом Крыму, а не в

Англии, что документально подтверждено.

— Так по вашему я выдумал все? У меня есть свидетельства. Литературные и документальные.

— Вот и приезжайте ко мне со всеми документами и доказательствами. Создается специальная комиссия по установлению истины. Будет она состоять из французских представителей и наших. К нашим отношусь я. Будем производить эксгумацию. Ничего не имеете против, если я и вас включу в смешанную франко-русскую комиссию?

А теперь познакомимся поближе с той женщиной, из-за которой разгорелся сыр-бор.

В одном из старых журналов "Вокруг света" я прочитал письмо художника Л. Л. Квятковского такого содержания:

"...Однажды я провел лето в городке Старый Крым близ Феодосии. Там я услышал одну историю, которая меня очень заинтересовала. Полковник Карамалинин, у которого я поселился, рассказал, что еще перед мировой войной приезжал сюда французский археолог и представитель Русского археологического общества с какими-то чертежами, чтобы открыть место захоронения некоей графини де Ла Мотт. Вскоре один местный житель сообщил, что наткнулся на какую-то плиту с рисунками и узорами... Эта история меня чрезвычайно заинтересовала. После долгих поисков я вновь нашел эту плиту, очистил ее

от земли, сделал зарисовки и постарался узнать о таинственной Ла Мотт. Оказалось, что эта французская графиня была отчаянной авантюристкой королевского происхождения. Путем каких-то комбинаций, сблизившись с высокопоставленными людьми королевства, Жанна обманом завладела бриллиантовым ожерельем, предназначенным для фаворитки Людовика XV. Когда это все было раскрыто, Жанне выжгли на плече позорное клеймо и приговорили к пожизненному заключению..."

Действительно, Карамалинин запечатлел могилу Жанны де Валуа в 1913

году. Об этом мне сообщил симферопольский историк-краевед А. А. Столбунов. Он же сообщил, что художник П. М. Туманский через много лет, в 1930 году, запечатлел домик, в котором жила графиня, и ее могилу с надгробной плитой. Репродукция с рисунка Туманского долгие годы хранилась у дочери акцизного советника Михаила Карамалинина, члена Таврической ученой архивной комиссии, Аглаи Михайловны Ляховой, а сейчас, по версии А. А. Столбунова, находится в одном из ленинградских архивов.

Я пишу так подробно о могиле де ла Мотт только потому, что для эксгумации важно найти те останки, которые сохранила земля, а могила французженки исчезла, будто ее вовсе не существовало. Но именно мне Старостин поручил отыскать место захоронения графини.

В. Зеленский, ученый, бывший житель Старого Крыма, сообщил мне, что нет больше могилы Гашет, она же де Ла Мотт.

Могила находилась вблизи армяно-григоринской церкви, которую снесли в 1967 году, а над могилой проложили асфальтовую дорогу.

Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа, в жилах которой текла кровь Генриха IV, родилась в 1756 году. Есть свидетельства, что еще в детские годы она овладела многими способами отнимания денег, но развились эти способности в полной мере тогда, когда она вышла замуж за жандармского офицера графа Ла Мотт и перекочевала жить в Париж. Там-то она и познакомилась с кардиналом Страссбургским Луи Роганом и итальянцем Джузеппе Бальзамо. Нам Бальзамо больше известен под именем Калиостро.

Да, да, это тот самый Калиостро, который врачевал все болезни, вроде Кашпировского или Чумака, мог любой металл обращать в золото, читать мысли собеседников, проходить сквозь... стены и прочая, прочая, прочая. Легче перечислить то, что не мог почтенный Калиостро.

Что уж тут говорить: умела Жанна де Валуа Бурбон выбирать друзей! Впрочем, в Калиостро она разочаруется, как и в кардинале Страссбургском, когда неразлучную троицу обвинят в похищении бриллиантового ожерелья.

Вот какие "показания" дает по этому

поводу наш современник, доктор исторических наук Е. Черняк:

"...Авантюристке становится известно, что придворные ювелиры Бемер и Боссанж настойчиво, но безуспешно убеждают Марию-Антуанетту купить ожерелье... Жанна решила завладеть бриллиантами... Осенью 1784 года Ла Мотт лично знакомится с ювелирами Бемером и Боссанжем, и вскоре Роган узнал, что Мария-Антуанетта "просила" его взять на себя роль посредника в переговорах о приобретении знаменитого ожерелья..."

Конечно, кардинал усомнился поначалу в такой просьбе, ведь был он в немилости у королевы и между ними, вот уж который год, длилась глухая вражда, а тут такая просьба. Чего это вдруг Мария-Антуанетта сменила гнев на милость? Нет, тут дело не чистое, — Роган слыл хитрым и умным кардиналом.

Неизвестно, чем бы закончилось это дело, не вмешайся в события предсказатель Калиостро. Вкупе с неотразимой Жанной, — а она действительно была женщиной очень и очень красивой! — Калиостро ненавязчиво убедил кардинала, что тут самое чистое дело. И если королева просит рогановского соучастия, то только для того, чтобы найти способ примирения с ним.

Кардинал, в принципе, был согласен. Но все же потребовал у Ла Мотт, чтобы та представила ему письменное обязательство королевы об уплате за ожерелье. Бриллианты стоили 1600 ливров!..

Да хоть десять, хоть сто бумажек могла предоставить ему Ла Мотт! Ее друг Калиостро мог расписаться за кого угодно.

Но вернемся вновь к "показаниям" Е. Черняка:

"...Жанна приносит такой документ с просьбой от имени королевы держать его в секрете — ведь покупка ожерелья производится без ведома короля. После этого дело с ювелирами было улажено. Кардинал привез ожерелье Жанне, которая в его присутствии передала в соседней полутемной комнате какому-то лицу, по ее словам, посланцу от королевы..."

Ежу понятно: никакие бриллианты Мария-Антуанетта не получила, а попали они прямехонько в руки Жанны и ее мужа-жандарма, который тотчас вые-

хал в Англию и там освободился от "вещественных доказательств", распродав бриллианты.

Все было сделано на высоком профессиональном уровне, но однако графиня де Ла Мотт, кардинал Роган и маг Калиостро оказались за решеткой.

На суде выяснилось, что кардинал был втянут в авантурную историю сам того не сознавая, а Калиостро, как ни странно, тоже оказался жертвой коварной Ла Мотт. Но все же авантюра есть авантюра и отвечать нужно: кардинала лишили духовного сана, а Калиостро попросили покинуть Францию в двадцать четыре часа.

А тридцатилетняя графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа, в жилах которой текла слегка разбавленная "голубая" королевская кровь, 21 июня 1786 года была высечена плетью на Гревской площади в Париже и заклеена позорным воровским клеймом.

Но жизнь авантюристки на этом не кончилась.

Некоторые подробности жизни де Ла Мотт стали известны по исследованиям Луи де Судака, он же Луис Алексис Бертрэн, писатель, философ, корреспондент французских и швейцарских газет в России. Умер Бертрэн в 1918 году и похоронен на старом феодосийском кладбище.

Луи Бертрэн своими исследованиями и пролил свет на пребывание в Крыму графини де Ла Мотт. Он опубликовал статью "Графиня Ламотт Валуа. Ее смерть в Крыму" и "Героиня процесса "Ожерелье королевы". Но и из его очерков непонятно, как все же попала в Крым опальная графиня.

Нам же известно, что в 1787 году Ла Мотт бежала из тюрьмы и... умерла в Англии. Там и похоронена. В книге Ламбертской церкви в Лондоне за 1791 год имеется соответствующая запись о погребении Жанны де Ла Мотт после самоубийства.

Арсений Маркевич, председатель Таврической архивной комиссии сообщает:

"Большинство биографов графини Ламот полагают, что она умерла в Лондоне в 1791 году, упав или бросившись после ночной оргии из окна. Они основывались при этом на собственноручном письме ее мужу, написанном якобы перед смертью, и официальном документе, именно метрическом свиде-

тельстве о ее смерти или самоубийстве в Лондоне... У биографа графини де Ламотт г. Бертрена, французского вице-консула в Феодосии, имеется копия этого документа..."

Нам не известно, как отнесся жан-дармский офицер граф де Ла Мотт к "смерти" своей супруги. Но мы сейчас знаем, что вернувшись с "того света", графиня вышла замуж за графа Гаше и, сменив фамилию, начала новую жизнь, не попавшую на кончик пера писателя Александра Дюма-отца.

Став графиней Гаше, авантюрная женщина покидает Альбион, конечно, без мужа, и появляется в Петербурге, затем — в Крыму.

Существуют две версии, каким образом графиня Гаше (в некоторых документах — Гайшет) оказалась в Крыму. При тщательном знакомстве с ними, обе оказались верными, подтвержденными документами.

Арсений Маркевич сообщает:

"Известно, что в Петербурге графиня Гаше подружилась с камеристкой императрицы Елизаветы Алексеевны мистрисс Бирх, урожденной Casalet, которую знала еще до замужества и с которой часто виделась, хотя госпожа Бирх не знала ее прошлого.

Случайно об этом знакомстве узнал император Александр Павлович, которому было известно, кто скрывается под фамилией графини Гаше, но который не знал о ее пребывании в Петербурге. Узнав же о пребывании прелестной графини в столице, воскликнул:

— Как, разве Гаше здесь? В Петербурге? Когда меня спрашивали о ней, я всегда утверждал, что ее в России нет и быть не может. Я хочу видеть ее. Завтра же...

О чем беседовали русский царь и французская авантюристка, история умалчивает. Известно только, что после конфиденциального разговора графиня Гаше тотчас выехала в Крым.

Документы Таврического департамента полиции наталкивают на мысль, что в выезде графини Гаше из Петербурга в Крым "виноват"... Франсуа Мари Шарль Фурье. Да, да, тот самый французский социал-утопист, который призывал бороться с язвами буржуазного общества созданием общественных организаций — фаланг-фаланстеров.

Идеи Фурье, как это ни парадок-

сально, впервые попытались применить на практике в Крыму три женщины, ставшие близкими подругами: великая смутьянка Варвара Крюденер, жена посланника в Париже, женщина, которая своими вольнодумными мыслями снискала себе славу в Германии и за них была выслана под конвоем из Германии в Россию, Анна Голицына, известная в высшем свете Петербурга савонница, близкая к царскому двору и Жанна де Ла Мотт Валуа Бурбон, ставшая в этот исторический отрезок времени графиней Гаше.

Эта великолепная тройка и прибыла в Крым для создания фаланг. Крюденер и Голицына имели собственные особняки-дворцы на Южном берегу Крыма, графиня Гаше временно стала проживать в Кореизе, у Анны Голицыной.

Изысканные наряды, к коим привыкла вся замечательная тройка, были заменены на костюмы... монахинь. Великие Иисус Христос и Франсуа Фурье так требовали.

Достучались ли проповедницы до душ пахарей и виноградарей, не известно, но то, что проповедаями божественных монахинь заинтересовалась полиция, это точно. Конечно, она заранее была осведомлена о шалостях фурьеристок и на корню пресекала это занятие.

Каждая из последовательниц Франсуа Фурье и Иисуса Христа в конце концов нашла себе место под знойным небом Крыма: Анну Голицыну похоронили в Кореизе, Варвару Крюденер в Карасубазаре, а графиню Гаше в Старом Крыму.

Казалось бы, теперь-то уж можно ставить точку, мятежный дух графини наконец-то нашел успокоение. Да будет ей старокрымская земля пухом! Но не тут-то было! По-видимому, Жанна Валуа Бурбон де Ла Мотт при жизни получила такой заряд авантюризма, что разряды продолжают уже не одно десятилетие и после ее физической смерти. И уже не жизнь, а смерть ее окружена тайной.

Графиня умерла весной 1826 года. Местные жители, обмывая покойницу, обнаружили на плече два знака, выжженных железом. Среди имущества умершей нашли несколько шкатулок.

Вот тут-то вновь начинается история, достойная пера мастера приключенче-

ского жанра Александра Дюма! В канцелярии Таврического губернатора возникает "Дело № 9", названное "Об отыскании в имуществе покойной графини Гаше темно-синей шкатулки". На это дело обращает наше внимание Арсений Маркевич:

"Интерес этого дела заключается в том, что в нем точно и официально указывается место и время смерти ее, именно в Старом Крыму в мае 1826 года, а также сообщаются некоторые подробности относительно завещанных ею г-же Бирх двух шкатулок и об отыскании... бумаг..."

Значит, за графиней следили? Маркевич дает утвердительный ответ. Да и документы свидетельствуют. Барон И.И.Дибич, начальник штаба его императорского величества пишет Таврическому губернатору Д. В. Нарышкину (от 4 авг. 1826 г. № 1325):

"...В числе движимого имения, оставшегося после смерти графини Гашет (так в документе — М. Л.), умершей в мае сего года близ Феодосии, опечатана шкатулка с надписью: Marie Casalet, на которую простирает право свое г-жа Бирх. По высочайшему Государя Императора повелению, я прошу покорно вас, по прибытию к вам нарочного от С.-Петербургского военного генерал-губернатора и по вручению сего отношения, отдать ему сию шкатулку в таком виде, в коем она осталась по смерти графини Гашет".

Тотчас же, как это послание было получено, Нарышкин пишет предписание чиновнику особых поручений Мейеру:

"...имущество ее описано тамошней ратушей при бытности назначенных графиней Гашет изустно пред кончиною своей душеприказчиков: колл.секр.барона Боде, иностранца Килиуса и заведывавшего делами покойной феодосийского 1-й гильдии купца Доминика Аморети, которое, по распоряжению губернского правительства, взято в ведомство дворянской опеки.

В описи имуществу показано четыре шкатулки, без означения однако, каких они цветов, но одна, под № 88... Вероятно, это та самая шкатулка, о которой г. начальник главного штаба пишет мне..."

Но имущество графини уже находилось в Судаче у барона Боде и коллежского регистратора Банке. Имущест-

ство, т. е. шкатулки, были опечатаны печатями старокрымской ратуши и личной печатью Аморети. Но, как сообщает нам из прошлого века Арсений Маркевич, шкатулки были слегка потревожены, несмотря на печати. И ссылается Маркевич на документ, написанный Мейером:

"...Мейер нашел две шкатулки: одну темно-синюю, с надписью золотыми литерами: Miss Maria Cazalet, другую — красную, при коей на ключике имелся на ленте билетик с надписью: М. де Birch Но обе... не были опечатаны и, так сказать, открыты, ибо ключи от них находились у того же барона Боде..."

Барону, несмотря на его почтенные седины, учинили допрос, но Боде "не раскололся", как сказали бы сейчас, он не устал повторять, что хоть шкатулки и были вскрыты, но содержимое их в целости и сохранности, и что он, барон Боде, как и жена Цезаря, вне подозрений. Даже содержимое шкатулки уложено в том же порядке, что и при описе в Старом Крыму.

Мейер был опытным человеком, у него не было причин подозревать Боде, но... шкатулки же были вскрыты!

И тут выяснилось, что в Старый Крым Боде прибыл через сутки после смерти графини, а за сутки не только можно выпотрошить шкатулки, но и саму графиню Гаше украсть, будь в том надобность. Но Мейер, имея указания свыше, меньше всего беспокоился о графских драгоценностях, он искал бумаги, которые, — жандармерии об этом доподлинно было известно! — должны были находиться в ларце. Должны, но их же не было.

Были допрошены все местные жители. Причастные к делу и не причастные. Они рассказали много любопытного из жизни графини. Ну, например, что графиня жизнь вела уединенную и полную таинственности. И одевалась она странно: на ней был полумужской костюм и непременно пара пистолетов за поясом. А когда графиня предстала перед всевышним, то на мертвой обнаружили еще один костюм, плотно закрывающий ее с головы до ног. И лишь только когда его сняли, тогда и обнаружили клейма на плече.

Но Мейера интересовали не эти подробности, по всей видимости, он о них знал, Мейера интересовали бумаги, которые могли оказаться в шкатулке.

Татарин Абдулла, мальчишка пятнадцати лет, неожиданно сказал:

— Я видел графиню перед смертью, она много бумаг сожгла. А одну поцеловала и положила в шкатулку.

— Как ты мог это видеть? — полюбопытствовал Мейер.

— А я в щелочку смотрел, — простодушно ответил Абдулла.

— В замочную скважину?

— Ага.

— Молодец, — сказал Мейер, — вот тебе рубль.

Графиня де Ла Мотт Валуа-Бурбон была экзотической женщиной и всегда находилась под наблюдением не только полиции, но и местных жителей.

Итак, достоверно было установлено, что в одной из шкатулок были бумаги. Но душеприказчики уверяли в обратном: не было никаких бумаг!

Так был ли пакет, свиток, бумаги в шкатулке?!

Управляющий Новороссийской и Бессарабской областью граф Пален 4 января 1827 года писал Нарышкину:

"Г. генерал Бенкендорф препроводил ко мне письмо на имя барона Боде и записку, из коей видно подозрение, падающее на некоторых лиц, находившихся в дружественной связи с умершею вблизи Феодосии графинею де Гаше, в похищении и утайке бумаг ее, кои заслуживают особенное внимание правительства и сообщил также мне Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы, по получению упомянутого письма г. Боде, были употреблены все средства к раскрытию сего обстоятельства и к отысканию помянутых бумаг. Сообщая о чем... я покорнейше прошу Вас... употребить все, зависящее от вас, распоряжение к точному и неперемому исполнению таковой Высочайшей Его Императорского Величества воли, — и о исполнении того меня уведомить в непродолжительном времени..."

Можно догадаться, что было в этих бумагах. Скорее всего, царь, учитывая страсть опальной графини к мемуарной литературе, — вон в каком свете она выставила Марию-Антуанетту! — не хотел, чтобы и его имя фигурировало в этих записках.

Началось дополнительное следствие, и Палену было доложено, что "факт похищения бумаг установить удалось, но фамилии похитителей неизвестны..."

Бумаги великой авантюристки так и не были обнаружены. Кому-то очень хотелось взглянуть на них, кому-то очень не хотелось, чтобы их видели...

Нам бы тоже хотелось взглянуть на те бумаги хоть одним глазком. Взглянуть и прочитать: что за тайны они в себе содержали.

Вновь телефонный звонок из бюро судебных и медицинских экспертиз.

— Старостин беспокоит.

Мог и не представляться, его голос мне по ночам снился.

— Очень приятно, Анатолий Николаевич. Осмелюсь доложить: выполняя ваше задание, как член созданной вами франко-русской комиссии...

— Отставить! Ружья зачехлить, взрыватели из гранат вытащить! — в трубке веселый смех.

— Как прикажете вас понимать?

— Никакой комиссии не будет.

— Но почему? — мне уж очень хотелось поработать с французами.

— Луи Алексиса Бертрена знаете? Он же — Луи-де-Судак?

— А как же! Его книги "Путешествие по Крыму", "Императорские резиденции в Крыму", "Морской порт Феодосия" очень известны.

— А во Франции его не только знают, но и почитают. И, что немаловажно, доверяют ему.

— Ну и что?

— А то, что еще в 1913 году Луи Алексис Бертрэн создал смешанную франко-русскую комиссию, в которую нас с вами забыли включить, и доказал, что возможная пациентка нашего бюро не совсем добрых услуг действительно похоронена в Старом Крыму, а не в Англии. А раз так, то и эксгумировать ее нет смысла.

— А как же запрос на уровне послов?

Снова веселый смех представителя мрачного заведения:

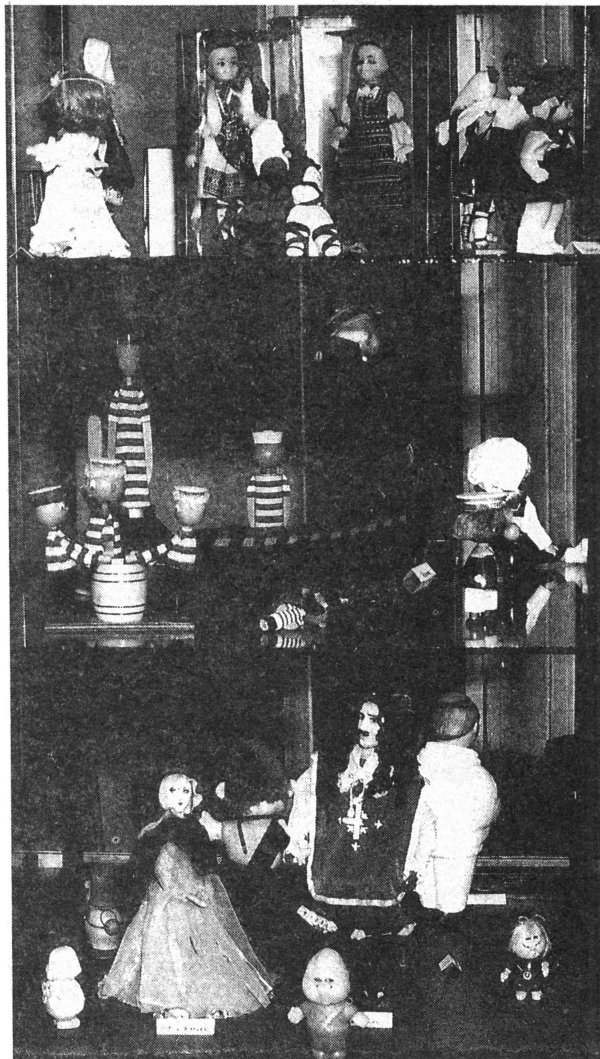
— Как только мы стали создавать комиссию, они здорово стали смеяться, и заявили, что посольский запрос не больше чем шутка и что они вполне доверяют своему соотечественнику Луи Бертрэну, он же Луи-де-Судак...

Эх, научиться бы и нам смеяться на таком высоком уровне!

Художник Александр ШАТУНОВ

Регина ТЕРЕШКИНА

Куклы в музеях мира

...Такое детское слово — кукла, и такое серьезное, взрослое понятие — музей. Что связывает их? Муза творчества, благодаря которой появляется на свет кукла, приобщающая ребенка к прекрасному, пробуждающая в нем самое лучшее, готовящая его одновременно к взрослой жизни. Поэтому-то являются куклы предметом музейных собраний. Редкие экземпляры древних кукол находят при раскопках. Их делали из природных материалов, и очень немногие выдержали испытание времени. Причем современные экологи настаивают на том, чтобы изготовители игрушек вернулись к этим материалам, чтобы, отжив свой век, останки кукол не загрязняли окружающую среду.

В Британском музее хранится тряпичная кукла высотой около 18 см, найденная в Египте, принадлежавшая ребенку-римлянину, захо-

роненному примерно за 300 лет до н. э. Известна еще одна археологическая находка. Правда, название музея, где она хранится, не довели до широкой публики, поскольку обнаруженная при раскопках в 1889 г., она около 100 лет пролежала в фондах, дожидаясь реставрации. Но в конце концов ученые сообщили, что сделанная из слоновой кости 23-сантиметровая кукла принадлежала юной римлянке Креперии-Трифене, которая была помолвлена с Филетом. Она скончалась до свадьбы, любимую игрушку положили в гробницу.

Многие куклы демонстрируют костюмы, характерные для определенной эпохи или местности, они попадают в самые различные экспозиции. Но прежде всего куклы — принадлежность детства. В Великобритании созданы четыре Музея детства. Самый крупный из них, Бетнал Грин, является отделением музея Виктории и Альберта, одного из известнейших музеев прикладного искусства. Бетнал Грин был открыт в 1872 году. В коллекции музея представлены детские платья, мебель для детских комнат и посуда, коляски, детские книги, дидактические игры, портреты детей различных эпох. Многие из предметов были переданы из Музея Виктории и Альберта. Значительную часть собрания составляют игрушки: мячи, деревянные лошадки и повозки, солдатики и даже сделанный в XIX веке Ноев ковчег, где "всякой твари по паре". Главное же в коллекции — куклы: "голландские" — деревянные простейшие фигурки, изготовленные в лесных районах Германии, которые продавались по всей Европе; куклы из воска или папье-маше, покрытые воском; дорогие куклы с фарфоровыми головками известных фирм Жюмо, Бру, Арман Марсель, Симен и Хальбиг, Кэммер и Райхард.

Не менее знамениты английские куклы, изображающие уличных торговцев с разнообразными миниатюрными товарами. Музей гордится коллекцией из 39 кукол, демонстрирующих моды, созданной семейством Паузо с 1754 по 1912 гг. Есть в коллекции куклы из современных материалов, в том числе Синди и Саша. Взрослые и дети с удовольствием рассматривают миниатюрные лавочки, комнаты и кукольные домики.

Такое внимание к игрушке в столице (есть они и в Музее Лондона, где собрана коллекция простеньких кукол, которых во времена королевы Виктории можно было купить на улицах города) привело к тому, что по всей стране то-

же возникли небольшие "игрушечные" музеи, большей частью работающие на протяжении туристического сезона. Так, в деревне Арн можно увидеть коллекцию антикварных игрушек и музыкальные штатулки, в Арнеле (Западный Сассекс) — игрушки и кукольные домики. Музей на острове Уайт носит название "Лиллипут", заставляя вспомнить автора приключений Гулливера Джонатана Свифта, придумавшего это слово.

Франция на протяжении многих веков сплавилась своими куклами-пандорами, демонстрирующими последнюю моду, а позднее фарфоровыми красавицами, отличающимися изысканностью нарядов, часть из которых попала в Лувр.

Музей детства в городе Капи на юге Франции был создан коллекционером Жаном-Клодом Бодо, который однажды нашел в мусорном ящике старинную куклу-марионетку. В собрании музея свыше 3500 игрушек, самая древняя — в возрасте за 4000 лет, древнеегипетская, с подвижными руками и ногами. Замечателен самолетик, изготовленный в 1870 году задолго до создания настоящих крылатых машин.

Музей Руге-Фуулд в Курбевуа экспонирует куклы, игрушки, изготовленные с начала XVII века до наших дней, при музее есть Клуб друзей музея, созданный в 1963 году, и Центр исследования и изучения игрушки, который объединил в 1977-м историков и любителей куклы. Он издает их труды.

Германия на протяжении многих веков снабжала Западную Европу, а позднее и США куклами и игрушками. Крупнейшим их центром была Тюрингия. В Зонненберге в 1901 году при промышленном училище был создан Музей промышленности и ремесел, экспозиция которого отражает историю производства игрушек, специфику работы мастеров. Там есть даже мастерская ремесленника, изготавливающего парики для кукол. В музее представлено 70 000 кукол из 50 стран мира. Здесь дети могут поиграть в специальном зале игрушкам и месту изготовления.

В городе Сан-Гоар находится Музей кукол медведей. Набрав телефонный номер музея, вы услышите сначала рычание медведя, а затем получите справку о часах его работы.

Музей в Ноештадте близ Котбурга, основанный в 30-х годах XX века, создавался как музей кукол в национальных костюмах, которые стали предметом интенсивного коллекционирования в нашем веке.

Музей фирмы Штайф, давшей всему миру современного плюшевого медведя, демонстрирует образцы своей продукции почти за столетие — разнообразные мягкие игрушки и куклы (у большей их части лица из ткани).

Коллекционер из Гамбурга Элке Дрешер, которая до этого выставяла свои куклы в других музеях, восстановив старый дом, открыла собственный музей, выставив около 300 кукол и принадлежности для них.

Коллекция кукол часто находит свое приращение в старинных домах с уникальной архитектурой. На границе с Германией, в швейцарском городе Штайн-на-Рейне музей располагается в доме, построенном в XV столетии. На двух этажах протянулось 70 метров витрин. В коллекции более 400 кукол — антикварных, "автоматов" и авторских. Есть французская кукольная школа с учительницей и учениками, кухня с множеством посуды. Работу кукол-ав-

томатов можно посмотреть на видео. В Люксембурге в туристический сезон работает Музей кукол и игрушек, демонстрирующий коллекцию семейства Мей. Они собрали материалы по истории выставок кукол и игрушек с 1860 по 1920 гг. 18 лет занимались сбором коллекции. Сейчас в ней более 500 экспонатов. Семья Мей реставрировала и одела некоторых из них, а затем обратилась в 12 округов с просьбой предоставить помещение для музея. И почти отовсюду получила положительные ответы.

Княжество Монако знаменито не только своими игорными домами, но и кукольным музеем, основу которого составила преподнесенная в дар графства коллекция Мадлены де Галей. Особенно известно это собрание куклами-автоматами, очень точно копирующими людей. Существующая в единственном экземпляре кукла-автомат, созданная в 1875 году фирмой Виши, — поэт и художник, она огибает колени и жеманно пожимает плечами, подмигивает глазом с моноклемом, рисует пером и показывает свой юмористический рисунок: японская кукла-бюст обмахивается веером, а гитарист не только ударяет по струнам, но балансирует поставленным на кончике носа пером. В диораме музея есть играющие куклы-мошеники, пытающиеся обмануть друг друга. Подражают людям веселые обезьяны, курящие, показывающие трюки, готовящие на кухне. Сказочные чудеса всегда ассоциируются с Рождеством. И здесь, в музее, круглый год можно увидеть сценки, связанные с рождением Христа.

В венгерском городе Кеукешете сотрудники Музея истории игрушки ставят своей целью не только пропаганду коллекционирования уникальных игрушек, но и развитие творческой мысли маленьких посетителей. Мальчишки особенно любят зал механических игрушек и конструкторов. А в специальном зале они могут поиграть в деревянные и пластмассовые конструкторы или даже бумажными змеями различной конструкции.

В нашей стране существует единственный государственный художественно-педагогический музей игрушки Академии педагогических наук в Сергиевом Посаде. У музея сложная история. Его создателем и основателем был художник Николай Дмитриевич Бартрам. С 1910 года он заведовал одним из отделов Музея образцов при Кустарном музее. Его дочь вспоминает, что он посетил музеи в Нюрнберге, Мюнхене, Зонненберге, а также многочисленные научные организации и музеи Парижа, делая зарисовки игрушек, сравнивая их с русскими. Привез из путешествия много экспонатов.

Организация музея длилась с 1918 по 1920 год, зимой 1920-го он был открыт. В основу собрания легли личная коллекция Н. Д. Бартрама, игрушки, конфискованные из магазинов, со складов, из национализированных особняков и дворцов, в том числе и четырех царских. Подарили свои коллекции собиратели народной игрушки художники С. Коненков, И. Ефимов и другие. Некоторые посетители тоже принесли в музей свои семейные реликвии. Детям давали здесь возможность поиграть, участвовать в кукольных спектаклях. В 1925 году музей переехал в просторное помещение на Пречистенку, 12, а в 1931 году, несмотря на протесты Н. Бартрама — в Сергиев Посад.

Сейчас в музее три отдела: народной, зару-

бежной, русской и советской игрушки. Кроме того, есть выставочный зал, где часто демонстрируются творения детей. В 1985 году музей проводил конкурс "Буратино-50", посвященный юбилею книги А. Толстого "Золотой Ключик". Организует он и Праздники игрушки.

Каждый отдел интересен по-своему: среди экспонатов есть и такие, в которые играли дети императорской семьи, и простенькие куклы из природных материалов, сделанные детьми и богородскими ремесленниками и первая матрешка, созданная в конце прошлого века, куклы, одетые в народные костюмы по рисункам художников, в том числе Н. Д. Бартрама. Отдел советской игрушки отражает социальные эксперименты, осуществлявшиеся в СССР, здесь можно увидеть игрушки, впервые созданные для коллективной игры в детском саду, комплект кукол — "детей советских республик", мое внимание привлекла настольно-печатная игра "По пути героев". Такую игру когда-то привозил в эвакуацию с собой мой двоюродный брат, там есть ледокол "Красин", любимец детей крокодил Гена.

В Москве куклы и игрушки выставляются в Музее народного творчества на Делегатской, продолжая традиции Кустарного музея, где в 1910 году была проведена выставка "Как делаются игрушки". Там организуются выставки народной игрушки.

В Русском музее впервые в послевоенные годы были выставлены народные игрушки, которые вошли в постоянную экспозицию. А в 1988 году в экспозицию "Детский портрет" в русском искусстве были включены и игрушки тех времен.

Своеобразные музеи существуют при многих театрах кукол, где собраны как традиционные куклы собратьев по профессии из многих стран, так и лучшие герои собственных постановок. Так, коллекция театра С. В. Образцова давно превратилась в интереснейший музей.

Музеи кукол и игрушек, такие разные, но такие добрые и трогательные, вводят нас в мир детства многих веков, знакомят не только с историей игрушки, но и историей человечества в миниатюре: общественными отношениями, костюмами, традициями и бытом разных народов, развитием технической мысли и творчеством художников, создававших маленькие шедевры. Музеи учат, развивают фантазию. Они, если вдуматься, далеко не забава. И их должно быть еще больше...

На снимках: экспозиции выставок кукол из коллекции автора в разных краеведческих музеях страны.

Фото автора
и А. ЛАПТЕВА

Беспилотный вертолет

Известно, что многие авиакомпании мира испытывают сложности с набором экипажей вертолетов, поскольку управлять ими при выполнении таких работ, как топогеодезическая съемка в горной местности, фотографирование места аварий крайне трудно и опасно. Как сообщает газета "Файнэншл Таймс", Технологический институт (Токио, Япония) и фирма "Омрон" считают, что они смогут разрешить эту проблему с помощью созданной ими электронной системы управления беспилотными вертолетами. В новой системе реализованы принципы вероятностной логики, позволяющие действовать в непрогнозируемых ситуациях вроде изменений положения вертолета в полете и других.

Токийский институт составил для новой системы машинные программы, а фирма "Омрон" разработала аппаратную оснастку.

Машина смотрит в лицо

Английские ученые при участии японских специалистов разработали конструкцию "искусственного глаза" — устройства, способного распознавать форму и очертания предметов по принципу действия человеческого органа зрения. Использование оптических процессоров с нейронными принципами действия позволило создать оптический прибор, способный к самообучению и по своим возможностям намного превосходящий средства машинного зрения современных роботов. Прибор может, например, распознавать изображения и определять разницу между ними независимо от их расположения в кадре и от того, находится ли предмет в поле зрения неподвижно или перемещается, а также различать выражение человеческих лиц. Новое устройство будет применяться на автоматизированных сборочных производственных линиях и самодвижущихся автоматических транспортных средствах. Машины будут смотреть работникам прямо в лицо.

Велосипед с электродвигателем

Японская компания "Ямаха мотор" разработала велосипед новой модели с микрокомпьютером, по командам которого в помощь человеку включается электродвигатель. Это происходит только в том случае, если велосипедист начинает с трудом крутить педали, а скорость движения не превышает 24 километров в час. Электродвигатель питается от подзаряжаемой батареи, установленной под сиденьем. Новый велосипед весит 31 килограммов, в то время как средняя масса обычного велосипеда составляет восемнадцать.

По словам президента компании, на создание нового велосипеда, движущегося на комбинации мускульной энергии человека и механической энергии двигателя, потребовалось более 10 лет. Компания планирует выпустить новый велосипед в продажу у себя в стране, но пока не собирается продавать или производить такие велосипеды за границей.

Джон надувает свой дом...

Американский архитектор Джонатан Циммерман использует надувные баллоны из нейлона, усиленного стекловолокном для создания прочных и энергосберегающих строительных конструкций, пишет журнал "Попьюла Сайнс". На внутреннюю сторону надутого баллона напыляется отверждающийся пенополиуретан, который служит для теплоизоляции. На изоляцию накладываются стальные стержни, за исключением мест, предусмотренных для окон и дверей, и вся поверхность покрывается жидким бетоном. Затем в местах, где должны быть окна и двери, теплоизоляция прорезается. С внешней стороны на обшивку можно нанести покрытие желаемого цвета и фактуры и подсыпать по периметру земли.

Сооружение таких конструкций по оценкам разработчика обходится вдвое дешевле строительства традиционных каркасов, даже если в здании будет более одного этажа. Кроме того, отсутст-

вие углов делает такие здания более сейсмо- и ветроустойчивыми. Вдобавок надувные конструкции дают широкий простор для выбора архитектурных форм.

В память о погибших на службе

Как сообщает газета "Япония сегодня", в Токио, в буддистском храме Сэнсодзи (его чаще называют Авасма-сама по имени древней богини — покровительницы медицины), ежегодно 8 февраля проходит уникальная служба. Двор храма с самого утра полон японками самого различного возраста — от школьниц до престарелых долгожительниц. Все они приходят сюда с маленьким пакетиком, в котором приносят сломанные за истекший год швейные иглы. У подножия храма к этому дню возводится специальный пьедестал, украшенный цветами, фруктами, цветными лентами. А наверху — слегка искрящийся под солнечными лучами белоснежный пласт тофу — бобового творога. Прочитав буддистскую сутру в память "погибших на службе", женщины опускают сломанные иглы в мягкую творожную массу, предназначенную стать для них последним пристанищем. Вечером тофу с иглками переносят в храм, где священник справляет по ним заупокойную мессу.

Что породило этот странный обычай? Сейчас швейные иглы — продукт массового машинного производства, а еще несколько десятилетий назад их делали ремесленники, вкладывая в каждую иглу часть своей души. А разве в руках опытных швей иглы не летают так, словно они и на самом деле одушевленные существа? Каждая игла тогда чем-то отличалась — толщиной, длиной, размерами ушка. Наверное, среди них была любимая. Разве мастерица не горевала о потере? И вот издавна в храмах богини Авасима служат заупокойные мессы по сломанным швейным иглам...

Подготовил А. ЮРЬЕВ

ЛАУРЕАТЫ ДЕМИДОВСКИХ ПРЕМИЙ

Год назад начал свою работу Комитет по премиям Демидовского Фонда. Сорок ведущих ученых, академиком Российской Академии Наук должны были определить пятерых лауреатов общенациональной неправительственной Демидовской премии 1993 года. Наверное, это можно считать возрождением традиции, правда, забытой довольно давно.

Действительно, когда-то Демидовская премия была крупнейшей и самой престижной наградой академической России. Однако существовала она сравнительно недолго — с 1832 по 1865 год. По-иному, чем теперь, распределялись денежные вознаграждения: были так называемые полные, составлявшие 5000 рублей ассигнациями или 1528 серебром, и половинные (эта сумма соответственно делилась пополам); кроме того, по 5000 рублей выделялось "на издание увенчанных академиею рукописных творений".

И еще один примечательный момент: тогда, в отличие от нынешнего варианта, члены Академии, уже состоявшиеся ученые, к конкурсу не допускались вообще. На получение наград, как сказано в книге Н. А. Мезенина "Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук" (Л., 1987), могли претендовать в основном оригинальные сочинения, напечатанные на русском языке.

Но не будем вдаваться в чересчур тесные сравнения формального характера. Потому что порядок допуска, конкретная сумма "выигрыша" все же, при всей их важности — лишь форма.

Главное — предпринимается практическая попытка воссоздать (или создать заново) атмосферу чистого, меркантильного исключительно в смысле интересов державы, меценатства, а в ученом мире — ситуацию здорового соперничества за право называться действительно лучшим среди лучших. Причем, попытка серьезная, последовательная. Достаточно сказать, что меценаты-учредители — УрО РАН, Акционерное общество "Новая гильдия", инвестиционно-промышленная корпорация "АКМЭ", "Уралакадембанк" и другие — изо всех сил пытаются догнать инфляцию, за год увеличили размер премии в пять раз, с 2 до 10 миллионов нынешних рублей. К стати, это в два раза больше Государственной премии России — тоже демидовская традиция: давать больше, чем казна. А к этому нужно добавить и стоимость самой медали (серебряной, в малахитовой шкатулке), которая сегодня "тянет" еще на два миллиона. И вот работа Комитета завершена, первые по новому отсчету и очередные по прежнему известны. Распределены и гранты (денежные субсидии на конкретные исследования) Фонда — "молодежь" тоже не осталась без поощрений. Каковы же итоги?

Первым (а с 1832 года — пятьдесят шестым) в списке лауреатов назван академик С. В. Вонсовский — "за выдающийся вклад в развитие квантовой теории твердого тела и физики магнитных явлений, а также за заслуги в организации физической науки на Урале". Вряд ли Сергея Васильевича, много лет находившегося у всех на виду, нужно подробно представлять читателям, хоть немного знакомым с современной уральской историей. Награждение Демидовской премией выдающегося ученого, общественного деятеля, гражданина, патриота Урала, — написано в официальной справке, куда стоит добавить — и прекрасного человека, — как нельзя лучше отвечает самому философскому смыслу и духу этой награды".

Второй (пятьдесят седьмой) лауреат — академик из Москвы Николай Константинович Кочетков, почетный директор Института органической химии имени Н. Д. Зелинского, обладатель множества других почетных званий и наград, в том числе — ряда иностранных академий и научных обществ. Невозможно в нескольких строках изложить смысл его многолетней работы в области химии, и биологии, на благо здоровья людей, но то, что она привела к открытиям мирового уровня и возникновению крупной научной школы, которой может гордиться страна, — факт бесспорный не только для авторитетной комиссии, но и для специалистов всей планеты.

Лауреат номер три (пятьдесят восьмой) — конечно, по поряд-

ку, а не по заслугам — наш земляк, уралец, профессор Борис Валентинович Чесноков, ныне заведующий лабораторией Института минералогии УрО РАН (город Миасс). Основоположник нового научного направления — минералогии техногенеза, "чемпион мира" в области открытия новых минералов (их на его счету четыре десятка), Борис Валентинович, по мнению коллег, — настоящий исследователь-подвижник, продолжатель истинно демидовских традиций, берущих свое начало в горной промышленности Урала.

Четвертым (пятьдесят девятым) лауреатом из числа 13 номинантов-соискателей — выдающихся ученых-гуманитариев России — назван академик РАН, заведующий кафедрой археологии Московского университета Валентин Лаврентьевич Янин, ученый, открывший множество новых страниц в истории Руси, особенно — древнего Новгорода, немало поспособствовавший переменам в отношении к исторической науке. Присуждение ему, всю жизнь возрождавшему истинное прошлое страны, возрожденной демидовской премии можно считать весьма символическим.

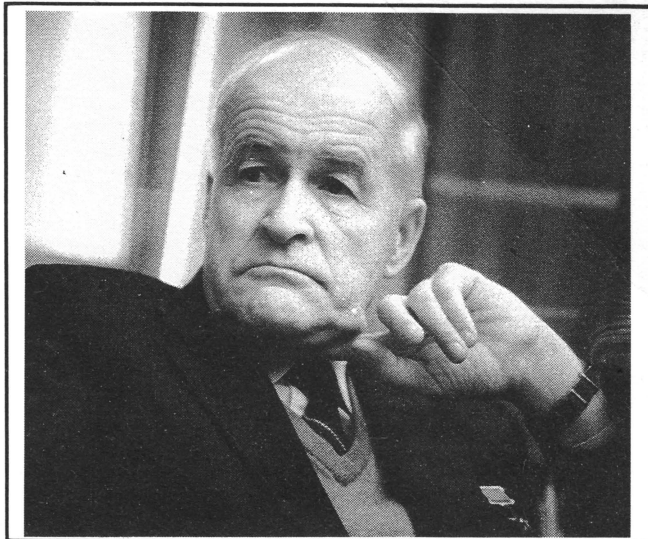
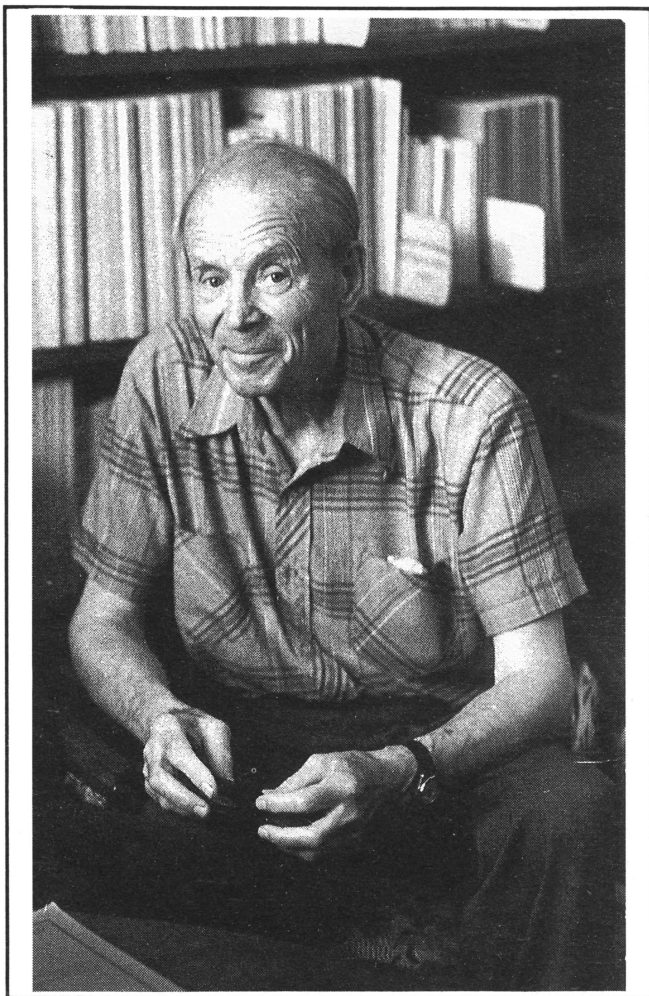
С пятым — то есть шестидесятым — лауреатом Демидовской премии дело обстоит сложнее всего. Еще за неделю до торжественной церемонии вручения его фамилия не была названа, более того, были серьезные сомнения, что премия за достижения в сфере экономики и предпринимательства вообще будет присуждена в 1993 году. Позиция ученых была однозначна: сегодня нет четких критериев оценки научного вклада в развитие экономической теории. Действительно, трудно говорить о каких-то достижениях мирового уровня при нынешнем экономическом положении России. И вот, в последний момент было принято решение присудить Демидовскую премию не "чистому" ученому, а производственному (благо, статус награды это позволяет). Таким образом, пятым лауреатом стал Анатолий Вячеславович Карпов — кстати, он имеет звание профессора, лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров РСФСР — директор бывшего Бийского химического комбината, а ныне акционерного общества "Полиэкс". Лишившись ста процентов госзаказа оборонной продукции, возглавляемое им предприятие сумело освоить более сотни видов мирных товаров, выйти на мировой рынок и, более того, значительно расширить производство. В этом году АО "Полиэкс" ввело в строй пять (!) новых заводов, вложив в них около ста миллиардов рублей. Такая конверсия действительно является достижением, достойным Демидовской премии.

Кроме того, повторимся, присуждены гранты: два годовых (сумма 1 млн. рублей каждый) и три полугодовых (соответственно по 0,5 млн. рублей). Отметим, что по решению Комитета по Демидовским премиям в этом году гранты присуждались только по одному научному направлению, и самым бедственным было признано положение в области гуманитарных и социальных исследований. Из 24 поданных проектов вначале было отобрано 9, из которых в результате осталось пять. Вот их перечень. Годовые: 1) Гуськова Т. К. "Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века"; 2) Алексеев А. В. "Изменение и анализ динамики структуры промышленного производства в натуральном и ценностном выражении в условиях формирующегося рынка". Полугодовые: 1) Мошкин С. В., Руденко В. Н. "Инфантес-политикус" ("Ребенок политизированный"). 2) Сапоговская Л. В. "Золотопромышленность Урала и Сибири (80-е гг. XIX в. — 1917 г.): опыт сравнительно-исторического анализа". 3) Шашков А. Т., Акишин М. О. "Уральская переписка В. И. де Геннина с Петром Великим и Екатериной I".

Хотелось бы особо поздравить Сергея Мошкина и Виктора Руденко, статья которых из цикла "Инфантес-политикус" "Глядя на взрослые игры..." впервые увидела свет на страницах "Уральского следопыта" (см. № 3 за 1993 г.).

И еще об одном важном начинании Демидовского фонда нельзя не упомянуть. Это — впервые в России присужденный так называемый адаптационный грант.

Не секрет, что в настоящее время многие российские

речи на торжественном вручении, состоявшемся 29 ноября в Екатеринбургском театре оперы и балета: "Пусть этот фонд будет долговечен и крепок, как демидовская сталь, пусть он не ржавеет и не покрывается позолотой".

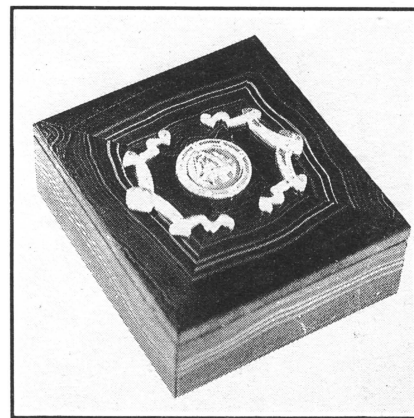
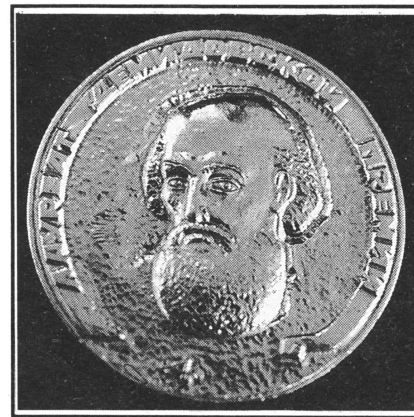
На снимках: академик С. В. Вонсовский; академик Н. К. Кочетков; серебряная медаль лауреата и малахитовая шкатулка.

Фото С. Новикова

ские ученые, работавшие в бывших союзных республиках, по ряду причин оказались беженцами. И вот Демидовский фонд решил — пока только в Уральском отделении Академии и только для одного человека ежегодно — выделять такие гранты для ученых-беженцев из ближнего зарубежья.

Первым лауреатом стал кандидат геолого-минералогических наук, геофизик Сергей Николаевич Устинов. Последние десять лет он жил и работал в Таджикистане, изучал с помощью высокоточных приборов изменения в земной коре, добился очень интересных результатов. А потом случилась гражданская война. Ученый с женой и двумя детьми был лишен возможности не только нормально работать, но и просто зарабатывать на хлеб. Тогда как его работа, имея большое фундаментальное значение — она способствует совершенствованию теории прогноза землетрясений — содержит и сугубо житейское значение для нас, уральцев. Можно ли дальше спокойно эксплуатировать Белоярскую АЭС, крупные рудники, не зная, как изменились под ними недра, надолго ли их еще хватит? Устинов, кажется, может ответить на этот вопрос. Теперь. С помощью Демидовского фонда. Для продолжения его исследований создана новая лаборатория в институте горного дела, ему выделен миллион рублей в условиях безвозмездной ссуды и в течение года должна быть предоставлена отдельная квартира. Может быть, идея адапционных грантов приживется не только на Урале? Ведь, кроме бескорыстного благородства элементарной помощи человеку, в ней содержится и вполне практический элемент: нельзя разбазаривать научный потенциал страны который сейчас, пользуясь его бедственным положением, с легкостью перекупает Запад...

Время покажет. А мы можем только присоединиться к желанию Б. В. Чеснокова, которое лауреат высказал в ответной

К читателям!

Прошедший 1993-й год был трудным для нас. Мы нарушили почти все свои обязательства перед читателями. Конечно, можно было поискать оправдания этому конфузу и как-то обелить себя. Но мы считаем, что главная вина наша, редакции журнала "Уральский следопыт": Мы извлекли урок из произошедшего и постараемся сделать все, чтобы 1994-й год не был похож на 1993-й. Впрочем, судить об этом вам, уважаемые читатели.

С целью не потерять друзей в ближнем зарубежье, тех, кто не успел или не захотел подписаться на "Уральский следопыт", не веря в нашу надежность, мы предлагаем следующий вариант получения журнала.

В предыдущем номере журнала мы будем сообщать, какова цена следующего номера, и эту сумму плюс расходы на пересылку (их можно узнать в почтовом отделении) следует посылать по адресу:

620219, ЕКАТЕРИНБУРГ, ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67.

Цена первого номера за 1994 год — 400 руб.; второго — 450.

Если вы подписались на журнал не с первого номера, то сможете заказать у нас все предыдущие номера за следующий год.

Рассылка будет производиться в течение 10 дней с момента получения перевода.

Главный редактор
Виктор КЛОЧКОВ

Оформление
Александра КОРОТИЧА